Духовно-познавательный журнал
OURSPACE
НАШЕ ПРОСТРАНСТВО
№23
ноябрь
2021

Кто желает блага, тот должен желать блага, равного миру

ЖИЗНЬ В ИЗБЫТКЕ

8 ИЛЛЮЗИЙ О СЕБЕ / ОТ СВОБОДЫ К ОДИНОЧЕСТВУ
АТЕИСТЫ, НО НЕ МАТЕРИАЛИСТЫ / УМИРАЕТ ЛИ РЕЛИГИЯ?
КИНО БЕЗ АКТЁРОВ / ИСКРЫ ВСЕЛЕНСКОГО РАЗУМА

Духовно-познавательный журнал
OURSPACE
НАШЕ ПРОСТРАНСТВО

№23
ноябрь
2021

В НОМЕРЕ:

Картина мира
2 Жизнь в избытке
7 На том берегу

Этика, принцип, философия
15 8 иллюзий о себе
24 Как тело и как душа
28 От свободы к одиночеству

Анатомия Учения
33 Не вера, а доверие
37 Атеисты, но не материалисты
41 Заоблачная твердыня

По Учению
46 Мораль по Учению

С точки зрения Учения
53 Против вещизма
59 5 доводов Фомы Аквинского
63 Природа и... Природа

Человек, общество, мир
68 Кино без актёров
73 Всемирный язык: мечта и необходимость
78 Умирает ли религия?

Актуальный комментарий
84 Прощай, генерал
87 Лишь повод
90 Крёстный отец как вымирающий вид
93 Мечтаю ошибиться

Достойное кино
96 Билли Бадд

Человек и Вселенная
103 Искры вселенского разума

По страницам пандэкта
106 Благородная наука

Цитаты и высказывания
110 Эвбулей, 26
113 Эосфор VII, 24
116 Учись любить несовершенное...

Вопросы и ответы
118 О доброжелательности и любви
121 О Творце и твари
123 О знаках принадлежности к Учению

№23
ноябрь 2021

Духовно-познавательный журнал
OURSPACE
НАШЕ ПРОСТРАНСТВО

Духовно-познавательный журнал «Our space» («Наше пространство»)

Первое интернет - издание, посвящённое Учению Единого Храма. Тематика журнала охватывает пространство жизни Учения, его взгляды на мир и человека, его отношение к различным явлениям жизни и событиям.

Журнал не является строго периодическим и выходит только в электронном варианте.

Сайт издания расположен по адресу:
http://amra.space/

Материалы публикуются на сайте по мере их написания. Вопросы и предложения можно отправить через форму обратной связи.

© 2021 «OUR SPACE»
Все права защищены.

При полном или частичном использовании материалов ссылка на «OUR SPACE» обязательна. В случае использования материалов на интернет-ресурсах обязательна гиперссылка на сайт www.amra.space

Жизнь в избытке

Если читатель помнит, у нас как-то был разговор о том, что Бытие — это жизнь, благо и любовь, простирающиеся в бесконечность. Безусловно, такая грандиозная тема, данная тогда в простом наброске, может и должна быть развита более подробно. И сейчас мы коснёмся некоторых её аспектов, рассмотрим их чуть более пристально.

Бытие — источник жизни для всего, что существует в нём. Ну а за счёт чего существует оно само? Можно сказать, что оно продуцирует жизнь в самом себе. Да, но как это происходит? Это происходит через его частицы, через их развитие и совершенствование. Получается следующая картина: Бытие даёт им возможность жить, будучи той средой, в которой они только и могут существовать, а они, через собственное развитие совершенствуя среду (которая из них же и состоит), продляют жизнь ей. Имеет место полная взаимозависимость. Идеальный симбиоз, — если так можно сказать о взаимоотношениях целого и его частиц.

Вроде бы всё просто и понятно. Но может возникнуть вопрос: а где же тут место для любви? Из нарисованной выше картины мы видим то, что можно назвать

отношениями обмена. Взаимно необходимого и идеального, — но, тем не менее, всего лишь обмена. Бытие ради своего выживания поддерживает жизнь частиц, они ради своего выживания поддерживают его жизнь. Вроде как баш на баш, ко взаимной выгоде. Так тут любить друг друга вовсе и не обязательно. Это как брак по расчёту. Разве нет?

Нет. Потому что в действительности всё несколько сложнее.

Прежде всего отметим тот момент, что любовь частицы к целому отнюдь не является очевидно возможным фактором. Проще говоря, откуда может браться эта любовь? Ведь даже осознающая частица, такая, как человек, может не знать и не понимать, что происходит. Многие ли имеют представление о том, что существует Бытие и что оно даёт им жизнь? Обычно максимум, что воспринимается людьми как животворящая среда, это природа нашей планеты. Да и то, далеко не все относятся к ней с любовью и благодарностью. А уж правильно воспринять идею беспредельного Бытия, понять его функцию и научиться правильно к нему относиться, ещё сложнее. Требуется очень серьёзная внутренняя работа. Работа по осознанию. Так что же, эта сторона тандема изначально не испытывает любви к другой стороне? Тем более, что она, так сказать, оплачивает свою жизнь, возвращая жизнь в ответ. На самом деле, испытывает. На глубинном уровне. В нашей Вселенной это уровень Духа. Дух знает, что происходит, и правильно реагирует на это. Он ощущает всеобщее единство, видит одним целым себя и Вселенную, благодаря которой он существует, и потому не может относиться ко всему недружественно или даже нейтрально. То есть любовь ко всем и всему присутствует в нас на уровне Духа, как элемент духосознания. Однако на более явном уровне она проявляется довольно слабо, ибо приглушается огромным количеством внешних факторов, раздражителей и эмоций, теряется на их фоне. Поэтому человеку приходится как бы заново учиться любить всё и всех, достигая этого через познание и осознание. По сути же он через эту работу пробивается к тому, что в нём уже есть, старается вспомнить то, что в своё время забыл. Происходит возврат к корням, в прямом смысле слова.

Хорошо. Только ведь это не объясняет всего. Дух знает, что жизнь ему даёт Вселенная (как частное проявление беспредельного Бытия). Но и он отвечает ей тем же, — то есть помогает существовать. Что же он знает такого, что даёт основания не только для чисто «деловых» отношений, но также для благодарности и любви?

Теперь обратимся к другой стороне нашего тандема. Бытие живёт своими частицами, ощущая их как себя, — и его, в отличие от нас, не отвлекают никакие

внешние факторы. Поэтому для него любовь к своим частицам безусловна и всеобъемлюща. Как безусловно и всеобъемлюще его желание дарить им жизнь.

Вот тут — очень важное уточнение: я недаром употребил выражение «дарить жизнь». Почему? Потому что если речь идёт о подарке, то это обязательно должно быть нечто безвозмездное, дающееся не в обмен, как эквивалент чего-то другого, а просто из добрых побуждений, из любви. Ну а если представить, что речь идёт только об обмене эквивалентов, когда целое даёт частицам жизнь, а они отрабатывают ему ровно столько же жизни в ответ, тогда и возникает вопрос: а в чём смысл сего процесса? Это же как будто двое передают друг другу одну и ту же вещь, — причём каждый из них делает это только для того, чтобы другому потом было что дать ему. Они могут заниматься этим вечно, и ни для кого из них ничего не изменится. Абсолютно бессмысленное времяпрепровождение. Неужели между Бытием и его частицами происходит то же самое? Или.. Что в этом случае означает выражение «дарить жизнь»?

Оно означает, что на самом деле Бытие даёт своим частицам больше жизни, чем получает от них. Обмен имеет место лишь частично; остальное же Бытие дарит, реализуя тем самым свою любовь. Ведь жизнь — то есть возможность существовать — самый ценный дар. Бытие даёт своим частицам, и людям в том числе, жизнь в избытке.

Может быть, это звучит несколько странно. Как это — жизнь в избытке? В чём выражается избыток? А в том, что нам не приходится всё своё время без остатка, все свои силы, мысли, возможности и т.д. направлять исключительно на поддержание жизни Бытия. Кое-что остаётся и лично для себя. Для понятности приведу упрощённый пример. Представим некую компанию, которая имеет штат сотрудников. Без них она существовать не сможет, поскольку её существование держится на их труде. Им она, в свою очередь, платит зарплату. Если не будет платить, они перемрут от голода, и тогда самой компании конец. Но если она будет им платить ровно столько, чтобы они не протянули ноги и могли продолжать работать, и при этом требует, чтобы они отдавали работе всё своё время, тогда им впору задаться вопросом «А зачем нужна такая жизнь? Какой в ней смысл?». В самом деле, человек — не машина. Ему нужно ещё как-то реализовать себя и в иных качествах. Поэтому компания платит ему существенно больше, чем только для поддержания жизни, и не забирает всего его времени. Он живёт за счёт денег, получаемых от компании. При этом он отдаёт ей часть своего времени, и тратит обратно на свою работу часть зарплаты, — например, на проезд, на покупку еды для обеденного перерыва, на что-то из одежды, если есть дресс-код, и т.п. Можно сказать, что в такой форме он возвращает компании часть денег, которые от неё

получил. Но именно что — часть. Много денег, как и времени, остаётся ему самому. И он может потратить их на то, что напрямую к компании уже не относится, — на своих близких, на хобби, развлечения, творческие проекты, общение, отдых, и так далее, и так далее. То есть он не просто вкалывает 24/7 ради куска хлеба, а может и работать, и при этом жить в удовольствие.

Картина, по-моему, весьма приглядная. К сожалению, дела вот так обстоят не во всех компаниях. Но в Бытии они обстоят именно так.

Оно любит нас как своих детей, и даже ещё сильнее, и хочет, чтобы мы не просто жили, но и чтобы нам было хорошо. Поэтому оно даёт нам жизни не ровно столько, сколько мы можем ему вернуть, а существенно больше. Оно дарит нам жизнь в избытке. В избытке, который мы можем тратить на себя.

Это и есть то, что известно нашему Духу. Поэтому в нём живёт любовь и благодарность ко Вселенной и Бытию. Так ребёнок благодарен матери, подарившей ему жизнь и продолжающей дарить свою заботу и ласку.

Мы должны всегда помнить, для чего мы здесь. Мы здесь для того, чтобы, совершенствуясь и трудясь для мира, помогать совершенствованию Бытия и тем самым поддерживать его жизнь. Но это не означает, что нужно уйти в суровую аскезу и стараться, чтобы абсолютно все наши мысли и поступки на 100% отвечали поставленной задаче. Если стараться не делать зла, если стараться в любой ситуации оставаться человеком, то они и так будут ей отвечать. Если посвящать должную часть времени и сил своему духовному развитию и труду на благо людей и мира, это будет достойным выполнением жизненной задачи, которую мы называем Великим Долженствованием. Но при этом можно и отдохнуть, и развлечься, и посвятить какое-то время тому, что непосредственно не касается её выполнения. Иначе говоря, жить не только ради Великого Долженствования, но и в своё удовольствие. Для этого жизнь и даётся нам с избытком, — чтобы её хватало на всё. Кстати говоря, осознанное выполнение Великого Долженствования, когда умеешь правильно его ощутить, — это отдельное удовольствие. Наслаждение от своей уместности и реализованности смысла своего существования, которое просто не с чем сравнить.

Бытие любит свои частицы и хочет, чтобы им было хорошо, чтобы они были счастливы и общим счастьем, и своим личным. Поэтому оно отмеривает им жизнь в избытке, чтобы, так сказать, покрыть все их расходы. И если какая-то частица — к примеру, какой-нибудь человек — вообще не имеет понятия о Великом Долженствовании и не умеет его выполнять, жизнь даётся ему всё равно. Он возвращает Бытию в ответ меньше жизни, чем должен был бы, — но оно продолжает дарить ему жизнь. Потому что оно любит его, и смотрит на него не как

на тягловую лошадь, а как на своё дитя. Ну да, дитя непутёвое... Но со временем оно исправится. Обязательно.

Что можно сказать в заключение? Цените дары Бытия. Живите в радость. Этим вы порадуете и его, — если ваши радости не будут такими, за какие нормальному человеку стыдно. Уделяйте достаточно внимания и старания главной задаче, — той, ради которой вы здесь. Старайтесь понять и осознать то, что знает ваша душа. И учитесь поступать так, чтобы результатом было не горе и страдание для кого-то, а прибавление жизни для всех.

© Атархат, 2021

На том берегу

Время настало. Седлай коня.
Упущен прощанья час.
Рысью на запад, по следу дня, —
Пока закат не угас.
Душу — отеческому очагу,
Сердце — любимой, силы — клинку.
Ты уезжаешь в последний раз.
До встречи на том берегу.

Атархат. Из сборника «Incombusto»

Среди самых сильных и, я бы даже сказал, страстных желаний человечества всегда было желание узнать, что находится там, по другую сторону жизни. Ведь люди упорно отказываются верить в то, что они смертны по-настоящему, — то есть что они совсем исчезают, начисто прекращают своё существование. Максимум, на что они в большинстве своём готовы согласиться, так это на то, что умирает тело. Но сам-то человек должен остаться. Остаться где-то ещё, в другом мире, и продолжать там жить. Может быть, даже жизнью, не слишком отличающейся от той, которую он вёл здесь. Поэтому раньше с умершим в могилу часто клали оружие, утварь, и разное другое, что может ему понадобиться там, —

вплоть до слуг и наложниц. Социальный диапазон таких захоронений максимально широк — от древних охотников до императоров.

Религия была, и для многих по сей день остаётся единственным способом хоть как-то объяснить устройство мира и место в нём человека. Причём место не только в зримом мире, но и в загробном. Наряду с прочими важнейшими вопросами разные религии были призваны осветить также и этот. Вариантов существует много. Но есть люди, которых не устраивает ни один из них. Причём это не обязательно материалисты. К примеру, моя бабушка, считавшая себя православной, начисто отвергала все церковные описания посмертия, включая рай и ад, и говаривала: «Никто ещё оттуда не возвращался и не рассказывал, что там». Как ей при этом удавалось причислять себя к верующим, для меня загадка. Но ситуация была парадоксальна не только в этом. Она была парадоксальна ещё и в том, что как раз я-то, её внук, точно знаю, что я вернулся оттуда, и знаю, что там. Только вот убедить её в этом не было никаких шансов...

Для меня посмертие — это не только то, о чём говорит Учение, но и то, что я помню сам. Поэтому и рассказать о нём я могу и как человек, излагающий картину мира по Учению, и как очевидец.

Тема эта очень обширна. Если рассказывать подробно, получится целая книга. Поэтому здесь мы просто пробежимся по теме, увязав вместе те моменты, о которых уже была речь, и дополнив картину новыми деталями.

То, что мы обычно называем смертью, это, по сути, только смерть тела. Оно в самом деле прекращает существовать как факт реальности, распадается, исчезает. Но то, в чём содержится личность человека (назовём это душой), продолжает существовать. Это и есть сам человек, но только сбросивший внешнюю, материальную оболочку. Теперь основным его телом стало тело энергетическое, и он, соответственно, теперь видит и воспринимает энергетический мир и себя в нём, — так же, как до того воспринимал материальный мир и себя в нём.

Не уверен, что перед взором умирающего в обязательном порядке предстаёт тоннель со светом на другом конце. Вполне возможно, что некоторые видят что-то подобное. Но перевозчика, переправляющего умершего на другой берег мрачной реки, совершенно точно не существует. Хотя тому, кто верит в это и именно этого ожидает, может привидеться что-то и в таком роде. Человеческая психика склонна порой выкидывать странные фортели даже в спокойном состоянии; в момент же такой кардинальной перемены она испытывает особенно сильную встряску, что может запустить самые странные «спецэффекты», — от пришедших тебя встречать усопших родственников до унесения тебя страшным

ангелом смерти.

Что же до реки, то это хороший, яркий образ, символизирующий переход в иное состояние. Ты как будто и впрямь оказываешься на другом берегу, где и ты уже другой, и жизнь другая.

После перехода — сиречь отделения от тела — каждый попадает в личный ад. Это неизбежная стадия, миновать которую нельзя. Но для некоторых она начинается не сразу, потому что сначала они попадают в иллюзию.

Так происходит с очень религиозными, сильно верующими людьми. Каждая религия представлена в мире энергии в виде иллюзии, которая создаётся и подпитывается энергетикой множества верующих в течение долгого времени. Причём это образ не только ложного бога или богов, но и других персонажей данной религии, а также связанных с ней «потусторонних» локаций, — обиталища богов, рая, ада и т.д. Это нечто вроде виртуальной реальности; модель того, что представляют себе люди, созданная из отданной ими энергии и оформленная их воображением. Такая иллюзия может быть очень правдоподобной, если в неё вкачано много энергии. Она энергетически связана с теми, кто в неё свято верит, буквально являясь образом мира, в котором они живут. И когда такой человек умирает, иллюзия втягивает его в себя. Он ожидал, что попадёт именно в такой загробный мир, всей душой верил в это, — вот он там и оказался. Он видит вокруг себя то, во что верил, — и теперь как бы имеет доказательства истинности своей веры. Всё можно увидеть, можно даже потрогать. Только вот он не знает, что в это время в других иллюзиях верующие других религий точно так же радуются тому, что получили «подтверждение» их истинности. И он некоторое время живёт в иллюзии, продолжая верить в неё и, соответственно, отдавать ей свою энергию. Убыль его собственной энергии ему непрерывно восполняет Природа, которая не может допустить, чтобы он истощил себя полностью. Таким образом, для иллюзии он — возобновляемый источник питания, своего рода батарейка, одна из многих, поддерживающих её существование.

Конечно, в наше время таких людей, после смерти становящихся пленниками иллюзий, гораздо меньше, чем раньше. Потому что во всех религиях всё меньше и меньше тех, кто верует настолько сильно и бескомпромиссно.

Иллюзия не пользуется своей батарейкой вечно. Человеку нужно продолжать путь к новому рождению, — и потому в какой-то момент (спустя месяцы или даже годы) законы Природы вырывают его из иллюзии. Вот тогда он и отправляется в личный ад. Кто не был в иллюзии, тот отравляется в него сразу. Там происходит очищение от особого вида отрицательной энергии, накопленной в течение жизни. Это не наказание, а естественный процесс: ты сам накопил дурную энергию, и от

неё следует избавиться, чтобы не тащить её с собой дальше. Процесс избавления весьма болезнен, — почему мы и называем его личным адом, по аналогии со страдалищами, описанными в религиях. Находиться в личном аду можно тоже довольно долго, месяцами и годами, — но и это однажды заканчивается.

Вот тогда-то, собственно, можно впервые осмотреться и увидеть вокруг себя мир энергии. И стража, который тебя встречает.

Страж сопровождает своего подопечного на протяжении всей его жизни, от зачатия до смерти, потом дожидается, когда тот освободится из личного ада (и из иллюзии, если он там оказался). Дождавшись, страж начинает с ним общаться, становясь ему другом и наставником. Конечно, для многих увидеть стража — шок, ибо тот далеко не всегда похож на человека. Люди среди стражей есть, но их очень мало. Так что первое время с общением могут быть сложности. Но если в мире материи собеседник будет убеждать, в основном, словами, то в мире энергии можно ясно ощутить его энергетику и убедиться, что это друг. Ну а к необычной и, по первости, неприятной внешности привыкаешь довольно быстро. Особенно видя, как много страж для тебя делает. А он помогает освоиться в мире энергии, сообщает (или напоминает, потому что ты, скорее всего, проходишь через это не в первый раз) необходимые сведения, обучает тому, как нужно передвигаться, общаться, изменять облик, смотреть, чтобы видеть «слои» мира энергии, и так далее.

Среди прочего, страж учит вспоминать прошлые жизни. Это необходимо, ибо помогает человеку увидеть себя полнее. Ведь на самом деле он, скажем так, не совсем таков, каким себя представляет. Он, скорее всего, прожил уже не одну жизнь, побывал не в одном времени, не в одном народе, не в одном облике. Сегодняшний он — это совокупность всех этих людей, результат их слияния, их перехода друг в друга. Страж помогает вспомнить и осознать это. Он может что-то обсудить, пояснить, когда это нужно, указать на ошибки. Словом, помогает подопечному осмыслить себя по-новому. Фактически, расширить сознание. И этот новый, вспомнивший себя человек сильно отличается от того, который не так давно вышел из личного ада и увидел перед собой стража.

Пока страж учит, человек вспоминает, — ведь всё это он уже знал и умел в прошлых посмертиях. Поэтому утраченные навыки могут вернуться довольно быстро, и можно довольно быстро освоиться в новом мире, — который на поверку оказывается вовсе не новым, а довольно-таки привычным.

Поговорим о навыках. Это, например, перемещение. В мире энергии можно двигаться в любую сторону, как в толще воды. Понятия верха и низа там условны, и оказываются актуальны, в основном, по отношению к каким-то крупным

объектам. Поэтому там можно идти ногами, условно приняв некий вектор за плоскость, можно лететь, — как угодно, хоть маша руками, как крыльями, хоть в позе Супермена, хоть спиной вперёд, — а можно и совершать мгновенные переходы из одной точки пространства в другую. Последнее требует определённых личных качеств, навыка и сноровки. А ещё — чтобы тебе с точки зрения Природы было можно туда, куда ты хочешь. Попасть туда, где ты быть не можешь или не должен, не получится. По совокупности вышеуказанных причин и возможности к мгновенному перемещению у всех разные. Кто-то не может покинуть окрестности Земли, кто-то свободно перемещается по Солнечной системе, кто-то — между звёздами (это вполне обычный уровень), кому-то доступны иные галактики и ещё более далёкие уголки Вселенной. Можете себе представить, какие чудеса, приключения и встречи ждут такого путешественника.

На его счастье, в мире энергии нельзя умереть. Опасностей там хватает, и могут быть весьма неприятные встречи, ему могут сделать очень больно, — так сказать, покромсать, в энергетическом смысле, — но не убить. После таких вояжей принимаешь на заметку, что есть места, куда лучше не соваться, и существа, которых лучше избегать.

С коммуникацией в мире энергии всё много проще, чем здесь. Там работает то, что можно назвать телепатией. Можно транслировать собеседнику смысл того, что ты хочешь сказать, ощущения, образы. Именно поэтому общение со стражем налаживается очень быстро. Языкового барьера, таким образом, не существует, и с жителем иной планеты, если обстоятельства позволят с ним повстречаться, можно общаться так же свободно, как с собственным родственником.

Кстати, о родственниках и друзьях. С ними — т.е. с теми из них, кто тоже умер — можно встретиться и пообщаться. Правда, тоже не всегда; бывают обстоятельства, которые в некоторых случаях этого не позволяют. В мире энергии человек научается пользоваться тем, что иначе, как внутренним компасом, не назовёшь. Когда ты очень хочешь с кем-то встретиться, ты начинаешь чувствовать направление, в котором тот находится. Затем движешься туда и ищешь его. А если уметь, то можно и позвать через пространство, обозначить себя, — и тогда можно встретиться быстрее, двинувшись навстречу друг другу. Узнать же друг друга можно, даже если облик изменён, — потому что распознаётся не лицо, а энергетика, которая у каждого человека уникальна. Для этого имеется ещё одно специальное чувство-определитель.

Эти и другие чувства есть у нас и в мире материи. Но здесь они задавлены пятью чувствами тела, — и когда они у кого-то всё же проявляются, это всех удивляет и называется «экстрасенсорикой».

Что до изменения облика, то это тоже интересный момент. Энергия пластична, и потому из своего энергетического тела можно ваять почти всё, что угодно. Изменять внешность, фигуру, одежду, которая создаётся из той же энергии. Одежда там не нужна, но люди обычно создают её себе. Во-первых, привычки и усвоенные моральные нормы оказываются очень сильны, а во-вторых, это огромный простор для творчества. Можно продолжать «носить» привычную и любимую одежду, можно одеваться в самые изысканные наряды от знаменитых модных домов, чего нельзя было позволить себе в земной жизни, можно примерить костюмы разных исторических эпох, а можно и создать что-то своё, вообще пуститься в эксперименты. Что же до внешности, то с ней тоже много экспериментируют, — интересно же. Тем более, что формы не ограничены человеческими. Ты можешь принять облик животного, предмета, чего угодно, а также какую-нибудь геометрическую форму, — хоть шара. Кто смотрел сериал «Глубокий космос 9» и помнит Одо, тот примерно представляет, как выглядят такие трансформации (а также слияние двух индивидуумов). Правда, привычка и здесь берёт своё. Большинство людей в мире энергии предпочитает сохранять ту внешность, которую они имели в мире материи. Хотя часто её несколько улучшают, — например, исправляя физические недостатки, избавляясь от увечий, следов болезней и травм и т.д. А ещё, естественно, подправляют себе возраст. Восьмидесятилетнему человеку очень приятно вновь увидеть себя, например, тридцатилетним. Можно и наоборот, — прибавить себе возраста и посмотреть, как бы ты выглядел лет через сорок.

Подобные трансформации, из пожилого в молодого и наоборот, могут показаться чем-то вроде обмана. На самом деле, нет. Возраст перестаёт быть актуальным со смертью физического тела. В мире энергии он сохраняется разве что психологически. Но когда проведёшь там пару-тройку сотен лет не старея, как-то перестаёшь соотносить себя с определённым возрастом.

Взрослые в мире энергии не стареют, а вот дети растут. Когда там оказывается ребёнок, он продолжает внешне изменяться с течением времени, с той же скоростью, с какой он рос бы в физическом теле. Это продолжается до момента, когда в мире материи ему исполнился бы 21 год, то есть возраст наступления зрелости. С чем связана столь необычная закономерность — вопрос отдельный. Здесь просто констатируем это как факт.

Как уже было сказано, в мире энергии нельзя умереть. Хотя там есть неприятные ощущения, и даже энергетическая аналогия боли. Но когда всё это не грозит смертью, то и не очень страшно. А ещё, туда не переносятся болезни физического тела, — что вполне понятно, ведь тела-то больше нет. Энергия же

восстанавливается быстро. Поэтому после перехода человек оказывается совершенно здоров, — вплоть до того, что у него оказываются в наличии все утраченные части тела и органы. То же самое происходит и с психическими болезнями. Они просто исчезают. Ранее невменяемый человек становится полностью вменяемым.

К слову сказать, «вменяемый» ещё не означает «здравомыслящий» или «добрый».

В заключение скажу несколько слов вот о чём. Из мира энергии можно видеть мир материи. Научиться этому достаточно легко. Можно обозревать просторы Вселенной, наслаждаться необычными пейзажами чужих планет. Но многие в первую очередь, как только это становится возможным, спешат взглянуть на родную планету. Можно любоваться ею с орбиты, или с высоты птичьего полёта, незримо паря в атмосфере, а можно и прогуляться по ней, побывать там, где всегда хотел побывать, но не мог, или же пройтись по улицам родного города, — опять же, незримо для окружающих. И да, бывает можно сделать то, что приходит на ум в первую очередь: посмотреть не тех, кого ты оставил, на любимых и близких людей. Правда, это не будет общением, ибо ты их увидишь и услышишь, а они тебя нет. Это довольно тяжело принять. Но ещё тяжелее принять тот факт, что ты не сможешь вмешаться и чем-то помочь им. А ведь хочется оберегать и опекать их, — особенно если это твои дети или любимый человек. Нельзя сказать, что вмешательство не допускается вообще никогда. Но законы Природы позволяют его столь редко, что лучше на это не рассчитывать. Должно сложиться некое особое стечение обстоятельств и необходимостей, когда от вмешательства будет зависеть нечто особенное, о чём ты вряд ли будешь знать, но что Природа сочтёт заслуживающим вмешательства. Кроме того, глянув на жизнь тех, кого ты оставил, порой можно увидеть совершенно неожиданные (а иногда и ожидаемые) и, мягко говоря, малоприятные вещи. Так что радость от появившейся возможности увидеть тех, кого ты любишь, часто бывает сопряжена с большими огорчениями и душевными страданиями. Да и стоит задуматься над тем, насколько этично вот так «подсматривать» из иного мира за жизнью других людей, — пусть и близких тебе. Кто-то из них хочет думать, что усопший (папа, мама, муж, жена и т.д.) всегда с ним и видит его «с неба», а кому-то такой надзор, от которого нельзя отказаться, был бы не в радость.

Рассказывать об интересных реалиях посмертия можно долго, и мы в дальнейшем ещё будем возвращаться к этой теме. Здесь же я хотел лишь дать краткий очерк того, что ожидает человека после перехода в мир энергии. Далее ему предстоит путешествовать, — сперва со стражем в качестве спутника, затем

без него, — открывать для себя новые места и горизонты, общаться, заводить новые знакомства и возобновлять старые (ведь вполне реально встретить кого-то даже из своих прошлых жизней). Словом, предстоит жить, познавать, что-то делать. Можно сказать, что есть некая условная (а порой и довольно конкретная) программа, которую нужно выполнить. Обычно на это отводится несколько сотен лет. Ну а потом приходит время для нового рождения, нового погружения в материю. Для начала очередного важного этапа в цепочке жизней, после которого ты вновь окажешься в мире энергии, — но уже немного другим. Или сильно другим. В зависимости от того, насколько интенсивным и успешным будет твоё моральное и духовное развитие во время жизни в материальном теле.

Очень важно иметь какое-то представление, хотя бы в общих чертах, о том, что ожидает тебя после смерти. Это поможет не оказаться пленником иллюзии, легче перенести личный ад, не испугаться стража, быстрее сориентироваться и освоиться в мире энергии. Когда попадаешь в незнакомые края, лучше иметь в голове справочник и путеводитель. Поэтому надо привыкать к мысли о том, что ждёт тебя в мире энергии. Тем более, что тебя там ждёт немало интересного. Конечно, мир энергии — не курорт, но и не мрачный Тартар.

Ещё отмечу, что для последователей Учения в посмертии имеются свои нюансы. Так сказать, профессиональная специфика. Но об этом — отдельно.

© Атархат, 2021

РУБРИКА: **ЭТИКА, ПРИНЦИП, ФИЛОСОФИЯ**

8 иллюзий о себе

Учение позволяет избавиться от множества иллюзий и прожить полноценную жизнь, полную смысла и счастья. Здесь я расскажу о восьми иллюзиях, которые мучают людей, значительно снижают качество их жизни и зачастую приводят к мучительным переживаниям и неспособности жить счастливо. Огромное количество людей страдает от одиночества, ощущения собственной слабости, ненужности, неспособности увидеть смысл собственной жизни. Эти люди погружены в собственные иллюзии и страдания, и не могут вырваться из них. Именно поэтому в различных духовных учениях говорят о просветлении или пробуждении, то есть об избавлении от заблуждений и иллюзий. Это необходимо человеку чтобы стать тем, кем он на самом деле является: движущей силой эволюции. Это также необходимо ему для того, чтобы чувствовать себя уверенно, быть уравновешенным, спокойным, и проживать свою жизнь осмысленно, не терзая себя понапрасну.

Люди из Учения через познание мира и осознание своего места в нем постепенно приходят к пониманию самих себя. Они видят целостную картину мира и свое место в нем. Осознание глубокой взаимосвязи человека и Природы

открывает истинную суть вещей, и понимание должного постепенно вытесняет иллюзии. Так появляется возможность изжить их и обрести счастье.

Нужно понимать, что это не происходит в одночасье. Познание и изменение себя — длительный процесс, как и сама эволюция. Скорость продвижения напрямую зависит от желания измениться и от усилий, который человек прикладывает к этому. Это не всегда легко, поскольку очень часто привычное, пусть и не самое хорошее, а иногда и болезненное, зачастую оказывается весомее, чем желание измениться. Человеку проще жить в знакомых иллюзиях, чем превозмочь себя и вырваться из них. Практически невозможно измениться сразу. Но этого и не требуется. Прежде чем встать на должный путь, человек проходит путь к нему. Это опыт, и он не менее важен, чем сам путь. Обретя же свой путь и дозрев до необходимого состояния, человек обретает и искомое счастье. Однако на этом самое важное в его жизни только начинается. Ниже я расскажу о нескольких иллюзиях, которые не свойственны человеку, уже обретшему должный путь.

Иллюзия №1: Я одинок

Человек из Учения никогда не чувствует себя одиноким просто потому, что знает, как устроен мир и Вселенная. Он знает, что Вселенная — это живое существо, которое мы называем Творцом. Творец следует своим эволюционным путем, подобно всему в Бытии. Он — осознающее и разумное существо, как и мы с вами. Вернее, мы с вами являемся разумными и осознающими существами, потому что таков он. Каждый человек — это проекция личности Творца. Каждый из нас — частица Творца, который познает себя через каждого из нас. Иными словами, все осознающие существа во Вселенной, и мы с вами тоже, это одна и та же личность. Эта личность смотрит на себя через миллионы глаз, познает себя через сознание каждого и совершенствует себя путем совершенства каждой частицы. Куда бы мы ни посмотрели, везде мы видим себя: в любой частице мира, в любом животном, растении, человеке, в далекой звезде и обитателях дальних планет. Все, что мы любим, все, к чему стремимся, все — часть нас. И наши близкие люди, и те, кого мы даже не знаем, все — часть нас. Невозможно быть одиноким, если все, к чему ты так стремишься, это часть тебя самого. Нет расставаний и нет потерь, нет даже самой смерти, потому что жизнь не прекращается, а лишь меняет формы, и каждая из новых форм — это тоже часть тебя. Одиночество — это иллюзия, когда человек сам отделяет себя от мира, ставя препону на своем пути. Он отворачивается сам от себя, запирая себя, и не желает или не может увидеть самого себя. Он смотрит на себя, на что бы ни смотрел, но отрицает себя. И от

этого он страдает. Человек из Учения знает, каков он и каков мир, чувствует единство с миром, ощущает связь со всем сущим, — связь, которую нельзя разорвать, потому что так устроено Мироздание. Он не бывает одинок, потому что иллюзия одиночества однажды рассеивается, и больше никогда не терзает его.

Иллюзия №2: Я слаб

Человек из Учения никогда не чувствует себя слабым просто потому, что знает, как устроен мир и Вселенная. Он знает, что такое эволюция, как она идет и каковы ее цели на данном этапе развития Вселенной. Все в Творце ищет способ познать и усовершенствовать себя, а значит, эволюция направлена на пробуждение в его частицах активного разума. Эволюция всегда идет от простого к более сложному, и стремится породить вид, в котором сможет пробудиться активный разум. Таким видом на нашей Земле являются люди. Миллионы лет эволюции, множество видов живых существ, и вот в одном из них наконец-то смог пробудиться активный разум. В этот момент эволюция материи как бы отходит на второй план, потому что начинается эволюция другого рода. Человек способен познавать и осознавать, что идет на благо Творцу, а что во вред. Человек наделен свободой воли и способен совершенствовать себя и свой Дух. Так Творец познает себя и работает над своими несовершенствами, стремясь к дальнейшему эволюционному скачку. Каждая частичка Творца позволяет сосредоточиться на участке, который нуждается в проработке, изучить его изнутри и усовершенствовать. Так осознающие все вместе вершат эволюцию нашей Вселенной, строят более совершенную личность Творца. И нельзя ничего отнять или умалить достоинство того или иного человека, потому что каждый — проекция целостной личности Творца. И эволюционировать мы можем только все вместе. Такова задача каждой отдельной частицы и всех частиц вместе взятых. В Природе ничего не порождается без смысла, и все соответствует самому себе, — такому, каким ему должно быть. И человек таков. Человек порожден миром, чтобы вершить этот мир, а значит, каждому это по плечу. Нет в Природе такого организма, который не мог бы выполнять функцию, вмененную ему эволюцией. Мышь умеет быть мышью, волк — волком, вша — вшой. Они таковы, потому что такова их эволюционная задача. Эволюционная задача человека — быть человеком, то есть частицей Творца, обладающей активным разумом, которая двигает эволюцию, творит жизнь этого мира и его будущее. У мыши достаточно сил быть мышью, у волка — волком, у вши — вшой, а у человека — человеком. Он силён ровно настолько, насколько важны его задачи. А поскольку каждый человек — это проекция личности Творца, всей Вселенной как целостной системы, то и сил

у человека ровно столько же, сколько у всей Вселенной. Человек из Учения знает и ощущает это. Поэтому Дух его непоколебим, и нет силы, способной противостоять ему. Он вершит будущее Творца и обладает силой всей Вселенной. Слабость — это иллюзия, и только сам человек может убедить себя в том, что он слаб, и привыкнуть не видеть своей силы.

Иллюзия №3: Я никому не нужен

Человек из Учения никогда не чувствует себя ненужным, потому что знает свое место во Вселенной и свою роль. Он знает, что как человек он — сила, двигающая эволюцию. Он знает, что от него зависит будущее Творца, а значит, всех частиц Творца. Он понимает, что он не просто нужен, а жизненно необходим всему сущему во Вселенной. Все, что не эволюционирует в Бытии, погибает. И Творец погибнет тоже, если не эволюционирует и не адаптируется к новой среде. Для этого он должен познать себя, усовершенствовать, обрети новые силы. И этот процесс реализуется через его частицы, обладающие активным разумом, — включая людей. Творец, как живое существо, или эволюционирует целиком, или погибнет; а значит, если хоть одна частица останется за бортом, то погибнут все. Личность Творца в действительности неделима, и малое равно целому. Человек из Учения ясно осознает это, и потому не ищет внешнего подтверждения своей нужности или активного громогласного одобрения других людей. Он просто делает свое дело — он живет на благо всего мира ради общего будущего. Он знает, как работает механизм, и какую важную роль он в нем играет. Какие еще подтверждения твоей нужности необходимы, если ты знаешь, что от тебя зависит будущее всей Вселенной? Кто осознает это, тот не просто ощущает себя нужным, а видит свою абсолютную уникальность и незаменимость.

Иллюзия №4: В моей жизни нет смысла

Человек из Учения знает смысл существования не только себя, но и других сознающих. Он понимает работу всей системы в целом и видит глобальную цель на данном эволюционном этапе. Он знает, что через его активный разум и свободную волю вершится жизнь Творца. Он знает, что без его активного участия ничего не получится. Смысл его жизнь определен Природой и возложенной ею на него важнейшей задачей. Все остальные задачи и цели, которые человек ставит себе в рамках конкретной жизни, подчинены этой общей и прекрасной цели — вершению жизни и будущего нашей уникальной и непостижимой в своей красоте Вселенной. Смысл жизни каждого человека определен его способностью вершить жизнь, благо, прогресс через созидание и разум. Человек бесценен уже потому,

что от рождения способен на великое. И это великое он вершит своей жизнью. Как бы человек ни старался быть абсолютно бесполезным, он не сможет стать таковым, потому что он не таков по своей сути. Жизнь каждого человека — это познание и прогресс, и эти процессы не идут вспять. Личность Творца совершенствуется через каждого человека уже потому, что этот человек существует. И каждый борется с заблуждениями и стремится к лучшему так, как он умеет. Это и есть познание и прогресс. И потому любая жизнь бесценна.

Иллюзия №5: Меня никто не любит

Человек из Учения знает, что все Бытие пронизано любовью. Все созидается и творится в любви. Бытие дарит всему живому жизнь и возможность наслаждаться жизнью, и оно отчаянно борется за каждую свою частицу, делая ее совершеннее. Бытие живет своими частицами, живёт ради них и через них. Все вокруг — это детище Бытия, ради которого и через которое Бытие существует и само. Стремление дарить жизнь, взращивать ее, совершенствовать ее, давать ей возможность увидеть это благо и совершенство и жить счастливо, — это проявление любви в Бытии.

Осознающие существа, обладающие активным разумом, способны ощущать эту любовь, потому что они — важнейшая часть Бытия. Пассивный разум в Бытии, и все существующее в нем, живет в счастье, гармонии и совершенствовании; но только активный разум способен осознать себя и свою любовь, сделать саму жизнь осознанной, а значит, еще более прекрасной. Бытие осознает всю красоту и все совершенство через активный разум, который пробуждается в осознающих существах. Через осознающих оно смотрит на мир и наслаждается им.

Человек из Учения осознает себя не только как часть Вселенной, но и как часть Бытия; и он любит все сущее, потому что через него проявляется само Бытие. Он погружен в любовь и созидание, преисполнен ими. Он сам является центром этой любви, и потому не ищет ее подтверждения извне. Все вокруг — творение Бытия и само Бытие, а значит, все вокруг — его творение, и в то же время он сам. Человек из Учения принадлежит миру и живет его любовью, и такая любовь безусловна и всеобъемлюща. Он любит мир и все в нем, и заботится обо всем этом. Он как садовник — взращивает прекрасный сад и, видя, как все в саду благоухает, ощущает, что его любовь отзывается в каждом цветке, каждой травинке, каждом дереве. Такая любовь всегда взаимна. И нет нужды спрашивать цветы: «Любим ли я вами?», потому что это само по себе звучит абсурдно. Такой вопрос даже не возникает, он неуместен по своей сути.

Для человека из Учения люди — тоже часть этого прекрасного «сада Бытия».

И все, что он делает для них, он делает не ради того, чтобы заслужить их любовь, а потому, что он любит сам. И вопрос: «Кем я любим, с какой силой и в каком количестве?» не возникает в принципе, потому что кажется даже немножечко смешным.

Иллюзия №6: Я несчастен

Человек из Учения знает, что все Бытие пронизано счастьем так же, как и любовью. Бытие дает жизнь всему сущему. Оно любит все сущее как свое детище и как высшую ценность. Оно заботится обо всем, делая его совершеннее с каждым мгновением, и отдает ему себя без остатка. Из этой любви и рождается высшее счастье Бытия — жить ради своих любимых частиц, давая им возможность осознать любовь и счастье внутри себя. Бытие обладает всей полнотой любви и счастья, и способно передавать эту полноту своим частицам. Осознающие способны жить в этом потоке, быть активной частью Бытия. Они, как и само Бытие, тоже обладают полнотой этого счастья. Их счастье сопоставимо со счастьем Бытия. Оно бесконечно и неиссякаемо. Оно так же незыблемо, как и любовь. Люди из Учения всегда живут в счастье, потому что так живет само Бытие.

Здесь очень важно добавить, что они не стремятся к собственному счастью как к конечной цели. Счастье для них, как и любовь, — это ресурс, который всегда направлен на мир вокруг. И как невозможно любить, не имея объекта любви, так же невозможно быть подлинно счастливым в одиночку. Счастье людей из Учения всегда направлено во вне. Как и любовь, оно реализуется через то благо, которое они делают миру, и через других людей. Их счастье — в стремлении сделать счастливыми других.

Это обусловлено не только импульсом самого Бытия, но и ощущением единства внутри нашей Вселенной. Все осознающие — частицы единой личности Творца, частицы его души. Души, которую нельзя расколоть или вырвать из нее кусок. Мы все развиваемся как единый живой организм, и счастье у нас тоже общее. Обрести полноценное счастье внутри нашей Вселенной возможно только передавая его другим частицам. Так человек из Учения обладает полнотой счастья Бытия и передает его другим частицам во Вселенной, которые еще не осознали его полностью, не пробудили в себе. Он наполняет счастьем другие частицы самого себя.

Иллюзия №7: Я плохой

Человек из Учения знает, что все сущее развивается от менее совершенных форм к более совершенным, и, значит, абсолютного совершенства не существует

в принципе. На каждом эволюционном этапе свои цели, — и когда они достигаются, возникают новые. Достижение некоего абсолюта в Бытии означало бы для него невозможность дальнейшей эволюции и жизни, и привело бы к гибели всего сущего. Человек из Учения знает, что достижимо, а что нет, и потому не стремится к заведомо недостижимому и ненужному. Он не стремится достичь недостижимого абсолюта. И это первый вывод.

Человек из Учения также понимает, что Вселенная, как любое живое существо, имеет свои эволюционные цели на данном конкретном этапе. С появлением осознающих эволюция материи отходит на второй план, а на первый выходит совершенствование Духа, улучшение его качеств. Каждый человек, как осознающее существо с активным разумом, способен делать сознательный выбор в пользу блага, и так улучшать качество Духа. Каждый из людей работает над своей частичкой Духа, и каждая такая частичка нуждается в совершенствовании. Дух работает в человеке через его сознание, свободу воли, умение делать выбор в пользу должного. Каждый человек сталкивается с теми или иными трудностями и препонами на пути совершенствовании своей частички Духа. Можно сравнить осознающих с некими фильтрами, которые пропускают Дух через себя, улучшая его качества.

Каждому человеку от первого рождения дается свой участок работы, свои несовершенства, которые правильнее рассматривать как недостаточно развитые положительные качества. Здесь можно сказать, что человек не виноват в собственных несовершенствах, потому что он не выбирает их. Несовершенства даются в первом рождении, в соответствии с законами Природы. Его задача — проработать эти недостатки, или же, если быть точнее, выработать необходимые качества. Так, например, вырабатывая храбрость, мы изживаем трусость. В Природе нет ничего лишнего и ничего в полном смысле слова плохого, и люди — не исключение. Нет плохих людей. Каждый человек хорош. Несовершенства, которые у него есть, — это не его вина, а часть необходимого. Именно поэтому человек всегда будет видеть свои несовершенства; это залог того, что он сможет над ними работать. И понимание им того, что он в чем-то плох, — это отнюдь не сигнал, что он по-настоящему плох, а наоборот, показатель того, что он лучше, чем сам о себе думает. И это второй вывод. И даже тот, кто пока не видит своих несовершенств, не плох; просто он пока находится на пути к осознанию своих несовершенств, — а это тоже требует времени.

Только сам человек может взрастить в себе должные качества. Для того он и порожден Природой. Для того он рожден человеком, а не животным, что способен превозмочь себя и взрастить в себе лучшее. Как поется в песне Рохами: *«Если бы*

вы знали, как вы хороши, вы никогда не поступали бы дурно, и были бы счастливы» (Песня Рохами V, 3). Поэтому человек из Учения не может считать дурным себя или другого человека, или другого осознающего. Он лишь видит, как другой борется с тем, с чем должен бороться. Человек из Учения всегда желает блага миру, и другим людям, и старается помочь им взрастить в себе должные качества. Он понимает, что эволюция не вершится в короткий срок, и что иногда требуются годы и годы, чтобы выработать нужное качество. Единственное, что действительно важно, это желание исправить несовершенства и взрастить в себе должное. Что и означает «быть человеком». И это третий вывод.

Иллюзия №8: Я страдаю

В текстах Учения есть такое высказывание: *«Если тебя спросят: «Как уберечься от страданий?», ответь: «Не принимай ничто как страдание»* (Эвбулей, 60). Страданием является то, что человек считает таковым. Это может быть физический и эмоциональный дискомфорт, боль, стресс, моральные муки и т.д. Здесь принципиально важно разделять физические и эмоциональные страдания, потому что человек может принимать физическую боль как страдание, а может и не принимать. Иными словами, боль может считаться страданием, только если человек принимает ее за страдание. Именно поэтому страдания на самом деле всегда эмоциональные и психологические. Человек из Учения находится на пути должного, он в одном потоке с миром, его целями и его эволюцией. Он наполнен гармонией мира, его счастьем, его смыслом, и потому не подвержен страданиям. Он живет должным и воспринимает мир как должно. И даже боль он воспринимает только как боль, но не как страдание. Тело человека материальное и хрупкое, оно подвержено разрушению, и боль — только сигнал об этом. Такую боль человек может вытерпеть. Личности же человека ничто не угрожает, и ничто не терзает ее, когда она на пути должного, и потому она не страдает, а радуется должному. Любые страдания — иллюзия, и человек из Учения ощущает это. Единственные страдания, которые реальны для него, — это страдания других людей. Для других иллюзия реальна, и потому они страдают. Человек из Учения делает все, чтобы избавить других от страданий и иллюзий, потому что это очень больно — видеть, как люди мучаются, когда на самом деле они могли бы жить счастливо.

Вместо заключения

Мы видим, что те люди из Учения, которые уже встали на путь должного, избавлены от множества страданий и иллюзий, терзающих других людей на протяжении жизни. Как живет человек, который не страдает, который нашел свое

место в этом мире и счастлив? Ответ очевиден: он живет ради счастья других людей. Он выходит на новый уровень, когда осознает, что собственное счастье, гармония, силы, единство и наполненность — это всего лишь инструмент для достижения большего. Весь мир становится его детищем, и он начинает жить ради мира, ради его блага, потому что видит в этом свое подлинное предназначение и счастье. Обретение счастья, на первом этапе кажущееся самоцелью, превращается в отправную точку для настоящего путешествия, для подлинного развития, для глубокого осознания, для погружения в глубины этой прекрасной и бесконечной Жизни.

© Амрадхари, 2021

Как тело и как душа

Если бы я намеревался придать этой статье подзаголовок, он был бы таким: «К вопросу о восприятии себя». Конечно, восприятие себя — обширная и сложная тема. В один присест её не охватишь. Но поскольку она богата нюансами, то можно взглянуть на проблему под одним из интересных углов.

На проблему? Конечно. Адекватное восприятие себя — это проблема, которую решает каждый из нас. Для начала нужно, по возможности, разобраться, какое восприятие является адекватным. И это ещё не решение проблемы. Потому что потом нужно научиться адекватному восприятию. То есть перестроиться. Что тоже очень и очень непросто. Порой даже смириться с тем, в сторону чего нужно перестраиваться, бывает тяжело.

Здесь я хочу буквально в нескольких словах коснуться такого момента, как идентификация себя. Идентификация с чем? А вот в этом и заключается суть вопроса.

Полагаю, все мы употребляем, чаще или реже, такие выражения, как «моё тело», «моя душа», «его/её тело», «его/её душа». Так вот интересно: когда мы так

говорим, с чем мы идентифицируем себя или другого человека? Для понятности приведу простой пример. Кто-то сказал «мой автомобиль». Он таким образом обозначил принадлежность: вот автомобиль, который принадлежит ему. То есть вот он, а вот, отдельно, автомобиль, который является чем-то сторонним, и может быть продан или ещё как-то отчуждён. А вот художник говорит «моя картина». Он её создал, — но она отдельна от него, и тоже может быть продана, подарена, выброшена, украдена и т.д. И автомобиль, и картина принадлежат человеку, но не являются им. Он себя с ними не идентифицирует. Тут может работать формула «То, что принадлежит мне, не есть я». И вот интересно: как она работает, когда мы говорим о себе?

Когда ты говоришь «моё тело», или голова, рука, нога, сердце как его часть, ты как будто подразумеваешь, что ты — душа. Тело же — просто некий придаток, который может быть в наличии, а может и не быть. Оно просто принадлежит тебе, как автомобиль или картина. В этом случае получается, что душа — основное, а тело — второстепенное. Поэтому душе нужно уделять больше внимания (странно же, когда своему автомобилю ты уделяешь времени и сил больше, чем самому себе). В таком раскладе душа постоянна (бессмертна), а тело — её обслуга, своего рода расходный материал. А когда ты говоришь «моя душа», ты как бы выступаешь от имени тела. В таком раскладе оно — основное, а душа — нечто второстепенное, принадлежащее телу как имущество. Соответственно, тогда заботиться нужно в первую очередь о теле, о его потребностях и его благополучии.

Это два разных подхода к самому себе. И на них могут строиться два кардинальным образом различающихся образа существования. Если ты — душа, то и заботиться ты будешь в первую очередь о душе. То есть будешь делать упор на интеллектуальные и духовные потребности, будешь придавать первостепенное значение морально-этической стороне жизни, будешь уделять больше внимания творчеству и т.д. О теле же будешь заботиться настолько, насколько это в интересах души, не позволяя ему перетягивать на себя одеяло, не потакая его прихотям или порокам. Так ты заботишься о своём автомобиле и содержишь его в порядке для того, чтобы он мог доставить тебя туда, куда тебя призывают по-настоящему важные дела. Автомобиль — твоя рабочая лошадка, а не повелитель, которому ты служишь. То же самое относится и к телу. Его нужно кормить, содержать в чистоте, лечить, давать ему отдых и так далее, — то есть поддерживать в хорошем рабочем состоянии, чтобы душа могла его эффективно использовать, когда ей это нужно.

Совсем другая ситуация получается, если ты — тело. Потребности тела тут не просто выдвигаются на первый план, но становятся самоценными. Равно как его

желания, капризы, удовольствия. Оказывается, что важнее них ничего нет. Душа? Она на побегушках. А порой и вовсе мешает, — например, включая совесть и мешая хозяину (телу) блюсти свои выгоды и получать удовольствие от жизни. Да и что такое душа в данном контексте? Отнюдь не бессмертная сущность, благодаря которой человек является личностью, а в лучшем случае некий набор психических реакций, базирующихся на чистой химии. Сам же человек оказывается по-настоящему смертным, поскольку смертно тело. Отсюда больше страхов, эгоизма, стремлений к удовольствиям. Причём выживание и удовольствия тела (а для чего ещё тогда жить?) превращаются в высшие ценности и достигаются, соответственно, любой ценой. Ну а с пороками, по большому счёту, тогда бороться и вовсе незачем, — потому что это значит лишать себя многих удовольствий.

Я не утверждаю, что все материалисты, не верящие в существование бессмертной души, являются такими, как набросанный выше неприглядный портрет. Я говорю о том, что в восприятии человеком самого себя наблюдаются две противоположные тенденции. Причём скрытые.

Мы обычно не задумываемся, что означают выражения «моя душа» и «моё тело». То есть мы думаем об этом, но в ином направлении. Мы хотим этим что-то выразить, — но как это воспринимается нашей психикой на глубинном уровне? В психике прописаны некоторые закономерности восприятия, своего рода привычные штампы. Ты говоришь «мой автомобиль», «мой город», «моя собака», «мои ботинки», «моя котлета», «мой любимый фильм», «мой родственник» и так далее, — ещё много, много о чём, что не является тобой, но принадлежит тебе или имеет к тебе какое-то отношение. Подсознание констатирует это по вышеприведённой формуле «То, что принадлежит мне, не есть я», и возникает устойчивая ассоциация отделения себя от того, о чём идёт речь. И вот ты говоришь «моя душа». Подсознание при этом испытывает привычную реакцию, и возникает ассоциация «Душа — это не я». Соответственно, если звучат слова «моё тело», такая же реакция возникает относительно последнего. Это проходит незамеченным на уровне сознания, — но что в такой момент происходит на более глубоком уровне? Ведь здесь мы, по идее, имеем ни что иное, как подсознательное отрицание части себя, — либо души, либо тела. Опять же, по идее, это не может пройти без последствий для психики. На поверхности ничего не видно, но не отзывается ли это какими-нибудь разрушительными процессами в глубине, и не оказывает ли оно накапливающегося негативного эффекта, воздействующего на психологическое состояние личности? Можно ли избежать «микротрещин» в психике, если ты всю жизнь подсознательно отрицаешь то одну важную часть

себя, то другую?

Я здесь не столько утверждаю что-то, сколько ставлю вопросы. Есть наблюдения над неким нюансом восприятия человеком себя, — нюансом, который очень похож на разотождествление себя с душой или телом, — и предположение, что это не может проходить без потерь для психики. Интересно подумать об этом. Что, собственно, я и предлагаю сделать.

Другой вопрос — а что, если это и в самом деле так? Что, если таким образом мы действительно наносим болезненные удары своей психике? Что делать-то? На это трудно дать быстрый и простой ответ. По-видимому, нужно менять восприятие себя. И здесь одна из сторон проблемы заключается в том, что вышеописанный штамп восприятия, как и многие другие, завязан на язык. Мы формулируем так, как позволяет язык, на котором мы говорим. Язык же, в свою очередь, вытекает из нашего мировосприятия, отражает его. Вот и получается, что как мы «затачиваем» язык под свои нужды, так и он «затачивает» нас под свои схемы. Иначе говоря, сперва восприятие влияет на выражение, а потом выражение начинает влиять на восприятие. И когда возникает некое новое понимание, которое должно привести к изменению восприятия, то зачастую нам, чтобы выразить его, приходится втискивать его в уже существующие термины и словесные схемы, которые для его выражения не годятся. Тогда и происходит негативное влияние средств выражения на восприятие, — нечто вроде ретроградного эффекта, тормозящего адаптацию психики к новому. Применительно к рассматриваемому случаю — как избежать подсознательного отрицания части себя, если иначе чем «моя душа» и «моё тело» не скажешь? Здесь язык явно стеснён в выразительных средствах. Он отстаёт от движения мысли и от изменений в восприятии.

Получается, что для адекватной передачи изменений в восприятии мира и себя необходимо, как минимум, корректировать средства выражения. То есть язык. Без этого изменения в восприятии не могут идти так, как должно. Прежние схемы выражения будут вносить дополнительные осложнения в и без того непростой процесс психологической перестройки.

Но это уже уход в другую область, в иную проблематику. И обсуждать такие вопросы лучше специально, а не в качестве «пришлось к слову».

© Атархат, 2021

РУБРИКА: **ЭТИКА, ПРИНЦИП, ФИЛОСОФИЯ**

От свободы к одиночеству

Говорят, что она, свобода эта — высшая из ценностей. Опять же не я сказал, лично я этого даже не понял, по мне свобода рядом с пивом и не валялась...

С. Чичин. «Поход клюнутого»

Снова поговорим о свободе. Потому что это не просто важная тема. Вопросы, связанные с определением свободы как понятия и её осуществлением, являются важнейшими не только для выстраивания социальных отношений, но и для существования общества вообще. От того, какова в обществе степень свободы отдельных индивидуумов, зависит степень прочности взаимосвязей внутри общества. Оно — система, состоящая из элементов, связанных по определённым принципам. Это как ткань, состоящая из переплетённых между собой нитей. Чем больше нитей выпадает, тем менее прочной становится ткань. В какой-то момент она просто расползётся, превратившись в бесполезные ветхие обрывки. Этим примером я хочу сказать, что дискуссия о степени свободы в обществе имеет смысл только до определённого момента, пока подразумеваемая степень свободы не угрожает самому его существованию. А дальше уже просто встаёт выбор — свобода для личности или социум как организованная среда её существования.

Трудный момент здесь — как раз определение упомянутой степени свободы. Сформулировать вопрос можно примерно так: какой должна быть максимальная степень свободы индивидуумов внутри общества, чтобы структуры общества и социальные связи внутри него не разрушились? Это вопрос глобальной важности. Возможно, именно от того, как он будет разрешаться, зависит психологический облик и способ существования человеческой расы в будущем.

По данному поводу хочется сказать очень много, — но оставим это до другого раза. Всё вышесказанное было преамбулой, контурно обозначающей масштаб затронутой проблематики. А специально коснуться сейчас я хочу одного момента, который можно назвать, хоть и условно, более частным.

Чем измеряется степень свободы для среднего обывателя, с его же точки зрения? Я имею в виду тот банальный подход, который можно наблюдать очень часто, в исполнении самых разных людей. Для них личная свобода — это когда от тебя не требуется соблюдения правил, установленных не тобой, а правила, установленные тобой, могут быть изменены тобой же в любой момент. Проще говоря, это стремление жить по принципу «Делаю что хочу». Подход примитивный — но оттого и самый понятный, и самый расхожий среди тех, кто не склонен вдаваться в тонкости развёрнутых определений. Для них всё просто: мне не дают делать то, что я хочу, — и это плохо, потому что тем самым ограничивается моя свобода как личности.

Это уже претензия, и она может быть высказана — и бывает высказана — по отношению к чему угодно: законам государства, профессиональному кодексу, правилам учебного заведения, условиям обслуживания в магазине, уставу какой-нибудь организации, отношениям в компании друзей, даже к семейной жизни. Последнее выглядит особенно красноречиво. Порой приходится слышать, как кто-то возмущается тем, что семья ограничивает его личную свободу, — в плане времени, денег, образа поведения и т.д. Хочется спросить такого человека: а зачем ты тогда создавал семью? Разве ты не понимал, что семья — это огромная ответственность, глубокая интеграция жизней нескольких человек, создание плотных взаимозависимостей, и потому львиная доля личной свободы просто отменяется. Ты думал, что семья — это полное сохранение личной свободы, плюс какие-то приятные бонусы? Что ж, поздравляю: ты — идиот.

Пример с семьёй как ограничителем свободы очень показателен в том смысле, что примерно по такой же схеме — в самых общих принципах — строятся отношения и в остальных случаях. Если ты хотел всё своё время и все свои деньги, или их бОльшую часть, тратить на себя, и никак не корректировать своё поведение в быту, тогда тебе не следовало создавать семью. Это был выбор между семейной

жизнью, имеющей свои плюсы, и личной свободой, имеющей свои плюсы, — и ты, похоже, ошибся, определяя, что для тебя важнее. Подобным же образом, если тебя не устраивают условия обслуживания в ближайшем магазине, не ходи в этот магазин. Не устраивают правила какой-то игры — не играй в эту игру. Не нравится устав какой-то организации — не вступай в неё. И так далее. Да, ты потеряешь много возможностей. Но зато сохранишь большую степень личной свободы, — ведь тебе не придётся подчиняться условиям, правилам, уставам.

Я пытаюсь объяснить простую, но почему-то неочевидную для многих вещь. Общество состоит из разнообразных структурных единиц как форм организации людей. Как огромный и архисложный механизм, состоящий из механизмов поменьше и попроще. Всё это может нормально работать только при том условии, что детали механизмов разного уровня притёрты друг к другу и работают на общую цель, — как минимум, в пределах одного конкретного малого механизма. Таким образом, деталь либо встроена в механизм и работает совместно с другими деталями, либо лежит в стороне, отдельно. Так устроено общество. Однако нельзя сказать, что это бездушный механизм. Ведь он состоит из живых людей. Это они его создают. И это правило существования человека: либо ты в коллективе, либо ты один. Данное правило настолько всеобъемлюще, что даже те, чья деятельность идёт во вред обществу, тоже объединяются в группы, — например, в банды. Только преступник-одиночка предоставлен сам себе.

Человек — существо социальное. Он эволюционно предназначен для того, чтобы совместно с другими людьми решать какие-то задачи по собственному и общему выживанию и по изменению мира. Это подразумевает различные формы объединений, а значит — различные принципы организации, а значит — наличие тех или иных правил взаимоотношений и совместной деятельности. Та или иная степень свободы возможна лишь в рамках этих правил. Так было всегда. Тот, кто по тем или иным причинам не вписывался в рамки, становился изгоем, бродягой. Общество отторгало его. Или на самом деле он отторгал общество? В древности изгоняли того, кто нарушал обычаи, на которых базировалась община, совершал преступление против её законов и т.д. Так кто же кого отвергал?

Я сейчас не говорю о конкретных законах и правилах конкретных социальных структур. Они могут быть лучше или хуже, гуманнее и негуманнее. Я лишь очерчиваю общий принцип, заключающийся в том, что любая форма объединения людей подразумевает ограничение личной свободы каждого из них. Любая, — даже самая наилучшая, справедливая и гуманная.

В современном мире свобода — один из самый главных идолов. По ней все сходят с ума, на неё буквально молятся. Она ценилась во все времена, более или

менее, — но сейчас это приняло форму всеобщей истерии. Видимо, это связано с повышением безопасности и комфорта условий жизни. Проще говоря, чем лучше живётся человеку, тем больше он склонен эмансипироваться от окружающих. В древнем родовом обществе, где вопрос совместного выживания стоял очень остро, свобода — в виде, например, изгнания из коллектива — чаще всего была равноценной смертному приговору. В Средние Века потеря своего места среди единоверцев, или в сословии, или в цеховой структуре, или в сельской общине, означала вышвыривание на обочину жизни и жалкое существование со всеми вытекающими. Тогда выбирали между свободой и самой жизнью. Теперь всё гораздо комфортнее. Правда, пока ещё не везде. Но как раз там, где наиболее комфортно, свободомания и принимает формы истерии. Людям рассказывают, какие они уникальные и самоценные, и внушают, что всё это может быть воплощено в жизнь только через полную свободу личности. И что поэтому любое ограничение их свободы является злом, и абсолютно неприемлемо. Да, верно: каждый человек уникален. Но он не вещь в себе. И лучшие свои качества он может проявить зачастую именно через ограничение своей свободы. Например, когда нужно выполнить какую-то важную работу. Или заботиться о детях. Вроде, такие простые моменты для всех очевидны и понятны. Однако идея полной свободы настолько привлекательна, она так вытягивает мозги в свою сторону, что возникает противоречие между желаемым и очевидным. Вышеописанные внушения тоже делаются не просто так. У них, как правило, есть подоплёка, — например, в стиле «Ты такой замечательный и свободный, а потому выбери наш товар (сервис, кандидата и т.д.)». То есть всё это взвинчивание страстей имеет своей целью чью-то выгоду, — денежную, политическую или другую, — и по сути оказывается манипуляцией. Но эффект этого внушения работает. Люди начинают возмущаться: а почему это я должен выполнять законы, которые не дают мне делать всё, что я хочу? А почему это я должен на своём рабочем месте действовать по правилам, которые установил работодатель? Нет, я хочу устанавливать правила сам, но платит пусть он. А почему это я должен уделять семье своё личное время и отдавать свою личную зарплату? Нет, я свободная личность, а семья пусть обслуживает меня и создаёт комфорт.

Установки, внушаемые людям, кому-то помогают достичь своих целей, — но для самих этих людей создают проблемы, поскольку побуждают их желать несовместимых вещей. Ну не получится быть частью различных социальных структур, от семьи до государства, и при этом сохранить высокую степень личной свободы. Свобода вообще состоит не в том, чтобы не подчиняться правилам, в том, чтобы иметь возможность выбрать, каким правилам следовать. Или не

следовать, — но тогда не будет и того, в рамках чего эти правила действуют. Если тебя обременяют семейные обязанности — не создавай семью. Претят правила обучения — не поступай в учебное заведение. Не хочешь подчиняться негласным правилам дружеской компании — не заводи друзей. Будь свободным. Но при этом будь готов от многого отказаться. Потому что нельзя иметь всё.

Свобода и впрямь великая ценность. И, соответственно, стоит она очень дорого. Те, кто очень её ценит и очень к ней стремится, должны это понимать. Особенно дорого стоит она в своей внешне самой полной, но и самой примитивной форме «Делаю что хочу». Любые социальные связи регулируются правилами, гласными или негласными, сформировавшимися стихийно или выработанными сознательно. Свобода от правил означает свободу от людей. Отказываясь от соблюдения правил, ты отказываешься от социальных связей, разрываешь их или не даёшь им возникнуть.

За свободу в такой её форме приходится платить высокую цену, и цена эта — одиночество. Потому что приходится пресекать связи, которые тебя ограничивают. Чем ты свободнее, тем более ты одинок. Полностью свободным можно быть в пустыне, где ты один, и всегда идёшь исключительно куда хочешь, и делаешь исключительно что хочешь. А персональную внутреннюю эмоционально-психологическую пустыню можно себе создать и посреди кишащего людьми мегаполиса.

Есть такая штука — одиночество в толпе. Людей вокруг много, но с тобой никого нет. А может, это тебя с ними нет? Может быть, для многих такое одиночество — плод их стремления к свободе? Человек отбрасывает всё, что его ограничивает и, по его мнению, мешает самореализоваться в условиях полной свободы, — и обнаруживает, что остался в вакууме. Принёс такую большую жертву, что прямо сам не ожидал. Шёл к свободе, а пришёл к одиночеству. Со сколькими это произошло, и со сколькими происходит прямо сейчас? Никто не знает. Но факт, что именно в современном «цивилизованном» мире, в мире вознесённой на пьедестал личной свободы, всё острее встают проблемы взаимного отчуждения людей, одиночества в толпе, и всех связанных с этим психических проблем, травм и эксцессов.

Что будет уместно сказать в заключение? Глубокомысленную мораль выводить не хочется. По-моему, и так всё понятно. Просто надо помнить, что самые ценные и желанные вещи обычно обходятся дороже всего. И нечего удивляться, что после такого приобретения ты остался нищим. Смотри, куда идёшь. А то вместо райского сада можно очутиться в пустыне.

© Атархат, 2021

Не вера, а доверие

Приверженцев различных религий обычно называют по названиям этих религий: христианин, мусульманин, буддист, сикх и т.д. Но есть и одно общее для них всех название-определение: верующие. Сами религии называют ещё вероисповеданиями. То есть вера является здесь как бы заглавным понятием. Отсюда разделение на верующих и неверующих, — то есть на тех, кто принадлежит к какой-либо религии, и тех, кто не принадлежит ни к какой.

Обычно ставится знак равенства между религией как таковой и духовным учением вообще. Цепочка простейших ассоциативных взаимосвязей тут довольно очевидна. Духовное — значит, нематериальное; нематериальное — значит, сверхъестественное; а организованное взаимодействие со сверхъестественным обычно принимает форму религии, со всей её атрибутикой. В том числе, с верой. Потому что сверхъестественное нельзя понять и объяснить рационально, и в него остаётся только верить. Верующие — это те, чья жизнь строится на вере в сверхъестественное.

Конечно, само понятие «вера» не монополизировано религией. В своей жизни

мы руководствуемся верой часто. Например, верим другим людям, когда они нам что-то рассказывают, верим обещаниям, верим рекламе (во всяком случае, рекламщики на это рассчитывают), верим чьим-то политическим программам, верим в себя, верим в лучшее будущее, наконец. То есть вера является обычным элементом нашей повседневности, безо всякой мистики. Но когда речь идёт о духовной сфере, вера ассоциируется с религией, и наоборот. Когда о ком-то спрашивают «Какой он веры?», это означает «К какой религии он принадлежит», — и другого смысла тут быть не может (разве что в плане иронии).

УЕХ — духовное учение. Но «духовная сфера» на самом деле вовсе не обязательно означает «сфера религии». И в Учении, которое не является религией, никто никому не предлагает верить. Но зато говорится о необходимости доверия, без которого невозможно быть учеником и стать последователем.

Есть ли принципиальная разница между верой и доверием? И в чём она заключается?

По отношению к религиозной вере часто используют определение «слепая». Но ведь по сути своей всякая вера может быть слепой, чего бы она ни касалась. Мы верим в то, чему не можем получить неопровержимых доказательств. Взять простейшую ситуацию: друг рассказывает тебе о чём-то, что ты не имеешь возможности проверить. И ты слепо веришь, что всё было именно так, как следует из его слов (если, конечно, не знаешь его как болтуна и обманщика). Так мы очень часто слепо верим во что-то. Это в порядке вещей, потому что физически невозможно проверить всё, о чём мы слышим или читаем. И это даже в тех случаях, когда в принципе, при определённых условиях, проверить и убедиться можно было бы. Что же говорить о случаях, когда речь идёт о вещах сверхъестественных, не подлежащих проверке вследствие самой их сверхъестественной природы? Приходится слепо верить. Просто потому, что зачастую эти вещи не укладываются в рамки логики и здравого смысла. Именно в таких случаях требуется слепая вера, возведённая в принцип, — просто потому, что иначе это принять не получится. Вера не религиозная подразумевает, что ты веришь во что-то возможное, но что не можешь или не желаешь проверить. Вера же религиозная касается реальности невозможного. «Сверхъестественное» — значит такое, которое не вписывается в законы Природы, происходит вопреки им. То есть чудо. И когда тебе рассказывают о чём-то таком, ты вынужден слепо верить, — считать это реальным, хотя реальным оно быть никак не может.

Но ведь и в Учении рассказывают о многом, чего нельзя проверить. Чем подход к этому отличается от слепой веры? Тут следует коснуться проблемы критериев, по которым можно оценить то или иное утверждение. Дело в том, что

в духовные учения идут за ответами, которые не следуют с очевидностью из личных наблюдений и которых не может дать наука. А это значит, что и убедиться в правильности ответов воочию не получится. Иначе говоря, духовные учения трактуют о том, что науке не известно и научных доказательств чему нет, — иначе за этими ответами и шли бы к учёным, а не к духовным Учителям. И какими же могут быть критерии, когда речь идёт о подобных вещах? Они могут быть логическими и этическими. Любая мировоззренческая система, истинность которой нельзя доказать научно, — хотя, вполне возможно, нельзя и опровергнуть, — может быть рассмотрена с точки зрения логики и этики. Но к системам, где имеет место вера в сверхъестественное, эти критерии применимы лишь в урезанном виде, поскольку там и логика, и этика могут меняться прямо по ходу дела. Некое всемогущее существо изменило что-то в законах, по которым существует мир, или просто нарушило их, — и вот уже все логические построения рушатся, а этика может и вовсе превратиться в противоположную. Так что остаётся просто слепо верить. Ведь любой вопрос, сомнение или возражение срезается, например, указанием на то, что воля всемогущего сверхъестественного существа неисповедима.

Учение не признаёт сверхъестественного и утверждает, что законы Природы не могут нарушаться. То есть в устройстве мира как системы имеется логика, наличествуют определённые взаимосвязи принципов и составляющих частей, каковая логика и каковые взаимосвязи вполне определённы и постоянны. Из них же вытекает функция человека в мире, — а значит, и этика, также вполне определённая и постоянная. Учение тоже даёт ответы, которые пока не представляется возможным проверить научно, — но при этом его, как мировоззренческую систему, можно оценить по следующим параметрам: хорошо ли оно объясняет устройство мира и его явления, не содержит ли оно внутренних противоречий, и насколько оно морально. То есть здравый смысл, логика, этика.

Для слепой веры в то, что нечто в мире может быть создано или изменено сверхъестественным способом, места не остаётся. Ну а Учитель выступает не в роли транслятора воли сверхъестественных сил, а в роли знатока естественных законов, мировых и моральных. Он никогда не скажет: «Так захотел(и) бог(и), и потому это стало так, и ты просто верь, не пытаясь понять». Он объяснит, как та или иная реалия вытекает из законов Мироздания, сиречь законов Природы, а вопросы будет поощрять, — ведь если у ученика есть вопросы, это значит, что его мышление активно работает, и что его знания углубляются. Если Учитель чего-то не знает и не может ответить на вопрос, он так и скажет. И это не будет означать, что данный момент необъясним в принципе, и что тут действуют не естественные

законы, а произвол сверхъестественных сил. Это будет означать всего лишь, что знания человека, даже Учителя, небезграничны. И для того, чтобы найти ответ на трудный вопрос, нужно продолжать познавать мир и его законы.

В этом и разница между верой и доверием. Вера — это когда тебе могут сказать всё, что угодно, любую нелепую или противоречивую вещь, и ты должен будешь принять её как реальность. Даже если это очевидно идёт вразрез с реальностью, и даже если тот, кто тебе это сказал, сам ничего не понимает и не может объяснить, а тоже просто верит. Доверие — это когда наставник передаёт тебе то, что не противоречит ни себе, ни реальности, и что можно обосновать и объяснить, а ты относишься к наставнику как к специалисту, который в данной области более сведущ, чем ты. Это как в школе. Ребёнку начинают преподавать, скажем, азы математики. Он понимает, что учитель знает очень много, — и, полагаясь на знания учителя, заранее доверяет тому, что тот скажет. Не потому, что тут задействованы некие надприродные силы, непонятные им обоим, а просто потому, что учитель очевидно компетентнее, чем он сам, и знает, что говорит. Доверять ему — то есть заранее принимать как факт то, что он скажет — вполне логично и нормально. Так устроено любое обучение. Даже в религиях учат так же, — до того момента, пока то, чему учат, поддаётся хоть какой-то логике и не упирается в ломающую эту логику волю высших сил и в их чудеса.

У нас ученик доверяет Учителю, как более знающему и уже апробировавшему эти знания собственным умом и опытом. Вопросы же, задаваемые учеником, не разрушают картину мира, как это часто бывает в религиях и вследствие чего там рекомендуется поменьше думать и посильнее верить, а наоборот, делают её более понятной и ведут к новым знаниям. Поэтому в Учении наставникам не слепо верят, не смея задать каверзного вопроса, а доверяют, — уважительно, ибо Учитель компетентен, и пытливо, ибо Учитель будет только рад разъяснить тебе непонятные моменты и тем самым углубить твоё понимание мира и человека. Учитель здесь именно для этого.

В Учение приходят не затем, чтобы верить в невероятное, а затем, чтобы познавать реальность. И даже если реальность пока ещё не подтверждена научными данными, от этого она не перестаёт быть реальностью. Дождь шёл и тогда, когда люди ещё понятия не имели, как это происходит, а наука, какой мы её знаем, даже не родилась.

© Атархат, 2021

Атеисты, но не материалисты

Всем известно, что есть религиозные люди, они же верующие, и есть неверующие, они же атеисты. Последние называются атеистами потому, что не верят в Бога, богов, различные сверхъестественные силы. Вместе с тем они не верят и в нематериальный мир, где эти силы обитают, в жизнь после смерти и прочее в таком духе. Они верят в зримый, ощутимый и научно познаваемый материальный мир, и потому называются ещё материалистами. Соответственно, верующий человек быть материалистом не может, ибо это означало бы отрицание всего того, во что он верит.

Конечно, я несколько упрощаю, — но по сути тут всё изложено верно. А сама эта краткая преамбула была необходима для понимания того, о чём пойдёт речь дальше. В ней я хотел подчеркнуть тот факт, что, как принято считать, можно быть либо атеистом и материалистом, либо человеком, верящим в сверхъестественные нематериальные силы и «потусторонний» мир. Примирить эти точки зрения ещё никому не удавалось, ибо они исключают друг друга. В наше время даже учёные

ухитряются быть верующими, — а значит, они не материалисты, хоть и изучают материальный мир. Впрочем, это отнюдь не должно удивлять. Ведь на протяжении всей обозримой истории человечества, когда осмысление мира и человека происходило через религию, наука в тех формах, в которых она тогда существовала, по необходимости вписывалась в религию, и учёные вполне спокойно оставались верующими людьми. То есть многовековой опыт такого подхода имеется.

Выше я сказал, что примирить означенные точки зрения ещё никому не удавалось. И в полной мере это не удастся никогда, — ибо нельзя верить в сверхъестественные силы и быть материалистом. Но вот признавать существование нематериального, о котором говорят религии, и в то же время не быть верующим в религиозном смысле слова — возможно. Учение с успехом демонстрирует это.

Его последователи — атеисты, но не материалисты, хоть это и звучит непривычно. То есть так можно, — что бы там ни говорили. А проблема в том, что между понятиями «нематериальное» и «сверхъестественное» обычно ставится знак равенства. Первое как бы автоматически подразумевает второе. Это душа, это мир, куда она переселяется после смерти, это боги, различные существа религиозного происхождения, всевозможная нечистая сила, сфера действия колдовства и так далее. Всё это не подчиняется законам Природы, стоит над ними, и именно поэтому называется «сверхъестественным», то есть «надприродным». С точки зрения материалиста, законы Природы действуют в материальном, сиречь физическом, мире, — а того, что стоит вне этих законов, просто не бывает. Во втором они правы. Действительно, нет и не может быть того, что действовало бы вне законов Природы. А вот в первом они ошибаются. Помимо мира материи, т.е. физического мира, существуют ещё два: мир энергии и мир Духа. Они в самом деле нематериальны. Но и не сверхъестественны. Законы, по которым существуют эти миры (уровни Мироздания), также являются законами Природы. Она включает в себя не только материальный мир. Ну а поскольку два другие мира нельзя так легко увидеть, пощупать и разложить на химические составляющие, это стало камнем преткновения.

Начав знакомиться с Учением, поначалу можно ошибочно подумать, что это религия. Оно использует такие термины, как «откровение», «реинкарнация», «боги» и т.д. Но это происходит лишь из-за недостатка адекватных терминов для понятий, которыми оперирует Учение. Приходится брать то, что более или менее отдалённо подходит по смыслу, и корректировать значения. Так, богами мы называем энергетические составляющие законов Природы, которые

контролируют — но не по чьему-то произволу, а в соответствии с эволюционными закономерностями — природные процессы и взаимосвязи. Представления об этом просматриваются в религиях; так появились мифы о богах, управляющих различными природными явлениями. Им была приписана свобода воли и сверхъестественное происхождение. На самом же деле ни того, ни другого у них нет. Наоборот: именно они и являются тем, что обеспечивает протекание естественных процессов в соответствии с естественными закономерностями. Тем не менее, для краткости и за неимением лучшего мы тоже называем их богами. Только смысл тут уже другой. Соответственно, откровение — это не сверхъестественный акт божественного волеизъявления, а информационный посыл от Природы человеку. Душа существует, и это такая же естественная часть человека, как тело, но только состоящая из иных субстанций. Точно так же существует мир, где душа оказывается после смерти. Но это не мистический «потусторонний мир», а энергетическое пространство, в котором действуют свои законы, естественные для него, и которое неразрывно связано с пространством материальным. Реинкарнация, т.е. перерождение в новых телах, также происходит по естественным законам, и нет никаких потусторонних сил, которые судили бы человека после смерти и назначали бы ему наказание или вознаграждение.

Перечисление можно продолжать и дальше, но я думаю, что сказанного уже достаточно для иллюстрирования того, о чём идёт речь. А именно: законы Природы простираются дальше, чем может видеть наука. Существуют нематериальные уровни Вселенной, на которых эти законы действуют так же строго и неуклонно, как в зримом мире. Из-за сложности восприятия и познания таких вещей им издавна приписывалась сверхъестественность и способность существовать вне законов Природы. Это заблуждение. Многое из того, о чём говорят религии, имеет естественное объяснение, — хотя и выходящее за рамки того, о чём имеет представление современная наука. Ну а всё остальное — вымысел, фантазия, миф.

Поэтому на вопрос, является ли он материалистом, последователь Учения с уверенностью ответит отрицательно. Но и на вопрос, верит ли он в таком случае в Бога, сверхъестественные силы и чудеса, он также даст отрицательный ответ.

Как же так получается? А так, что для объяснения явлений окружающего мира незачем выдумывать сверхъестественных богов, вершащих их по своему произволу. Нужно всего лишь понимать, что мир имеет не одно лишь материальное измерение, и что Природа со всеми её законами гораздо обширнее, чем кажется. Познание этих законов и объяснение этих явлений — дело времени. Однажды наука вырвется за пределы физического мира и... убедится, что чудес не

бывает. Убедится, что нематериальное существует, но оно не сверхъестественно.

Ну а мы, последователи Учения, — атеисты. Мы не поклоняемся «высшим силам», не молимся, не верим в чудеса, не надеемся на рай и не боимся ада. И в то же время не запираем себя в обширном, но душноватом пространстве материального мира. Мы живём в мире, который гораздо больше, разнообразнее, интереснее, сложнее и глубже для познания.

Это настолько замечательно, что мне даже завидно. Бывает так, что иногда завидуешь сам себе.

© Атархат, 2021

Заоблачная твердыня

Принципы пребывания в мире энергии для всех одни и те же, о чём мы уже говорили. Но в рамках этого бывают свои нюансы. То есть нечто такое, что по каким-либо причинам доступно одним и недоступно другим, обязательно для одних и необязательно для других, и т.п. Сейчас мы поговорим об одном из таких нюансов. О том, который относится к пребыванию в мире энергии последователей Учения.

Прежде всего отмечу, что это не какая-то привилегия, но и не обязанность. Это данность, которая имеет место в силу того, что вступают в действие определённые законы Природы. И я не просто так сказал «последователей Учения», а не «людей из Учения». Упомянутые законы имеют вселенский масштаб и действуют для последователей Учения из всех разумных рас. То есть для всего Вечного Народа. Но об этом я скажу несколько слов в конце. Пока же будем рассматривать интересующий нас вопрос на примере людей.

В мире энергии, поблизости от нашей планеты, существует то, что мы называем твердыней. Это место с особой энергетикой, порождённой Учением. Возникло оно тогда, когда первый человек стал последователем Учения. Причём

не факт, что это произошло после первого откровения. Не факт даже, что этот человек имел представление о том, что Учение может существовать как чёткая мировоззренческая система. Ведь по сути своей оно есть ни что иное, как совокупность адекватных представлений о мире и человеке, плюс следование этим представлениям на практике. Иначе говоря, если кто-то правильно понимает реальность и живёт соответственно, он автоматически является последователем Учения. Это как если бы кто-то вывел для себя, скажем, коммунистические принципы, и следовал им. По факту он был бы коммунистом, — хотя при этом мог бы даже не быть в курсе того, что где-то есть Коммунистическая партия. Так и здесь. Когда кто-то достигает определённого уровня понимания реальности, с точки зрения Природы он становится последователем Учения. Мы не знаем точно, какой степени понимания нужно достичь, чтобы это произошло. Но очевидно, что дело это, мягко говоря, непростое. Ведь даже когда тебя учат по чётко оформленной системе, где всё разложено по полочкам, воспринять некоторые моменты бывает сложно. А уж дойти до всего — хотя бы в общих чертах и самых важных моментах — самому, без помощи современной науки, основываясь на наблюдениях, размышлениях и опыте... Задача, сложность которой трудно даже представить. И тем не менее, подобное могло произойти.

Так ли было, или тем человеком стал пророк первого откровения, однажды это произошло. Среди людей появился первый последователь Учения, и в мире энергии появилась твердыня. Дело тут вот в чём. Осознающие предназначены именно к тому, чтобы познавать реальность. Поэтому когда в некой разумной расе появляются те, кто достигает в этом должного уровня, это означает одну очень важную вещь: данная раса теперь по-настоящему начала выполнять своё предназначение. Теперь она заняла надлежащее место в системе Мироздания, полностью включилась в систему взаимосвязей вселенских законов. Поэтому происходит выброс энергии особого качества: энергии разумной расы, уже не просто существующей как некий вид живых существ, но теперь способной активно двинуть вперёд эволюцию Вселенной. Мощь такой энергии огромна. И она концентрируется в определённом месте мира энергии, вблизи планеты, на которой обитает такая раса.

Это место мы и называем твердыней. Туда приходят после личного ада и встречи со стражем все последователи Учения. Важное уточнение: все настоящие последователи, а не те, кому хотелось бы считать себя за таковых. Почему? Да просто потому, что энергетика лжепоследователей не соответствует подлинной энергетике Учения. Твердыня не примет в себя чуждую энергетику. Посторонний никогда не сможет войти в неё. Это можно считать последним тестом, который

действует безошибочно. Если ты даже отыскал твердыню, но не смог войти в неё, значит, ты не был искренним, настоящим последователем. Ну а тем, кто может в неё войти, её и искать не надо. Они ощущают своего рода зов и, ведомые им как компасом, безошибочно направляются туда, где она находится.

Мы называем это место твердыней потому, что его нельзя уничтожить, и потому, что туда невозможно ворваться посторонним, как нельзя и пробраться тайком. Это абсолютно безопасное убежище, неприступная крепость, которую, впрочем, даже не приходится оборонять. На её страже стоят законы Природы, которые сами по себе неодолимы.

Это место, которое можно назвать штаб-квартирой Учения в мире энергии. Последователи Учения живут там, отправляются оттуда в путешествия или просто куда-то, где требуется их вмешательство или присутствие, где нужно что-то сделать, а потом возвращаются туда, чтобы отдохнуть. В мире энергии тоже можно устать. Но усталость эта скорее психологическая, нежели какая-то ещё. Когда она очень сильна, ты начинаешь терять энергию, — уже просто за счёт психологического дискомфорта. Природа восполняет твои потери, подпитывая тебя; однако это всё равно плохое состояние, находясь в котором труднее сосредотачиваться и что-то делать. Тогда нужно отыскать спокойное место, желательно с благоприятной энергетикой, и побыть там некоторое время, в состоянии, напоминающем полудрёму или медитацию. Естественно, для последователей Учения нет места с более близкой им энергетикой, чем твердыня.

Как и было сказано, твердыня возникла тогда, когда появился первый последователь Учения. Первый из людей. До человечества на нашей планете были другие разумные расы, и у них были свои твердыни, — ведь они тоже познавали реальность и тоже следовали Учению. Более того: в конце своего существования каждая из них целиком принадлежала к нему. Это означает, что в какой-то момент твердыня становилась домом в мире энергии для всех представителей расы, и среди них не было никого, кто не мог бы войти в неё. Ну а когда раса заканчивала свой путь, когда её представителей не оставалось ни в мире материи, ни в мире энергии, твердыня исчезала. Но это было не горестным, а наоборот, радостным событием. Это означало, что ещё одна разумная раса выполнила своё предназначение, сделала для Вселенной всё, что могла, и что много частиц Духа вернулись более совершенными туда, откуда когда-то изошли.

Так будет и с человечеством. Его твердыня появилась очень давно, и в ней никогда не бывало много насельников в один момент. Десятки, сотни, в лучшие времена, возможно, тысячи. Сейчас те, кто в ней пребывает, незримо помогают Учению в лице его нынешних последователей. Это может быть энергетическая

поддержка, защита, какое-то допустимое влияние на события и т.д. Важнейшим их вкладом в наше дело стала надиктовка текстов пандэкта, — второй синтагмы книги «Эвор» и всей книги «Дорон». Это делают те, кто был в Учении тысячелетия назад. С тех пор каждый из них неоднократно рождался в мире материи, в разных народах и культурах, не имея никакого представления об Учении. Но духовного регресса не бывает, есть только прогресс. Поэтому где бы и кем бы они ни были, они несли в себе положительные качества, приобретённые благодаря Учению. А покинув тело, всякий раз вспоминали своё прошлое, вновь осознавали себя людьми из Учения и возвращались в твердыню.

Истинным последователем Учения можно стать только однажды. Это осознание, которое остаётся навсегда, и которое возвращается вместе с памятью о прошлых жизнях. Я скажу так: кто смог войти в твердыню, для того она открыта всегда, и из неё его путь лежит уже в мир Духа.

Теперь число насельников твердыни будет неуклонно увеличиваться, поскольку Учение в мире людей больше не исчезнет. В своё время в неё придут нынешние последователи. Кто-то войдёт в неё впервые, а кто-то и вернётся домой, — ведь среди нас есть те, кто уже был там. Здесь, в мире материи, дом временный, и он меняется с каждым новым рождением; твердыня — дом постоянный, куда ты всегда возвращаешься из своих путешествий по двум мирам. Это особенное ощущение — знать, что там, за облаками, высоко над небом, парит в пространстве твоя твердыня, твой любимый дом, где тебя встретят и где тебе будет по-настоящему хорошо.

Людей в твердыне будет всё больше, и со временем там появятся те, кто родился не на Земле. Человечество расселится по разным планетам, — но это будет всё то же человечество, и твердыня у него одна. По мере того, как Учение будет всё в большей степени приниматься человечеством, начнёт налаживаться и контакт между той его частью, которая живёт в материи, и той, которая пребывает в твердыне. Те, кто здесь, и те, кто там, смогут работать вместе, совместно трудиться на общее благо. Это существенно ускорит духовное — и не только — развитие человеческого рода. Человечество научится жить как бы в двух измерениях, физическом и энергетическом, воспринимая себя принципиально иначе. Вообще, будущее активное участие людей из твердыни в жизни общества здесь, в мире материи, — отдельная и очень интересная тема. Сейчас мы не будем её касаться. Замечу лишь, что эти контакты многое изменят в самосознании людей. Одно принятие того факта, что коль скоро можно работать совместно с теми, кто вроде как умер, то смерти нет, перевернёт отношение к жизни.

Учение — достояние не только людей, но и других разумных рас. Поэтому

твердыни есть возле всех планет, где ему следуют. И насельники их могут посещать твердыни друг друга, — примерно так же, как жители разных стран могут ездить друг к другу в гости. Да, это разные существа. Но в данном случае, особенно в мире энергии, видовые различия несущественны. Энергетика Учения одна и та же у всех, она всех объединяет. Это как единое энергетическое тело Вечного Народа. Поэтому человек, не принадлежащий к Учению, войти в твердыню рода людей не сможет, а принадлежащий к нему инопланетянин, имеющий самый причудливый облик и иную биологию в мире материи, сможет. Равно как и человек из нашей твердыни будет своим в твердыне инопланетной. Так в мире энергии происходит общение и сотрудничество между различными разумными расами Вселенной. Для них самый короткий путь друг к другу пролегает через Учение. Не через торговые контакты и политические договоры, а через единство в Вечном Народе.

Придёт время, род людей выполнит своё предназначение и уйдёт, как ушли его предшественники. Тогда его твердыня исчезнет. Но сейчас она существует, и со временем будет становиться всё больше и сильнее. Хотел сказать «неприступнее», — но ведь она уже и так неприступна. А лучшие её времена впереди. Она парит там, за облаками, и ожидает своих новых насельников. Однажды она примет в себя всё человечество, — и в ней хватит места всем.

© Атархат, 2021

Мораль по Учению

Начиная разговор о такой важной вещи, как мораль, сразу же нужно поставить самый главный вопрос. И это, вопреки ожиданиям, будет не вопрос «Какие поступки являются моральными, а какие аморальными?». Это будет вопрос «Существует ли мораль?».

Если он кажется неожиданным, то напрасно. Потому что — а вдруг и говорить не о чем? Вдруг её вообще нет? Между прочим, некоторые именно так и считают. Но подавляющее большинство скажет, что мораль, конечно же, существует, и сомневаться в этом просто странно. Однако полного единомыслия между ними нет. Окажется, что многое в их понимании морали совпадает, но обнаружатся и различия. Например, одни скажут, что её нормы предписаны свыше (богом или богами), а другие скажут, что она субъективна, и что каждый сам для себя определяет, что морально, а что нет, и в какой ситуации.

Вот здесь и кроется проблема. Потому что если мораль субъективна, то её вариантов может быть не просто столько же, сколько живёт на свете людей, а ещё больше, — ведь мораль даже для одного и того же человека будет меняться в зависимости от ситуации. Это означает, что моральным или аморальным может

быть всё, что угодно, и когда угодно. Постоянных критериев не будет существовать даже для одного и того же человека, не говоря уже о человечестве. Ну а если моральным или аморальным попеременно может быть всё, в любой момент и для любого отдельного индивидуума по его желанию, то это означает, что морали не существует. Если моральное и аморальное взаимозаменяемы, то различий между ними нет. Следовательно, нет и морали как таковой.

Таким образом, реальной субъективной морали не бывает. Это не мораль, а её иллюзия. Мы будем продолжать использовать здесь данный термин именно в таком значении. Если подлинная мораль существует, она может быть только объективной. То есть основанной на чём-то, что не зависит от человеческих оценочных суждений и человеческого произвола. На чём же? Тут упоминалось о нормах, предписанных высшими силами. Однако это тоже субъективная мораль. Просто субъект — не человек, а некое божество, которое назначает моральным или аморальным то, что ему угодно. Такая мораль может меняться в зависимости от ситуации, времени, текущих целей, и даже настроения высшей силы. В этом легко убедиться, взглянув на мифы и священные писания различных религий. Ну а поскольку религиозные концепции и образы сверхъестественных высших сил созданы самими же людьми, то и вложенные в них представления о морали на самом деле есть отражение всё тех же субъективных человеческих представлений. Это люди транслируют свои убеждения устами изобретённых ими «высших сил».

Так существует ли мораль? А возможна и другая форма вопроса: может ли мораль не существовать?

Что она, вообще, такое? По сути, мораль — это различение хорошего и плохого, добра и зла, с проекцией на поступки. То есть «Вот это хорошо и правильно, так и надо поступать, а вот это плохо и неправильно, и так поступать не следует, это будет аморальный поступок». Отсюда и тянутся корни субъективной морали: «Хорошо то, что хорошо для меня в этот конкретный момент, а аморально поступает тот, кто не делает мне хорошо или делает плохо. Поэтому когда мне незачем лгать, я не лгу, и это хорошо, — а когда солгать понадобится, я солгу, и это тоже будет хорошо. Кто солжёт ради моей пользы, тот поступит хорошо, а кто не солжёт, когда мне будет нужно, чтобы он солгал, тот поступит плохо». Это субъективная оценка добра и зла, которая не может служить основой для морали. А что же, в таком случае, может?

Тут надо брать шире. Интересы одного конкретного человека — не тот масштаб, плюс они субъективны. Объективны же интересы Вселенной. Её благо — это благо всего, что в ней есть, всех её частиц, и человека в том числе. И наоборот:

что плохо для неё, то плохо для всего. Вот и критерий для определения добра и зла, а значит — критерий для морали. То, что хорошо, полезно для Вселенной, и то, что для неё плохо, вредно, это объективная реальность. То есть основа для объективной морали. Таким образом, мораль существует, и она объективна. И она не может не существовать, потому что объективная оценка добра и зла с воплощением её на практике — это залог дальнейшего существования Вселенной. То, что работает на созидание и развитие Вселенной, — хорошо, то есть морально. То, что работает на разрушение и торможение её развития, — плохо, то есть аморально. Мораль существует уже по факту того, что есть нечто полезное для Вселенной и нечто вредное для неё.

С позиций антропоцентризма всё это звучит не очень приятно. Ведь человеку хочется самому всем управлять и самому назначать, что правильно и что неправильно. Однако против реальности не попрёшь. Точнее, попереть-то можно, — только победить нельзя. Мироздание устроено так, как устроено, его законы работают так, как работают, — и никто этого не изменит. Можно быть недовольным ими, можно сделать вид, что они зависят от твоего мнения, можно назвать белое чёрным, — но белое всё равно не станет чёрным, и законы продолжат работать как работали. Просто ты для себя подменишь реальность иллюзией, и словно бы ослепнешь. Поэтому первым, кто пострадает, будешь ты сам; а от тебя натерпятся и другие.

Итак, мораль является фактором существования Вселенной. Поэтому в Учении морали (и нравственности, — это близкие понятия, и мы будем здесь обозначать их одним словом) придаётся первостепенное значение. Учение помогает познать мир и человека — для чего? Чтобы можно было понять предназначение человека и научиться жить в соответствии с ним. То есть научиться жить правильно. То есть — морально. Поэтому Учение — не просто комплекс теоретических знаний. Это комплекс знаний, которые должны иметь практическое применение в поступках. Мы познаём устройство мира и своё место в нём, чтобы порождать не зло, а благо, не разрушение, а созидание. В этом и заключается суть морали. Следовать ей нужно не для того, чтобы заслужить пропуск в рай, а для того, чтобы мир мог жить и становиться лучше, и чтобы люди меньше страдали уже сейчас, а не в раю, который является всего лишь мечтой.

Если сказать, что главная задача Учения — научить людей морали, это будет правда. И тут есть несколько аспектов.

Во-первых, чем больше поступков будет соответствовать морали, тем меньше страданий будет в мире. Ведь горе и страдания людей происходят, главным образом, оттого, что они причиняют зло друг другу. Обман, насилие, воровство,

унижение других, использование их и прочее подобное, — всё это аморальные поступки. И все это знают. Многие, правда, пытаются оправдать это для себя (или оправдать себя в этом), изобретая субъективную мораль и объявляя подобные вещи нормой, когда сие выгодно. Но страдания, которые они причиняют другим людям, от этого меньше не становятся. Как и страдания, которые другие люди причиняют им. Субъективная мораль не работает. Она годится, разве что, для маленького самоуспокоения. Да и то иллюзорного.

Во-вторых, осознающие, в том числе люди, несут в себе частицы Духа и совершенствуют их. Вселенная, Мироздание, — это Творец, а Дух — его душа. Каждая частица Духа — это частица души Творца, совершенствование которой и является предназначением осознающего, несущего её в себе. Творец преобразовал себя во Вселенную ради самопознания и самосовершенствования. Это происходит через осознающих, разумы которых есть частицы разума Творца, а Дух есть частицы души Творца. Разумом осознающие познаЮт Творца, — и имеется в виду, что благодаря познанию будет совершенствоваться душа Творца. Как именно? Через моральный выбор. Мы познаём, что хорошо, а что плохо, и, преодолевая отрицательные желания, делаем выбор в пользу хорошего, то есть правильного. То есть того, что идёт на пользу Творцу, сиречь Вселенной. Таким образом мы следуем объективной морали. За счёт этого совершенствуется Дух, — и в дальнейшем Творец обретёт новые качества и получит возможность совершить следующий шаг в своём развитии. Если же не получит, то погибнет, — ибо он не может существовать, не развиваясь. Такова эволюция. В этой системе мораль — двигатель прогресса. Если она действует, то идёт развитие, совершенствование, и жизнь Творца (Вселенной) продолжается. Если не действует, тогда финал будет печальным.

Таковы важнейшие аспекты роли морали. В минимальном масштабе она — то, что уменьшает страдания людей, а в максимальном — то, что гарантирует жизнь Вселенной, то есть Творцу. Частицами которого являемся мы все. Поэтому именно мораль оказывается главным содержанием Учения. Просто потому, что нет ничего важнее. Даже познание происходит ради неё. Она — главная точка приложения знаний, тот фокус, в котором они концентрируются.

Субъективной квазиморали противопоставляется объективная мораль. Где противопоставляется? Где арена их борьбы? В самом человеке. Ещё раз напомню: он — частица Вселенной, элемент её как системы, и в нём тоже действуют её законы. Это означает, что объективная мораль должна быть свойственна и ему. И она в самом деле ему свойственна, — на глубинном уровне, который мы называем духосознанием. Иначе говоря, на уровне Духа, который содержит в себе личность

Творца. Ту единую личность, частицами которой являются личности осознающих. Таким образом, в каждом из нас скрыта единая личность, в рамках которой все являются одним целым, с общей душой и общим разумом, а поверх на неё «накладывается» отдельная личность, индивидуальность. Воспринимаем мы, в основном, эту последнюю, — ведь она, так сказать, на виду: мы ею думаем, ею ощущаем окружающий мир, да и воочию видим её в зеркале. Мы идентифицируем себя именно с ней. Субъективная мораль выражает интересы и оправдывает поступки индивидуума, который отделяет себя от Вселенной и от других индивидуумов, а порой даже видит в себе её и их антагониста. Но в том же индивидууме «записана» и объективная мораль. Она тоже одна на всех, как душа и разум Творца. Поэтому мы называем её общечеловеческой моралью. Конечно, она свойственна всем осознающим, — просто сейчас мы говорим о людях.

Вселенная знает, что для неё лучше, а что хуже, — то есть что является моральным, а что аморальным. Знают это и её частицы, — причём знают точно. Знание это залегает глубоко и заглушается «шумом» индивидуальности. Однако совсем его заглушить невозможно, поскольку объективная мораль — штука фундаментальная, и на ней держится, ни много, ни мало, жизнь Вселенной. Такое полностью не заглушишь и не подавишь. Поэтому оно проявляется в человеке как некое моральное чувство. В каждом человеке, во всех людях. А поскольку объективная мораль одна, то и проявляется она во всех одинаково, — хотя в ком-то сильнее, а в ком-то слабее.

Так и формируется общечеловеческая мораль. Это ряд общих моментов, свойственных морали разных народов, культур, эпох. Бывают нюансы, которые в данный ряд не вписываются, — но это отдельные случаи, когда там или там какой-то момент общей морали оказывается искажённым. В основном же моральные критерии совпадают. Это подтверждается всей мировой историей, культурой, этикой. Для примера: быть честным, храбрым, щедрым, верным, справедливым всегда и везде считалось хорошо, а быть подлым, трусливым, жадным, вероломным, несправедливым — плохо. Два намеченных ряда можно продолжать и продолжать. Понятно, что некоторые пункты в отдельных культурах имели свою специфику, — но сами принципы совпадали. То есть человечество как общность достаточно чётко чувствует, что морально, а что нет. Это проявление объективной морали. Оно складывается из проявления объективной морали в каждом отдельном человеке, суммируется в общечеловеческую мораль.

Ввиду вышесказанного подчеркну, что, как видим, человеческая мораль не обязательно субъективна. Люди преуспели в изобретении разновидностей субъективной морали, — но через них же проявляется и объективная мораль в

виде морали общечеловеческой.

Благодаря такому явлению, как общечеловеческая мораль, человечество может существовать. Не будь её, расхождения в моральных установках и подмена положительного отрицательным вели бы к такому уровню взаимной вражды и жестокости, по сравнению с которым то ужасное, что мы знаем из истории и современности, показалось бы баловством. А так, несмотря на отдельные нюансы, расхождения и подмены, в целом сальдо получается в положительную сторону, и того ада, который мог бы быть, не происходит. Мораль всё-таки перевешивает. Нам в детстве рассказывают об этом, говоря, что добро всегда побеждает. Я бы сказал — не всегда, но преимущественно. На короткой дистанции оно порой проигрывает, но на длинной выигрывает.

Всё идёт к тому, чтобы в будущем субъективная мораль уступила место объективной в масштабе человечества. Это должно стать естественным результатом всё более качественного и успешного познания мира и человека вкупе с нравственной эволюцией, которую можно притормозить, но нельзя навсегда остановить или отменить.

Роль осознающих вообще и человека в частности огромна. Именно через осознающих совершенствуется Дух. Без них это невозможно. То есть они делают самую важную работу. Поэтому вся эволюция во Вселенной направлена на их появление. Работа же их заключается в познании, моральном выборе на основе познанного и совершении практических поступков, вытекающих из этого выбора. Иначе говоря, она заключается в ведении моральной жизни. Эволюция идёт для того, чтобы появлялись существа, способные следовать морали. Можно сказать так: во Вселенной всё происходит ради морали.

Самое важное дело — дело, от которого зависит будущее Вселенной — не может быть лёгким. Моральный выбор бывает очень труден, а жизнь по принципам морали бывает тяжела и опасна. Но именно так и совершенствуется Дух, — в преодолении дурного, неправильного, аморального. Это то, что требуется от людей; то, в чём состоит их предназначение. И это то, на что у них есть способности и силы. Эволюция породила их как тех, кто способен понять и выполнить своё предназначение. Иначе в существовании человечества не было бы смысла.

Таковы главные, основополагающие моменты, касающиеся морали. Это основы, из которых вытекает всё остальное. Конкретные моральные принципы, положительные человеческие качества, воля, потребная для совершения морального выбора и моральных поступков, взаимоотношения людей в контексте всего вышеописанного, различные сложные ситуации, связанные с этим, и ещё

многое, многое другое, — всё это тоже относится к теме морали. Но чтобы понимать, как со всем этим жить, необходим контекст. Надо понимать сущность самой морали как явления, её место в системе Мироздания, — что она такое, откуда берётся, для чего нужна, как воплощается в жизнь. Этому и был посвящён разговор.

© Атархат, 2021

РУБРИКА: **С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ УЧЕНИЯ**

Против вещизма

Когда-то вещи были нужны человеку для выживания. Инструменты помогали что-то изготавливать, оружие давало возможность охотиться и защищаться, одежда согревала или, наоборот, защищала от солнца, в посуде что-то готовили или хранили, и так далее. Пунктов не так уж много, всё было просто и скромно. Вещи использовались по назначению, ибо иное их использование оказывалось непростительным расточительством. Затем, по мере развития общества, появились излишки, началось накопление и обмен как форма торговли, а некоторые вещи сделались показателем статуса. Прошли долгие тысячелетия, владение вещами как социальное явление эволюционировало вместе с социумом. Что-то в этом отношении стало совершеннее, что-то приняло уродливые формы. Например, возникло то, что принято называть вещизмом.

Появился он давно, но в наше время его порочная сущность проявляется, надо думать, как никогда прежде. А заключается она в бессмысленности владения слишком большим количеством вещей и в бессмысленности погони за вещами, как принято считать, наиболее престижными. В самом владении вещами ничего

плохого нет; они необходимы для жизни. Но когда это становится чем-то вроде болезненной страсти, когда ненужные, лишние вещи становятся мерилом жизни, и на них тратятся не только деньги, но и физические и душевные силы, мысли, время и нервы, когда их отсутствие или наличие превращается в тяжёлую проблему либо даже трагедию, ломающую кому-то жизнь, тогда дело плохо.

Повторю: речь идёт именно о ненужных вещах. Потому что стремиться владеть вещами нужными вполне нормально. На то они и нужные. А тут получается, что нужность приписывается вещам там, где они на самом деле не нужны. Возникает иллюзия, которая берёт человека за горло.

В действительности нам надо гораздо меньше, чем мы думаем. Вот взять, к примеру, обозначение статуса. Когда-то знатный и значительный человек обладал дворцами, роскошными экипажами и такой же одеждой, обвешивался драгоценностями. Этим он как бы говорил окружающим: «Смотрите, я богат и могуществен, я играю важную роль в жизни общества». А что теперь? Для обозначения статуса всё это уже не нужно. Правитель может ездить на простой машине и одеваться в скромные костюмы, и это никого не заставит усомниться в его общественном положении и возможностях. То же самое можно сказать об очень богатых людях. Статус великого учёного определяется его вкладом в науку, о котором прекрасно осведомлены все, для кого его статус имеет значение. Похоже обстоит дело и с духовными деятелями. Статус военного вообще обозначается знаками различия на униформе и наградными знаками, положенными за особые заслуги. И так далее. Какую область деятельности и какие социальные функции ни возьми, практически нигде вещи уже не являются необходимым показателем статусности. Не являются, но продолжают использоваться в таком качестве. Все или почти все, кто занимает в общественной иерархии высокие позиции, обычно стараются продемонстрировать свою значимость через дорогие и шикарные машины, часы, одежду, драгоценности и прочую роскошь. Хотя в сегодняшнем мире такой подход уже просто смешон. Времена варварской пышности как способа заявить о своей крутизне давно прошли.

Я определю статусный вещизм как род атавизма, как своеобразный пережиток дикости. Одни современные дикари делают то, чего от них ждут другие современные дикари, и без чего эти другие на них косо посмотрят. По сути — продолжают обвешиваться ожерельями из раковин и втыкать себе в волосы яркие перья. Даже в XXI веке варварские замашки остаются варварскими.

И уж совсем смешно и жалко смотреть на тех, кто не имеет высокого социального статуса, — под последним я подразумеваю не аристократизм или

иную подобную «элитарность», а реальное значение социальной функции человека, — но при этом всё равно выдумывает себе какой-то престиж, который нужно поддерживать и который отражается во владении вещами. Появилась новая линейка модной одежды, — значит, надо добыть хоть что-то из неё и нацепить на себя. Вышла новая модель телефона или планшета, — значит, нужно избавиться от старой (аж полугодовой давности, ужас!) и приобрести новую, хоть бы и взяв на это невыгодный кредит. Машина у тебя хорошая, — но надо, вот кровь из носа, купить получше. Иначе такие же, как ты, скажут, что ты ходишь в обносках прошлого сезона, пользуешься каким-то замшелым гаджетом и ездишь на непрестижном корыте. А вот когда у тебя есть всё новое и престижное, — плевать, что чаще всего оно отличается от старого только формой и ценой, — тогда ты уже сам можешь сказать всё это кому-то. И заставить уже его лезть из кожи вон, чтобы «соответствовать».

Всё это имеет такой вид, словно сам человек ничего не значит. Словно человеком, заслуживающим того, чтобы его уважали и с ним считались, его

делает всё то, что я перечислял выше. Видимо, для некоторых это и в самом деле так. Они комплексуют по поводу собственной незначительности и неинтересности для других, и пытаются исправить ситуацию хотя бы вот таким образом. Тупиковый путь, чреватый только лишними переживаниями, страданиями и обидами. Ведь по сути ничего не меняется. Была серая мышь, стала серая мышь в яркой тряпке. Тут надо менять себя, а не аксессуары.

Другой исток вещизма — запасливость. Лишние вещи добываются и хранятся по принципу «А вдруг потом не будет?» или «А вдруг пригодится?». Иметь некоторый запас необходимого неплохо. Но превращать свою жизнь в работу по созданию и хранению вещевых залежей — значит тратить себя зря. У тебя есть несколько пар обуви, которой ты постоянно пользуешься, — ну, купи ещё одну про запас. Но не полдюжины. Если потом не будет, ты как-нибудь решишь вопрос. А пригодится тебе на самом деле гораздо меньше, чем ты думаешь. Много ли вещей мы используем на практике? Меньше, чем кажется. Есть ещё стремление к разнообразию. Само по себе это, опять же, не плохо. Но когда это стремление начинает поглощать слишком много времени, нервов, денег и жизненного пространства, оно перестаёт создавать приятное разнообразие и начинает создавать проблемы. Зачем тебе три шкафа с одеждой? Тебе на самом деле и одного более чем достаточно. Зачем тебе пять сковород? На твои кулинарные изыски вполне хватит двух. И так далее, и так далее. Плюс банальная жадность. У него есть много того, что ему не нужно, — но он всё равно будет всё это держать у себя. Более того: он использует любую возможность, чтобы утащить к себе ещё что-нибудь. Это уже либо порок, либо психоз.

Вещизм имеет и другие проявления. Суть же в том, что он заставляет человека превращать себя в приложение к вещам. Они в центре жизни, а он где-то на периферии; и если этот центр вдруг исчезнет, такой человек потеряет способность к определению себя в пространстве жизни. Он просто перестанет видеть систему координат. Причём не из-за исчезновения вещей необходимых, без которых он мог бы погибнуть, а из-за исчезновения вещей лишних, которые, в действительности, для его жизни значения не имеют. Или имеют отрицательное значение.

Смысл существования вещей с древности не изменился: они предназначены для того, чтобы выполнять конкретные функции. То есть для того, чтобы работать. Для чего работать? Чтобы обслуживать насущные необходимости своего владельца, и чтобы служить инструментами, с помощью которых их владелец может делать что-то для людей и мира. Таково предназначение вещей. И эти задачи требуют их ограниченного количества. Простейший пример: ты не ешь

двумя ложками сразу. Значит, тебе достаточно одной; максимум — ещё одной про запас, на всякий случай. Тебе не нужен ящик ложек. Так же со всем остальным.

Сперва следует определиться с количеством задач, которые ты решаешь в своей деятельности. Причём задач реальных, а не таких, которые не нужны, но иногда всплывают от нечего делать, или таких, которые, может быть, ты когда-нибудь будешь решать (в стиле «Может, я когда-нибудь стану художником, поэтому сегодня вот прикупил мольберт. Пусть полежит пока»). Если определиться с этим, то наверняка окажется, что ты занимаешься меньшим количеством дел, чем думал. Стало быть, лишние вещи, не задействованные в них, — долой, от них можно спокойно избавляться. Затем нужно определить, что именно и в каком количестве тебе нужно для решения реальных задач. Наверняка останется что-то лишнее. Долой и его. Ну и, конечно, следует определиться, что тебе реально необходимо в обеспечении своей повседневной жизни, твоего быта (см. пример с ложками), и тоже избавиться от лишнего. Подчеркну: речь не идёт о том, чтобы от чего-то отказываться. Избавляться надо от того, что не используется. Готов держать пари, что в результате таких ревизий вещей вокруг станет заметно меньше, жизненного пространства станет заметно больше, и больше свободы появится в мыслях, — поскольку вещи занимают место не только в пространстве вокруг тебя, но и в твоей голове, а теперь не придётся думать о том, что не нужно. Исчезнет тяжёлый груз, — и в прямом, материальном смысле, и в умственном, и в моральном. А также и в финансовом.

Если подходить к такой переоценке необходимости вещей серьёзно и максимально объективно, то в итоге можно удивиться, осознав, как мало тебе на самом деле нужно для полноценной жизни и эффективной деятельности.

Что же до подтверждения статуса через вещи, то это ведь довольно унизительно. Ты либо являешься кем-то, кто заслужил уважение и некое особое отношение, либо нет. И если нет, то дорогие часы, бриллианты или машина этого не исправят. Кто-то взглянет на твои часы и зауважает... их, не тебя. На тебя он обратит внимание только в связи с ними. А когда ты их лишишься, ты станешь для него пустым местом. Каким, впрочем, и был. Это реальная проблема — когда самооценка зависит от вещей. Тогда слово «оценка» в словосочетании «самооценка» приобретает иронический оттенок, — потому что ты стоишь столько, сколько стоит то, к чему ты прилагаешься. Из всех этих вещей сам ты

оказываешься самой малоценной.

Мерилом статуса человека можно считать его личные качества и выполняемые — хорошо выполняемые! — им функции. Никакие внешние показатели в виде «престижных» вещей не требуются. И забивать себе этим голову не стоит. Если кто-то оценивает тебя не по твоим делам, а по модности твоей одежды или цене твоей машины, то это его предрассудки, а не твои. Его мнению — грош цена, и даже меньше.

Ну и пара слов о самих вещах. Их человеческий вещизм отнюдь не радует. Им приятно, когда их ценят, — но важнее всего для них возможность делать то, ради чего они существуют, для чего они предназначены. Смысл их существования — применение в деле. Упомянутый мольберт должен служить для рисования, а не пылиться в ожидании чего-то, что, скорее всего, никогда и не произойдёт. Для вещей бездеятельное простаивание мучительно. Поэтому вещизм, когда вещи бесполезно накапливаются или используются не по назначению, это признак неуважения к ним, или даже прямое издевательство над ними. Тут нюанс: ценить вещи и уважать их — не всегда одно и то же.

...Прочитав эту статью, мне могут поставить на вид, что я слишком уверенно говорю о необходимости ревизии своих вещей и о том, каким будет результат, — не учитывая того, что излишки вещей имеются не у всех, а многие люди и вовсе нищи. Да, я это знаю. Но то, что я здесь говорю, обращено к людям, имеющим такие излишки, страдающим вещизмом в более или менее тяжёлой форме. Ведь странно было бы советовать средства от ревматизма человеку, ревматизмом не страдающему, правда? Так что смотри название статьи.

Основная же её цель — обозначить подход Учения к данной проблеме. Вкратце: вещей человеку нужно столько, сколько он может эффективно использовать в быту и своей сфере деятельности. И это гораздо меньшее их количество, чем кажется. Остальное — балласт, создающий разнообразные проблемы. Нужно учиться довольствоваться необходимым. Не аскетствовать, а понимать меру и стараться следовать ей. Кто-то может назвать это гармонией между человеком и его собственной жизнью, — и будет прав.

© Атархат, 2021

5 доводов Фомы Аквинского

Для христиан всегда было очень важно как-то подтвердить существование Бога. Хотя, казалось бы, это противоречит принципу веры, — тем более, веры в то, что в принципе невозможно познать. Однако человеческий разум всегда стремится во всём убедиться, хотя бы теоретически. Поэтому доводы в пользу существования Бога не помешают даже очень верующему человеку. И сформулировать такие доводы обычно пытались как раз наиболее глубоко верующие, и притом очень умные люди, — в частности, те, кого мы теперь знаем как отцов Церкви и крупнейших христианских мыслителей. Они находили доводы для того, чтобы привести к вере и укрепить в ней других. Но они делали это также и для себя, — ибо глубины веры никогда не бывает достаточно, а хороший довод в пользу того, во что веришь, всегда будет кстати.

Одним из таких мыслителей был католический святой XIII века Фома Аквинский. Человек, чей вклад в богословие невозможно переоценить, он в числе прочего сформулировал пять доказательств существования Бога, ставших классическими. С тех пор много воды утекло, в том числе словесной. Пять пунктов Фомы Аквинского и превозносились как нечто неопровержимое, и оспаривались

как нечто неубедительное. Но как бы то ни было, свою актуальность для религии они не потеряли по сей день. И даже для неверующих они продолжают оставаться очень интересными, так как на самом деле затрагивают вопросы, выходящие за рамки религии. Ведь мир существует независимо от того, верит кто-то в Бога или нет, и даже атеистам ясно, что всё существующее каким-то образом возникло, то есть имело некое начало и некие причины. Наука, к сожалению, пока не в состоянии объяснить подобные вещи, даже теоретически. А поскольку варианты представлений о мире обычно сводятся к оппозиции друг другу науки и религии, то последняя в отношении данных вопросов пока что выигрывает. У неё есть хоть какие-то ответы, пусть не 100% убедительные. Поэтому доводы Фомы Аквинского всё ещё в цене.

Однако есть ещё Учение, со своим подходом и своим углом зрения, не ограниченным ни религией, ни материализмом. И будет весьма интересно посмотреть на пять вышеозначенных доводов именно под этим углом. Прикинуть, имеют ли они смысл с точки зрения Учения. Понятное дело, оно отрицает существование Бога, — поэтому для нас доказательства Фомы Аквинского не могут означать того, что они означали для него самого. Но, может быть, здесь удастся провести параллели с чем-то ещё?

Ниже я приведу эти доводы, кратко резюмировав их суть своими словами, и мы посмотрим, на что это похоже. Итак, по мнению мыслителя, существование Бога доказывается:

Через движение. Ничто не может начать движение само по себе. Всё должно быть приведено в движение кем-то или чем-то. Если говорить о начале Вселенной, то научная теория Большого Взрыва в целом вписывается в картину мира по Учению. Однако когда речь заходит о причине самого взрыва, науке сказать нечего. Религия указывает на то, что чему и быть причиной, как не воле Бога и его акту творения? Сверхъестественному акту, разумеется. По Учению же Большой Взрыв мог быть «прорывом» из мира Духа, переходом Духа в энергию. Начало этому процессу положил Творец, который таким образом преобразовал себя во Вселенную. То есть действительно существует тот, кто дал первоначальный импульс. Только это не сверхъестественный Бог, а вполне реальное существо, и тут имеет место не чудо, а эволюция. Ну а если говорить не о Творце, а о Бытии, то оно было и будет всегда, и движение — его непреходящее состояние. Всё, что начинает движение в Бытии, на любом его структурном уровне, получает импульс от чего-то ещё, в Бытии же. В этом смысле Бытие даже больше подходит на роль Бога, чем Творец, — поскольку оно вечно, беспредельно, и происходящие в нём процессы являются причинами для всего. Но, опять же, это процессы

эволюционные, а не сверхъестественные.

Через производящую причину. Ничто не может создать само себя, — следовательно, есть тот, кто всё создал. Творец создал Вселенную, и создал её из самого себя, — но нельзя сказать, что он создал самого себя. Он плод эволюции, идущей в его мире. Что же до Бытия, то оно вечно и беспредельно, и постоянно находится в моменте своего творения. Оно постоянно воспроизводит и совершенствует себя, одновременно являясь и тем, кто существует, и средой, в которой и за счёт которой он существует. Таким образом, являясь вечным, всеобъемлющим и самодостаточным, оно в этом сходно с Богом, каким его представляют монотеистические религии.

Через необходимость. Если все вещи находятся в потенциальном состоянии, а затем переходят в актуальное состояние, то должен быть кто-то, благодаря кому это происходит. Мнение, что все вещи изначально существуют как идеи или потенции, и лишь потом воплощаются в вещном мире, является ошибочным, хоть и освящено авторитетами Античности. В действительности имеет место не перевод потенций в вещность посредством сверхъестественных актов, а эволюционный процесс. Каким быть предметам и явлениям мира, определяется закономерностями эволюции на каждом её этапе, а не некими изначально существующими идеями. Хотя и идеи имеют место. Но это касается уже осознающих. Человек создаёт нечто сперва как идею, и затем воплощает её в действие и материю. Это творческий процесс, и он является частью всеобщего эволюционного процесса. Человек продолжает эволюцию через свободный выбор и творческие действия, тем самым переводя её на качественно новый уровень. Он сам порождает идеи и сам их воплощает.

От степеней бытия. Сравнивать что-либо с чем-либо по степеням совершенства можно только при условии, что есть нечто абсолютно совершенное, как точка отсчёта в сравнениях. Тут можно сказать однозначно: высшего и конечного совершенства не существует, и существовать не может. Достижение конечного совершенства Бытием, как высшей инстанцией, в определённом смысле близкой идее Бога, означало бы прекращение его развития, прекращение какого бы то ни было движения вообще, — ведь развиваться уже некуда, и двигаться незачем. Это состояние полного покоя, — то есть смерть. Если нет движения, то нет существования. Поэтому предельное совершенство Бытия никогда не будет достигнуто. А значит, нет и не будет абсолютно совершенного образца, с которым можно было бы всё сравнивать и распределять по степеням совершенства. Одно несовершенное всегда сравнивается с другим несовершенным, или же с максимально совершенным для своей стадии развития. Это не даёт некоего

универсального образца совершенства, по которому можно было бы выверять всё существующее.

Через целевую причину. Всё, что вершится в мире, целесообразно. Следовательно, есть кто-то, кто установил для всего существующего цель. Да, всё вершащееся в мире целесообразно, — но это эволюционная целесообразность. Всё развивается, и такая целесообразность развития имеет в виду продолжение жизни. Это и эволюция нашей планеты, и эволюция Творца (т.е. Вселенной), и эволюция его мира, и так далее. Тут, опять же, всё приходит к Бытию, к его эволюции. Она имеет в виду то же самое: продолжение жизни, жизни Бытия. Всё в конечном итоге направлено на это, и потому целесообразно. Имеется цель, достижение которой жизненно важно для Бытия, а значит, и для всего, что в нём существует. Достижению этой цели, постоянно возобновляющейся, служат практические результаты эволюционного процесса на каждом его этапе. Бытие воспроизводит себя через бесконечную эволюцию. Это не волевая установка свыше, не произвольное определение цели кем-то всемогущим, а естественный процесс.

Вот так, если очень коротко.

Мы видим, что с точки зрения Учения доводы Фомы Аквинского отнюдь не доказывают существования Бога. Да, имеются сближения в некоторых моментах. Однако то, что Фома не мыслит возможным без Бога, в картине мира по Учению оказывается вполне возможным и без него. Что это означает? Всего лишь то, что рассмотренные доводы что-то доказывают лишь в контексте христианства, лишь в его системе понятий. Впрочем, в таком выводе нет ничего нового. Я просто констатирую довольно очевидный факт.

Почему же некоторые моменты оказываются настолько близки к Учению? Ведь замени там «Бог» на «Бытие» — и будет в самом деле очень похоже. Может быть, потому, что человеческое мышление в своём поступательном развитии приблизилось к идее беспредельности, содержащей в себе всё, и оформило её в более понятные для себя образы, подвергнув при этом неизбежным искажениям. А может, потому, что скрытое в духосознании знание стремится прорваться наружу через смутные ощущения, и по ходу этого, опять же, принимает искажённые формы. Или то и другое вместе. Тут тема уже для отдельного разговора. Ну а сейчас добавлю лишь, что лично мне было интересно провести этот маленький опыт по сравнению двух подходов к разрешению онтологических вопросов, актуальных для всех. И надеюсь, что не только мне.

© Атархат, 2021

Природа и... Природа

Из тех, кто любит Природу, многие скажут вам: да, она прекрасна, но жестока. Ну а от тех, кто её любит не особенно, можно услышать, что Природа — это кромешный ужас. Там сплошная мучительная борьба за выживание, там все терзают и пожирают друг друга, там буйствуют стихии и разбиваются на куски целые континенты. А кто-то, чьё сознание мистицизировано, может пойти ещё дальше и сказать, что жестокость Природы — это проявления бесчинств населяющих её демонических сил, и что она не просто ужас, а самый настоящий ад во плоти, сугубо враждебный человеку, и вообще всему хорошему и светлому.

Подобные мнения вряд ли могут показаться странными. Ведь они, в принципе, основаны на вполне очевидных вещах. В Природе животные и даже растения в самом деле не особо церемонятся друг с другом, и различных катаклизмов тоже хватает. Собственно, что люди видят, о том и говорят. Однако они упускают из вида несколько весьма важных моментов. Один из них заключается в том, что о происходящем в Природе они судят с позиции человеческих критериев. Другой заключается в том, что говорят-то они именно об увиденном, т.е. о находящемся на поверхности, обычно не принимая во внимание подоплёку.

РУБРИКА: **С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ УЧЕНИЯ**

А что же говорит Учение? Жестока ли Природа, демонична ли она?

Начнём с самого восприятия Природы. По Учению, она представляет собой единый организм. Не по Учению, как бы, тоже. Но иносказательно. Понятно, что Природа — это система, в которой всё взаимосвязано. Но для нас она — организм в прямом смысле слова. Организм Творца, который является нашей Вселенной. Природа — это и совокупность законов, действующих во Вселенной, и совокупность того, чем эти законы управляют. Она глобальна в смысле гораздо большем, чем когда речь идёт о природе нашей планеты. Именно поэтому я и пишу здесь слово «Природа» с заглавной буквы, — чтобы почеркнуть, что речь идёт о глобальности в масштабах Вселенной. Хотя в приведённых в начале статьи мнениях имеется в виду природа планеты, она всё же является частью Природы в более глобальном смысле, и подчиняется её законам. Поэтому я говорю о Природе, при этом подразумевая также и природу планеты, как её частный случай.

Итак, Природа — это самый настоящий организм, организм живого существа. Это принципиально важно. Потому что если так, то всё, что происходит в ней, происходит в рамках одного организма. То есть это ни что иное, как его жизнедеятельность. Протекающие в нём процессы обслуживают его существование, они направлены на продолжение последнего. И вот тут уже можно поставить вопрос: по отношению к кому, в таком случае, может быть враждебна Природа? Только по отношению к самой себе. Ведь кроме неё во Вселенной,

собственно, ничего и нет. Мы можем говорить не о Природе и неком объекте её воздействия, по отношению к которому она могла бы быть враждебной и жестокой, а о Природе и... Природе. Её воздействие всегда направлено на неё же. Отсюда ещё один вопрос: если некий организм будет враждебным, жестоким, разрушительным по отношению к самому себе, сможет ли он существовать? Однозначно, нет. Это будет организм-самоубийца, целенаправленно занимающийся собственным уничтожением. Ну а Природа живёт и развивается, эволюция порождает всё более совершенные формы жизни. За счёт действующих в ней законов и управляемых этими законами процессов.

Что из этого следует? А то, что процессы, кажущиеся такими жестокими, это, на самом деле, нормальная жизнедеятельность, поддерживающая существование вселенского организма. Внутренний обмен веществ и тому подобное. Ровно то же самое происходит в организме человека: что-то появляется, что-то исчезает, что-то поглощается или уничтожается чем-то, что-то изменяется и растёт за счёт чего-то. Только выглядит это иначе, чем в организме, который мы наблюдаем вокруг себя и частицами которого являемся сами. Просто в нас та же самая «кровавая бойня» и «гибель континентов» имеет вид, который нас не напрягает. А что в Природе? Там всё точно так же имеет свою функцию. Там трава поглощается одними животными, которые, в свою очередь, становятся добычей других животных; там бушуют ураганы и происходят землетрясения; там возникают горы и ломаются континенты. Обычный обмен веществ и протекание физических изменений в живом теле. Всё это не более жестоко чем то, что происходит в теле человека. Просто люди склонны уподоблять то, что они видят вокруг, собственной социальной жизни, и оценивать по её моральным стандартам, — кстати, тоже далеко не всегда чётко определённым.

Поэтому когда кот поймал и съел мышь — это вовсе не то же самое, как когда человек замучил кого-то. И страдания мыши тут оказываются тоже не совсем тем, что кажется человеку. Функционально это то же самое, что страдания травы, которую щиплет антилопа. Всё это предусмотрено естественным ходом природных процессов, всё это в порядке вещей. Это и есть та самая подоплёка, о которой было упомянуто выше. Одна из функций мыши — быть пищей для кота. Это не жестокость и не саморазрушение Природы, а нормальное течение эволюции, которое идёт ей на пользу. Просто человеку чисто визуально, по знакомым ему аналогиям, оно представляется жестокостью.

Это что касается отношений Природы с самой собой внутри себя. А что насчёт её жестокости к человеку?

Эта жестокость тоже мнимая. Да, происходят различные катаклизмы. Но тут

одно из двух: либо они имеют естественные причины, либо они являются следствием деятельности человека.

В первом случае это всё те же закономерные процессы, протекающие внутри живого организма. Землетрясения, извержения вулканов, ураганы и прочее, что принято именовать «природными катастрофами», это никакие не катастрофы, а нормальная жизнь нашей планеты. Планета при этом отнюдь не думает о том, как бы сделать людям побольнее, и не радуется, когда они страдают. Просто одни процессы двигают другие, и всё. Человек же в своём эгоизме склонен рассматривать всё существующее как то, что должно служить его выгоде и комфорту и должно оцениваться именно с такой точки зрения. То, от чего ему плохо, и есть зло. Нет, вовсе нет. Природные процессы идут так, как они и должны идти. Это поддерживает жизнь планеты, — и твою жизнь, как того, кто на этой планете обитает. А если ты оказался в зоне землетрясения или попал под ураган, то считай, что тебе не повезло. Это как встать под горный обвал. Ты сам туда пришёл. Но если ты не знал, что лезешь под обвал, то ты не виноват. Горы же тем более не виноваты. Обвалу пришло время произойти, и это случилось бы всё равно, окажись ты там или нет.

Во втором же случае пенять надо как раз на себя, — сиречь на человека как такового. Если человечество грубо вмешивается в ход природных процессов и где-то как-то нарушает его, то начинают происходить катаклизмы, уже не вписывающиеся в нормальное их протекание. Это как пилить сук, на котором сидишь. Ты грохнешься и покалечишься, — и кто тут виноват? Неужели дерево?

Неужели это дерево решило тебя сбросить, из злокозненного желания тебя покалечить? Ну то-то и оно.

Кратко резюмирую всё вышесказанное. Природа не жестока. То, что мы видим в отношениях её частиц — например, животных — между собой, это не жестокость, а нормальные процессы, которые имеют в виду не целенаправленное причинение кому-то страданий, а поддержание жизни Вселенной в целом и нашей планеты в частности. Точно так же Природа не жестока и по отношению к человеку. Он тоже её частица, причём очень ценная и жизненно ей необходимая. То, что люди порой «попадают под раздачу» во время какого-нибудь мощного природного явления, следует расценивать как трагическое стечение обстоятельств, результат неосторожности или удар по самому себе через причинение вреда Природе.

Что же до демонизирования Природы, населения её злобными и жестокими сверхъестественными отродьями, то это мистика, не имеющая никакого отношения к реальной жизни, и махровое мракобесие уровня Тёмных Веков, если не хуже. И в наше время это может вызвать разве что недоумение.

Вот, собственно, и всё. Что ещё добавить?.. Познавайте Природу, учитесь понимать её, и не будьте недалёкими эгоистами, обвиняющими её в собственных ударах граблями по лбу.

P.S. И да. Мышку всё равно жалко.

© Атархат, 2021

Кино без актёров

Я считаю, что кинематография — пустое, никому не нужное, и даже вредное развлечение. Только ненормальный человек может ставить этот балаганный промысел в уровень с искусством.

Николай II

Вы должны твёрдо помнить, что из всех искусств для нас важнейшим является кино.

В. И. Ленин

В конце концов, для чего ещё нужен кинематограф, если не для производства огромных мух, которых можно будет дрессировать в своё удовольствие?

Антон Долин

Лет пятнадцать назад или около того, наблюдая за успехами компьютерных технологий, позволяющих создавать спецэффекты в кино и, в частности, цифровых персонажей, выглядящих всё убедительнее, я предположил, что киноиндустрию в обозримом будущем ожидают некоторые принципиальные изменения. А именно — живые актёры будут всё чаще заменяться

компьютерными и, возможно, в скором времени заменятся совсем. Известные актёры не будут сниматься, а вместо этого станут предоставлять кинопроизводителям права на использование своего образа, за те же или близкие по сумме гонорары. Это устроит всех. Актёров — потому что это будет заработок без труда, только за счёт популярности. Кинопроизводителей — потому что не нужно будет возиться с актёрами, и человеческий фактор перестанет затруднять съёмки. Зрителей — потому что они смогут увидеть любимых актёров в большем количестве амплуа и ролей, да ещё и увидеть их снова молодыми. Эти соображения я высказал одному товарищу, который ответил, что нет, — такого, конечно же, не произойдёт, потому что никакая компьютершина не заменит живого актёра.

Вскорости после упомянутого разговора, а именно — в 2007 году, вышел художественный фильм «Беовульф». Хотя многие возражают против определения «художественный» и предлагают заменить его на «компьютерная анимация», по той причине, что он и впрямь целиком компьютерный. В смысле, там мы не видим ни одного актёра вживую. Хотя актёры были задействованы, и какие, — один Энтони Хопкинс чего стоит. Только вот самих их там нет. Есть их полностью цифровые копии. Правда, двигаются они всё ещё по технологии захвата движения, да и того, чтобы они выглядели один в один как настоящие, добиться не удалось. Но тем не менее. При всех его несовершенствах, это уже не мультик, а целиком компьютерный фильм. Фильм, где уже не нужен грим, а лица и фигуры актёров можно подправить, придав им необходимый возраст и комплекцию.

Затем, в 2009 году, появился фильм «Терминатор: да придёт спаситель». Там люди не компьютерные, но краткое появление в кадре Арнольда Шварценеггера, который в данной кинокартине не снимался, да ещё и омоложённого на много лет, не осталось незамеченным. Не снимался, но гонорар за право использовать своё цифровое лицо, надо думать, получил.

И самый свежий пример — реклама «Мегафона» с полностью цифровым и тоже омоложённым Брюсом Уиллисом, очень похожим на настоящего. Гораздо более похожим, чем Хопкинс в «Беовульфе». И гонорар, как говорят, до двух миллионов долларов, — опять же, за согласие на использование образа.

Успехи делает и компьютерное воссоздание голоса. Так, ИИ с помощью старых фильмов смоделировал голос Вэла Килмера, потерявшего возможность говорить из-за рака гортани. Есть и другие подобные случаи.

Мне кажется, что теперь я могу с полным правом сказать: «А я говорил!».

По сути, происходит именно то, что я предсказывал. Известные актёры продают своё цифровое лицо, программа в состоянии смоделировать и наложить голос, а компьютерные тушки, приделанные к лицам, выглядят уже практически как живые. Создатели спецэффектов понаторели в этом деле, тренируясь... так и хочется сказать, на кошках. Но нет: всё же, по большей части, на разных фантастических существах, роботах и т.д. Хотя и на кошках тоже, если лев сойдёт за кота. Я имею в виду компьютерную анимацию «Король-Лев» 2019 года, где животные нарисованы так натурально, что многим оказалось даже неинтересно смотреть, — уж больно напоминает очередной познавательный фильм о дикой природе. А такие фильмы смотрят не в кинотеатре, а дома, включив тематический телеканал.

Интересно, как оно пойдёт дальше. Надо думать, практика использования цифровых актёров будет набирать обороты. Тем более, что покуда это ещё в новинку для зрителя, который каждый раз удивляется и отмечает это для себя как нечто необычное. То есть пока ещё его можно купить этим. Однако скоро подобные вещи станут рутиной, — как, в общем, уже стали рутиной компьютерные монстры. Ведь они впечатляют уже не так, как двадцать лет назад, верно? Ну а когда компьютерные актёры станут рутиной, тогда от них тем более не откажутся,

потому что это войдёт в киноиндустрию как привычная составляющая.

Уже сейчас пожилые актёры благодаря компьютерным технологиям могут появляться на экране в более молодом виде. Вполне возможно, что скоро мы увидим, например, снова молодого Харрисона Форда в очередной серии «Индианы Джонса». При этом сам старичок будет спокойно полёживать дома на диване. Ну а затем... Как насчёт снова живого Дугласа Фэрбенкса в каких-нибудь современных приключениях? А Бэла Лугоши в новом фильме о вампирах? Почему нет? Если

можно омолодить престарелую звезду, то почему нельзя оживить звезду умершую? Тем более, что и гонорар выплачивать не придётся, если у звезды нет наследников или если удастся сделать какой-нибудь хитрый юридический финт. По моей мысли, примерно таким может быть следующий шаг в означенном направлении: современные знаменитые актёры будут умирать, но при этом продолжать сниматься, а давно умершие знаменитые актёры будут возвращаться на экраны в новых ролях. Тогда-то они и станут бессмертными в полном смысле слова, — ибо что помешает использовать их образы хоть через двести лет?

Или не станут. Потому что следующим шагом может быть создание компьютерных персонажей с нуля. Я имею в виду отказ от образов известных актёров и создание персонажей, внешне подгоняемых под требуемые параметры конкретной роли. Хотя не роли, конечно, а «роли». Просто взяли и нарисовали, кого надо. Как в самом обычном мультике. Иначе говоря, актёры больше просто не понадобятся. Ни в каком качестве. А если кто-то из великих — точнее говоря, его лицо — ещё будет продолжать появляться в фильмах, то зритель со временем просто забудет, кто это, и перестанет понимать разницу, пусть и условную, между ним и новыми виртуальными болванчиками.

По сути, всё это уничтожит такое понятие, как «актёрское мастерство» в кино. Ведь актёрской игры больше не будет. Будет анимация, визуально неотличимая от жизни. Грустно... Хотя если подумать, то кино появилось совсем недавно. Сто лет с небольшим, всего-то. И оно сильно потеснило, а к настоящему моменту уже почти совсем задушило театр, — которому, как виду искусства, уже минимум несколько тысяч лет. Теперь же вполне может получиться так, что кино как искусство живого актёра уйдёт, промелькнув краткой яркой вспышкой и

преобразившись во что-то другое, а театр продолжит существовать. Потому что тогда зрителю уже будет интересно посмотреть на игру живых людей. Может быть.

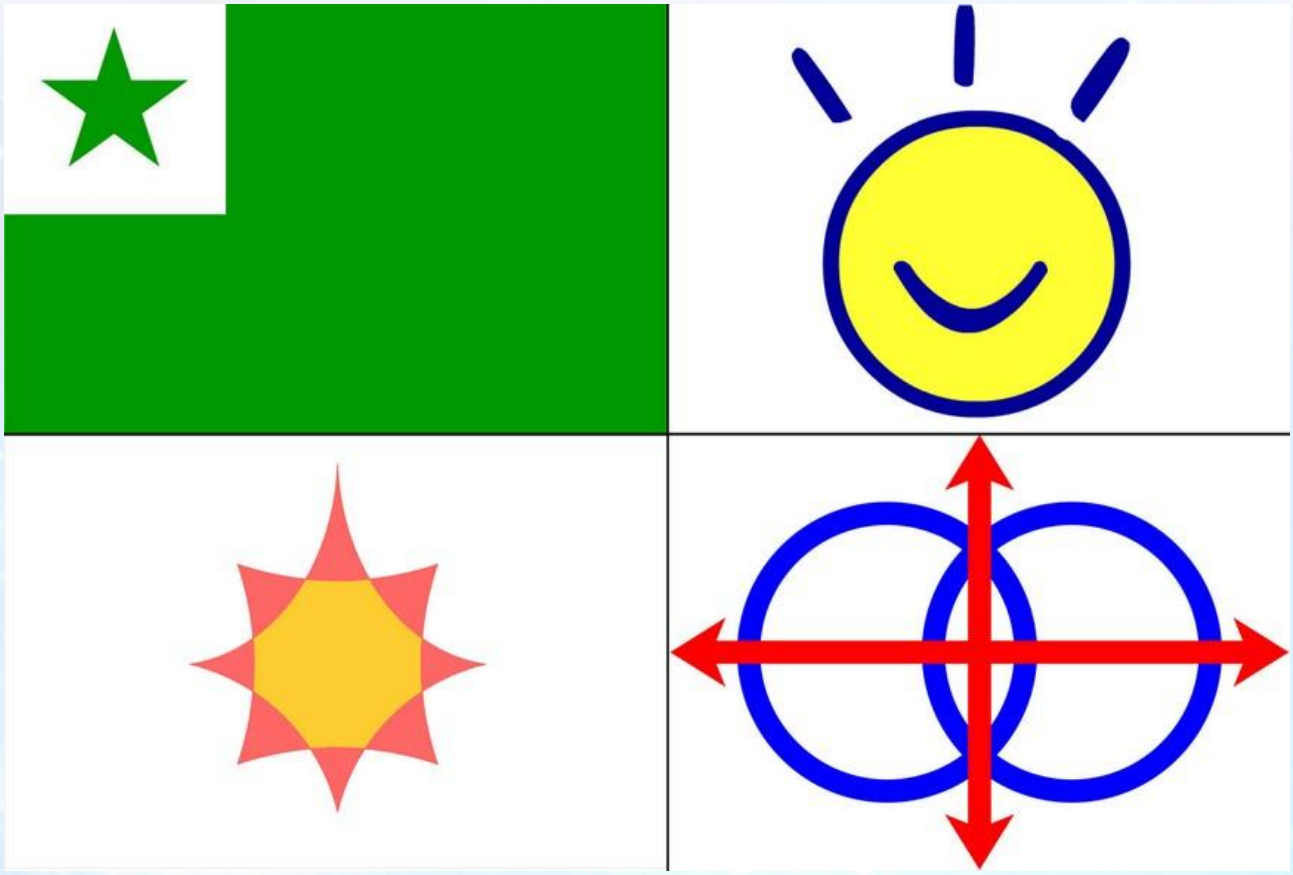
Так всё же, нужно ли огорчаться по поводу таких перспектив? Сложно сказать. С одной стороны, в самом деле может исчезнуть целый вид искусства. С другой стороны, актёрское кино может быть просто некой переходной формой между театром и компьютерной анимацией высокой степени совершенства. Живой актёр в кинематографе может оказаться временным явлением, почти недоразумением, как бы на подхвате, пока технологии ещё не достигли требуемого уровня. И он уйдёт, когда станет больше не нужен. По принципу «Спрос дал — спрос взял». Ну а потом — какие-нибудь трёхмерные интерактивные голопьесы, как в «СтарТреке», или ещё что-нибудь этакое, и вообще конец кино в нашем о нём представлении. Огорчаться тут или радоваться? Сразу и не определишься... Наверное, и то, и другое, понемногу.

Хотел закончить тем, что, мол, на наш век актёрского кино ещё хватит. Но вот не уверен. В любом случае, есть же всё то, что успели снять к настоящему времени. И в этом смысле — да, хватит. Ещё и останется. Потому что наснимали за сто с лишним лет — смотреть не пересмотреть. Наслаждайтесь. А что там будет дальше, поживём — увидим. Увидим в прямом смысле слова, собственными глазами. На киноэкране.

© Атархат, 2021

Всемирный язык: мечта и необходимость

Идея единого международного языка — явление не новое. Причём не какого-то национального языка, который выполнял бы функции языка межнационального общения, и даже не какого-нибудь койне, а языка, созданного искусственно. Она прослеживается с античности, — и с тех пор, можно сказать, витает в воздухе. Первая достоверно зафиксированная попытка создать искусственный язык относится к XII веку. Позднее, уже с эпохи Просвещения, такие попытки стали предприниматься всё чаще, а ближе к нашему времени они пошли, буквально, одна за другой. Сейчас искусственных языков насчитываются сотни, — самых разных, простых и сложных, включая языки жестовые, пиктографические, нотные и другие. Подробно рассказывать не буду; интересующиеся могут легко найти массу материалов по этому вопросу, вплоть до книг-пособий, объясняющих, как самостоятельно сконструировать язык.

Обозначая тему разговора, отмечу, что далеко не все искусственные языки,

или конланги, предназначены для международного общения. Среди них есть такие, которые созданы для литературных произведений, для кино, или даже просто как хобби. Это говорит о том, что сама по себе задача создания языка выполнима и, возможно, даже несколько проще, чем кажется. С другой стороны, вопрос качества в сторону не отодвинешь. Если это хобби, и делается для себя либо для узкого круга любителей, то можно сделать упор не на практичность, а на оригинальность или сложность, которые и будут критериями качества. Если это язык для книги или кинофильма, то он должен прежде всего отвечать задачам, которые ставятся данным конкретным художественным произведением. Ну а если имеется в виду удобство межнациональных коммуникаций, то и критерии тут свои. И нас сейчас интересует именно последний случай.

Собственно, главное требование к такому языку — именно облегчение общения между людьми, относящимися к разным народам и культурам. Он рассматривается и как средство сближения людей в смысле эмоционального взаимопонимания, и как средство упрощения совместной деятельности в различных областях. Когда люди говорят на одном языке, им проще и поддерживать дружеское общение, и вместе работать, и совместно решать важные задачи. Многие считают, что внедрение всеобщего международного языка очень поможет будущему объединению человечества. Спорить с этим соображением сложно. Однако и переоценивать языковой фактор не следует. Взаимопонимание в смысле языка ещё не означает взаимопонимания во всём остальном. Непонимания и вражды хватает и между людьми, говорящими на одном языке, — причём порой даже в пределах одной семьи. Тут, скорее, может идти речь об общности восприятия мира и человека. Но это другая область. Что же до общего языка, то он, не являясь панацеей, всё же может помочь, и весьма существенно. Это действительно было бы важным шагом к объединению мира.

Почему искусственный язык, а не один из существующих национальных языков? Ведь более-менее успешные примеры есть. Греческий и латынь в Античности, та же латынь в Средние Века, плюс арабский и китайский в своих регионах, затем французский, английский, в очень заметной степени — русский и испанский. Что не так с ними?

Ну, во-первых, причины их выдвижения на роль межнациональных более политические и экономические, нежели какие-либо ещё. Это не стремление сблизить народы, а борьба за приоритет в указанных областях, часто с экономическим, политическим и военным выкручиванием рук. Иначе говоря, для многих, кому приходится пользоваться такими языками, это вынужденное, и оказывается не в радость. Такие языки уступают место друг другу по мере того,

как сменяются государства-лидеры в экономике и политике, а вовсе не потому, что тот или иной из них особенно хорош для межнационального общения. Во-вторых, — и это, во многом, эмоциональный довод, но тоже имеющий право на существование, — если бы один язык занял ведущую позицию как общепризнанный международный, это было бы не очень справедливо по отношению к другим языкам и их носителям, а носителям языка-гегемона дало бы незаслуженные преимущества. В-третьих, ни один из национальных языков, сколь бы хорош он ни был, не обладает той степенью простоты и организованности, которая необходима всемирному межнациональному языку.

Есть и другие доводы в пользу именно искусственного языка, — но эти можно считать основными.

Однако всё это, так сказать, сопутствующие сложности. Основной же сложностью является то, что люди в большинстве своём пока ещё не осознали необходимость международного языка, и не особо хотят его получить. Одни не считают нужным свободное общение во всемирном масштабе, других вполне устраивает тот же английский в качестве языка межнационального общения, третьи не верят в то, что искусственный язык может быть достаточно проработан и годен для выполнения столь важной функции, четвёртым просто лень что-то ещё учить. Чтобы всё это преодолеть, нужен достаточно высокий уровень сознательности в общечеловеческом масштабе. А это означает, что большинство людей должно принимать проблему объединения человечества близко к сердцу. На словах-то многие, вроде, и принимают, — а на деле как-то с прохладцей.

В итоге даже весьма достойные попытки создания языка пока что заканчиваются провалами. Взять хотя бы хрестоматийный случай Эсперанто. Язык настолько простой, что сделать проще без возникновения проблем с передачей смысла уже трудно. При этом он достаточно выразителен, позволяет говорить на любые темы, да и просто благозвучен. Конечно, есть у него и недостатки, — ведь совершенства в таком деле быть не может. Но в целом это один из самых многообещающих проектов. Был, во всяком случае. За свою вековую историю он переживал взлёты и падения, был широко пропагандируем и гоним, — но даже сейчас, когда тот же Интернет предоставляет огромные возможности для его популяризации и когда в сети существует множество посвящённых ему ресурсов, он не приблизился к статусу официального международного. Особо отмечу интересный опыт религии бахаи, которая позиционирует Эсперанто как язык для общения своих последователей. Бахаи учат его — и это действительно способствует общению единоверцев из разных стран. Они вообще являются популяризаторами Эсперанто и помогают в его

изучении всем желающим.

Что мы можем увидеть из этого примера? А то, что изучение международного языка идёт лучше и охотнее, когда ставится более узкая и практичная цель, нежели смутно маячащее где-то далеко впереди, в неопределённой временнОй перспективе, объединение человечества. Общая религия — вообще мощный стимул для изучения языка: взять для примера латынь или арабский в их лучшие времена. Есть и пример иного рода: современный иврит. Это, фактически, полуискусственный язык, созданный на основе переработанного древнего иврита. Тут сошёлся сразу ряд факторов — религия, национальная общность и гражданство. Поэтому иврит учат израильтяне, до репатриации говорившие на разных языках. Ну и нельзя не вспомнить классический санскрит, который также явился результатом обработки и реконструирования языка-предшественника, и затем стал для огромного мирового региона языком религии и искусства.

Тем не менее, постепенно двигаться к объединению человечества надо. Необходимо продолжать популяризировать идею всемирного языка. Пусть пока что она работает на более локальных уровнях, как идея языка единой религии или культуры. Это тоже очень хорошо. Люди должны понять, хотя бы на таких примерах, что национальные и государственные границы не должны мешать свободному общению тех, кто объединён чем-то очень важным, — гораздо более важным, чем национальность и государство. Благодаря этому в дальнейшем им будет легче осознать то самое важное, что объединяет всех нас: то, что все мы — люди, у нас общее прошлое, от корней, и общее будущее, на Земле и во Вселенной.

Всемирный язык нужен. Он жизненно важен. Это не просто мечта, присущая человечеству с давних времён, но и насущная необходимость.

Невозможно сомневаться в том, что со временем он появится. Станет ли им один из национальных языков, — быть может, сильно изменившийся? Или это будет смесь нескольких доминирующих языков? Или всё же искусственно созданный язык? Слово «искусственный» смотрится невыгодно, это надо признать. Оно словно бы привносит привкус чего-то ненастоящего, надуманного. Однако именно искусственно разработанный язык может быть достаточно прост в изучении и использовании, фонетически адаптирован к более удобному для всех произношению, точен и ёмок в передаче смыслов, приспособлен к тому, чтобы охватывать все темы, понятия и нюансы значений. Это будет действительно эффективный способ общения между людьми (причём не только из разных народов, но и вообще), богатое выразительное средство искусства, точный инструмент науки, адекватное средство передачи сложных духовных понятий. Естественные языки хороши, но в данном случае стихийность их формирования,

неупорядоченность (несмотря на все правила) и многозначность превращаются в серьёзнейшие минусы. Если нужен эффективный инструмент для работы по объединению человечества, тогда имеет смысл потрудиться над его созданием и сделать его по-настоящему простым, удобным и точным. Ну а потом каждому человеку нужно будет освоить всего лишь один язык кроме родного, — причём язык более простой в изучении, чем любой национальный, — чтобы больше не думать о проблемах языкового барьера и не иметь ограничений в общении, работе, творчестве и т.д.

Создать такой язык непросто, и ещё сложнее объяснить людям, насколько он необходим. Тут нужны усилия по изменению подхода и к общению как таковому, и к восприятию общества в целом, со всеми его проблемами, — национальными, культурными, духовными, политическими... Это очень трудно, — но возможно. Более того: это придётся делать. Сначала кому-то, потом всем людям вместе. Ну а все вместе мы справимся и не с такими задачами. Ведь это наш мир, наша жизнь, наше будущее. Это мы сами. А над собой мы властны.

© Атархат, 2021

Умирает ли религия?

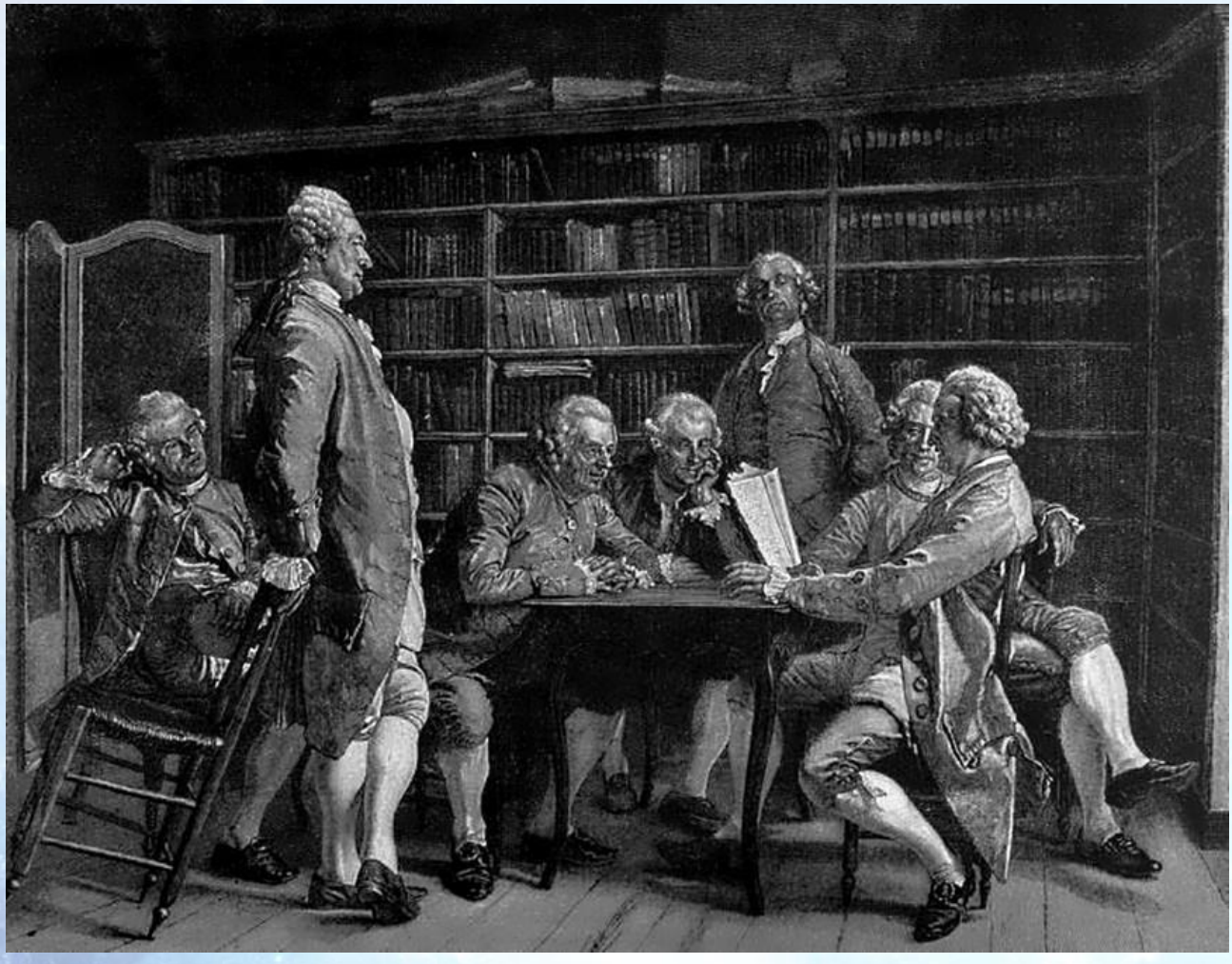
Дело в том, что у крупного рогатого скота есть своя религия. Они глубоко религиозны и верят, что, умирая, послушный бык (ну, или корова) уходит через волшебные ворота в мир лучший. Что случается дальше, они точно не знают, но слышали, что это как-то связано с обильными пастбищами и почему-то с хреном.

Терри Пратчетт. «Ноги из глины»

Человечество всегда было религиозным. То есть с той поры, как ещё в первобытном обществе появились первые представления о духах или ещё о чём-то таком, в приложении к чему можно применить определение «верования». В дальнейшем религия подмяла под себя практически всю человеческую жизнь со всеми её проявлениями, — просто потому, что оказалась единственным возможным способом объяснения явлений окружающей реальности. Исключения встречались редко. В античных Греции и Риме имелись философы-учёные, которых сейчас можно было бы назвать атеистами. Но это были отдельные случаи. Затем наступило Средневековье, и неверующие практически исчезли, надолго. Когда такие вольнодумцы появлялись, они испытывали на себе всю свирепость тогдашних карательных мер. У религии в то время не было альтернативы, и даже наука базировалась на ней же.

Альтернатива в лице секулярной культуры стала проблесками просматриваться ближе к эпохе Возрождения (например, в южной Франции до

альбигойских войн), а в виде секулярной науки как грозной силы она утвердилась в эпоху Просвещения. С XVIII века религия начала ощутимо сдавать свои позиции. По историческим меркам это недавно, но по меркам человеческой жизни — довольно давно. С тех пор наука всё теснила и теснила её, и в XX веке казалось, что вот-вот окончательно вытеснит, ну а в XXI-то веке люди уж точно оставят эти пережитки первобытного уклада в прошлом. Ан нет. XXI век, можно сказать, в разгаре, со всем своим головокружительным научно-техническим прогрессом, — а религия никуда не делась. Несмотря на упорно циркулирующие слухи о её смерти, она не только выжила в атеистическом XX веке, но и вернула себе часть утраченных тогда позиций. И сейчас трудно сомневаться в том, что верующих в мире всё ещё гораздо больше, чем неверующих.

Так умирает ли религия? Судя по всему, всё-таки да. Но это происходит не столь быстрыми темпами, как некогда ожидалось. Она как явление постепенно разрушается изнутри, мутируя во что-то другое, а извне её продолжает поджимать наука. Предполагалось, что наука и станет могильщиком религии, заменив её собою в человеческих умах и сердцах. Однако это у неё никак не

получается. Религия пусть и со всё большими усилиями, но держится на плаву и, похоже, продержится ещё долго.

Почему так происходит? Я сейчас не говорю о том, хорошо это или плохо, а просто задаю вопрос: почему? Этим вопросом задаются многие и, соответственно, предлагаются разные варианты объяснения, — от ничем не исправимой человеческой дикости до сложных экономических причин. Это мы обсуждать не будем. Есть предложение поставить означенный вопрос следующим образом: чего недодаёт людям наука в сравнении с религией? Ведь понятно, что и та, и другая рассказывают о мире, дают человеку возможность составить представление об окружающей реальности и его месте в ней. Но если сильным местом науки является, в частности, доказанность того, о чём она говорит, то её слабым местом является отсутствие информации по многим важнейшим для человека вопросам. Нечто, что не исследовано и не доказано, и потому выглядит как зияющие дыры в научной картине мира. У религии такая информация есть. Пусть эта информация существует во многих противоречащих друг другу вариантах, ни один из которых не подтверждён со стопроцентной убедительностью, — тем не менее, для многих это лучше, чем ничего. Их можно понять.

Итак, чего же в этом плане недодаёт обществу наука? Жажду ответов на какие вопросы она не может утолить? Вообще-то, на многие. Разобрать здесь все не получится. Поэтому мы кратко пройдёмся лишь по нескольким. Но зато по весьма важным. Столь важным, что отсутствия у науки ответов только на них было бы уже достаточно для того, чтобы очень многие люди даже в современном мире продолжали держаться за религию.

Первый такой момент — желание знать, что нас ожидает после смерти. Человеческая психика отказывается принимать идею полного исчезновения. А поскольку смерть постоянно присутствует в нашей повседневности, в том или ином облике, в тех или иных проявлениях, то и всё, что с ней связано, составляет очень большую часть человеческой жизни. Наука предлагает считать, что человек просто заканчивается, перестаёт быть. Однако это звучит не только страшно, но и просто странно, нелогично. Личность со всем своим бэкграундом и со всеми перспективами, со всеми делами, чувствами, качествами, талантами и связями, интегри-

рующими её в окружающую реальность, просто перестаёт быть? Как это? Поверить в подобное гораздо труднее, чем в существование неких сверхъестественных сил. У религии же ответ имеется. Хоть какой-то, хоть не очень правдоподобный, — но этот ответ нужен. Здесь будет уместно привести старую поговорку о том, что на безрыбье и рак — рыба. Даже угроза вечного ада оказывается более предпочтительной, чем полная неизвестность.

Второй момент — мораль. Насквозь пропитанное религией сознание человечества за многие тысячи лет уяснило, что моральные критерии устанавливаются высшими силами. Попросту говоря, что этим силам угодно, то и морально, а что неугодно, то аморально, т.е. грешно. Опять же, вознаграждение или наказание в загробной жизни — мощный стимул для заботы о личной нравственности. А если ни высших сил, ни рая с адом нет, тогда откуда возьмётся нравственность? Вспомним дискуссии времён революции, когда был в ходу следующий довод: «Большевики хотят уничтожить мораль. Ведь если нет Бога и ада, то нет и сдерживающих сил, нет никаких границ. Значит, каждый сможет спокойно делать что хочет, — блудить, воровать, убивать». Это было сто лет назад, — но в религиозном сознании с тех пор мало что изменилось. Принцип «Нет Бога — нет морали» актуален для него доныне. И пусть такое понятие о морали базировалось, по сути, на страхе перед высшими силами, наука вряд ли может предложить что-то взамен. Разве что такой же страх, только уже перед человеческим произволом, устанавливающим нормы морали и закона. Замена явно убыточная. Наука не имеет представлений о том, на чём могла бы базироваться реальная мораль, и может вести речь только о каких-то весьма условных и относительных критериях, выглядящих ещё менее убедительно, чем апелляция к Богу.

Третий момент — наличие высшего смысла в существовании человека и мира. Вот ты удовлетворил свои первичные потребности, общие у тебя и у животного, — и что дальше? Ну, есть чувства, творчество, познание, развитие, — но для чего? Что там, в конце дороги? Удовлетворение всё тех же первичных потребностей, но среди искусства и при обладании большим количеством знаний? Если смотреть с точки зрения науки, то люди представляются чем-то вроде умных муравьёв, которые должны со временем расползтись по Вселенной просто для того, чтобы есть и гадить на всё более обширных пространствах. Даже при наличии познания и творчества всё равно всё упирается в жизнь материи, в воспроизводство ради воспроизводства и расползание ради расползания. Глубже просто ничего нет. Это приводит к мысли о бессмысленности жизни и страданий, и делает эту самую жизнь невыносимой. Религия же даёт ответы. И хоть ответы эти, откровенно

говоря, так себе по убедительности, вроде «Чтобы обрести вечную жизнь в раю» или «Только Богу известен высший смысл его собственного замысла», — это уже кое-что. Значит, высший смысл всё-таки есть, и всё не зря. Значит, страдания не напрасны и жизнь не пуста. Это не тупое заполнение Вселенной своими тушками, живыми или уже разлагающимися, — Вселенной, которая однажды и сама тупо остынет или схлопнется. Тут наука проигрывает религии в самом важном: в объяснении смысла жизни. А люди всегда искали этот смысл. Так появились все религии и философии. Так появилась и сама наука, — которая, к сожалению, в этом смысле пока не оправдывает надежд.

Трёх описанных моментов достаточно для того, чтобы религия продолжала оставаться для большинства людей незаменимой штукой. Да, она постепенно угасает; но её ресурса и способности к жизни хватит ещё надолго. Видимо, до тех пор, пока наука не сможет предложить человечеству ответы на самые главные вопросы. А когда-то ещё это произойдёт... Поэтому ситуация, когда религия — а значит, и религиозное сознание — более-менее благополучно продолжает существовать в технически-космической цивилизации будущего, не кажется такой уж нереальной.

Хотя есть и ещё вариант. Вариант, который может снять эти противоречия и помочь преодолеть эти проблемы. Вариант, при котором и наука не утратит своей прогрессивной роли, и религия не понадобится. Я говорю об Учении.

Его уникальная особенность в том, что оно объясняет религиозные понятия и воззрения без привлечения сверхъестественного в роли объясняющего фактора.

То есть объясняет всё это с точки зрения Природы, без мистики. И жизнь после смерти, и мораль, и высший смысл, и многое другое. Оно показывает, что то, о чём говорит религия, реально, но не сверхъестественно. И познаваемо для науки. Просто наука пока не обзавелась средствами, позволяющими всё это исследовать. Её прорывы ещё впереди. Учение здесь опережает её. Опережает, но не отрицает. Наоборот, поддерживает. Ну а религия... В объяснении неизвестных науке вещей вполне можно обойтись и без неё. Последователи Учения могут кое-что рассказать об этом.

Так что на самом деле не факт, что космическое человечество будущего будет продолжать толпиться у алтарей. А ресурс жизнеспособности религии, вытекающий из её востребованности, возможно, не столь велик, как может показаться. Она угасает, что исторически закономерно. Но какими темпами этот процесс пойдёт дальше, покажет только время. Любой точный прогноз тут будет слишком смелым.

© Атархат, 2021

Прощай, генерал

В начале этого месяца в американском городе Ричмонд был снесён (точнее говоря, демонтирован) памятник генералу Ли, знаменитому полководцу южан во времена американской Гражданской войны. А до того, в прошлом году, была демонтирована его статуя в крипте Капитолия. А ещё раньше — в Далласе, Балтиморе и ряде других мест.

Всё дело вращается, разумеется, вокруг проблемы расизма. Генерал командовал войсками конфедератов, — то есть стороны, утверждавшей законность рабства. Конфедерация проиграла, рабство было отменено на всей территории США. Но генерал Ли не был всенародно ошельмован и облит презрением как кондовый поборник рабовладения, он не представлялся людям в карикатурном облике надсмотрщика со зверской рожей и плетью в руке. Напротив: он остался достаточно уважаемым человеком, и даже стал набирать популярность в обновлённом, вновь объединённом государстве, обойдя в этом даже некоторых видных северян. Тогда на него смотрели как на того, кто был побеждён, но не утратил чести, кто уже перестал быть врагом, но остался талантливым

полководцем, и проявил себя как патриот, готовый отдать жизнь за свою страну (в данном случае, за Конфедерацию). В конце концов, он был исторической личностью, одним из тех, кто наравне с Линкольном и Грантом вершил судьбы американской нации. Кроме прочего, он оставался своего рода символом духа Юга, который никуда не делся и не стал близнецом Севера, символом его характера и образа жизни. То есть он остался частью Америки, частью её истории и её народа. Так его и воспринимали, и не считали зазорным воздвигать ему памятники.

Конечно, всегда находились недовольные, выступавшие против увековечения памяти защитника рабовладения. Но для других это была, в первую очередь, национальная история, а не фактор текущей социально-политической конъюнктуры. Так продолжалось долго, в течение примерно столетия. Теперь ситуация изменилась. Любопытно, что чем в более отдалённое прошлое уходят времена рабства, тем больше обостряется социальная чувствительность в отношении этой проблематики, — хотя, по идее, должно быть наоборот. Ну а в свете событий последних лет это превратилось в самую настоящую истерию, о чём у нас уже шла речь; я высказывался по поводу некоторых событий. Каток истерии прошёлся даже по Колумбу. И вот добрались до генерала Ли. Историчность этой фигуры приносится в жертву застарелым социальным комплексам.

Хотя тут, конечно, возникает вопрос: а таким ли уж застарелым? Многие вам скажут, что расизм в США никуда не делся, а просто принял новые формы. Что ж, похоже на то. Но какие формы? Пусть многим это покажется оскорбительным, но мне кажется, что он просто меняет цвет. Потому что когда в мультирасовом обществе, декларирующем равенство, крушатся памятники и уничтожаются произведения искусства, неугодные одной из рас, тогда о расовом равенстве вряд ли может идти речь. А как должно быть? Должно быть так, чтобы могли спокойно соседствовать памятники генералу Ли и, например, Мартину Лютеру Кингу. Это — история, и она принадлежит всем. Кому не нравится, те пусть потерпят.

Хотя можно услышать и такое мнение, что все эти памятники генералу Ли в США, Ленину в России и т.д. — идолы былых времён, никому уже не нужное барахло, подлежащее утилизации и замене на нечто более свежее. Лично я с этим поспорил бы. Но даже если считать такую точку зрения верной, то всё равно снос памятников и прочих исторических объектов должен основываться на другом. Это должен быть ясный социальный запрос на обновление как таковое, а не выборочная чистка, производимая в угоду той или иной расе, нации, политической партии, социальному движению и прочим отдельным силам. Должна иметь место широкая социальная дискуссия, идущая именно в историческом ключе, а не в

русле выяснения отношений между расами и политическими игроками. А то в конкретный момент времени навязали свою точку зрения одни — и с пьедесталов полетели статуи, а из учебников стали вычёркиваться имена; затем взяли верх другие — и с пьедесталов полетели другие статуи, а из учебников стали вычёркиваться другие имена. Это свобода и равенство? Нет. Это вражда и новые попытки взять друг друга за горло.

Мне скажут: «Но ведь подобное происходит много где. Почему же ты снова об Америке?». Я отвечу: потому что именно США претендуют на то, чтобы быть в мире оплотом демократии, справедливости и социальных свобод. Таким образом, положение обязывает. Что для других, «менее оплотных» стран как бы в порядке вещей, то ни в коем случае не должны позволять себе Соединённые Штаты. Я критикую их не потому, что отношусь к ним плохо, а как раз наоборот, — потому, что всю сознательную жизнь относился к ним хорошо, и это хорошее отношение очень жалко терять. Всё же хотелось бы думать, что хоть где-то ещё сохраняется свобода. Да только вот получается иначе... Грустно снова и снова обнаруживать, что приличный гражданин, ратующий за твёрдые моральные устои и претендующий на то, чтобы подавать пример другим, у себя дома оказывается неряхой, алкашом и скандалистом, распускающим руки.

Если кто не понял, поясняю: это я не от злости возмущаюсь, а от огорчения. Ибо беспросветность становится всё беспросветнее. Уверен, что подобные чувства знакомы не только мне.

Ну да ладно. Вижу, что уже пошёл уклон в лирику. Вернёмся к обсуждаемым мрачным реалиям в другой раз, — случай ещё представится, и не один. Пока же давайте попрощаемся с генералом Ли. Хочется надеяться, что на время, и что он ещё вернётся на улицы американских городов. Потому что как ни крути, а это — история.

© Атархат, 2021

Лишь повод

Но даже не в этом дело. А в том смысле, что...Я же понимаю, что я больше есть собаку-то ведь не буду. Ну не в том смысле, что собаку... А в том смысле, что ночью. На камбузе боевого корабля. С Колей и нашим коком.

Евгений Гришковец. Моноспектакль «Как я съел собаку»

На днях президент Южной Кореи вынес на рассмотрение общественности вопрос о том, что, возможно, настало время отказаться от поедания мяса собак. Речь идёт, ни много, ни мало, об официальном запрете на государственном уровне. При этом не сообщается, на основании чего может быть введён такой запрет. Просто тема эта муссируется в корейском обществе уже давно. Многие теперь считают, что употреблять в пищу собачатину ненормально.

У кого-то вышеозначенная новость может вызвать улыбку, — потому что в памяти сразу же всплывут анекдоты о корейцах и собаках. Как ни крути, а это довольно устойчивая ассоциация, выработавшаяся на почве расхожих стереотипов, ставших частью фольклора. Но суть дела не в том, что подобные анекдоты могут стать неактуальными. На самом деле здесь поднимается вполне серьёзная проблематика.

Если оставить в стороне нестандартность самого вопроса о поедании собак, как это видится европейцу, то точку зрения противников запрета, коих тоже много, вполне можно понять. Для современного корейца употребление в пищу собачьего мяса — не вопрос выживания, а вопрос национальной идентичности. Потому что это является частью культуры, — и не только кулинарии, но и традиционной медицины, а также того же фольклора, и т.д. Так что это вовсе не о вкусовых качествах мяса и не о его доступности. Придётся перевести в категорию отживших целый ряд культурных факторов, просто отказавшись от них. И неплохо было бы понимать, ради чего предлагается принести эту жертву.

Речь о недопустимости употребления в пищу мяса как такового в данном случае не идёт. Спрашивается тогда, чем собака принципиально отличается от других домашних животных. Тем, что она не относится к убойному скоту? Но это в европейско-американском мире она к нему не относится, являясь, по большей части, домашним любимцем, другом человека. В Корее же вполне относится. И это ещё надо подумать, что более аморально: съесть собаку, или превратить её в живую игрушку, да ещё и изуродовать, стерилизовав, как делают некоторые. Кому-то кажется, что именно так нужно поступать с верными друзьями? В действительности западный гуманизм по отношению к домашним животным шит белыми нитками; он лицемерен, и имеет весьма неприглядную изнанку. Но дело как раз в том, что тенденция к отказу от употребления в пищу мяса собак имеет своим корнем, в основном, западные веяния. Южная Корея уже и так довольно сильно вестернезирована, её культура всё больше разбавляется западной культурой. И обсуждаемая тема находится в этом же русле. Поэтому проблема, на самом деле, не в том, нормально ли есть собак, а в том, принять ли ещё одно западное правило жизни или нет. В Корее ведь тоже держат дома собак. А других собак едят. Раньше это как-то совмещалось. Теперь предлагается что-то изменить. Почему? Да просто потому, видимо, что так принято в западном мире. Есть собак аморально, да и всё тут. И это не корейская точка зрения. Оттого многие горячо возражают. Возможно, сами они не едят собачатину (по опросам, её едят, или хотя бы пробовали, менее 20% жителей страны), но выступают против слепого копирования чужого подхода. И их за это трудно осуждать.

Конечно, нации и культуры в современном мире постепенно смешиваются и сливаются в одну нацию и единую общую культуру. С этим ничего не поделаешь, — да и не надо, поскольку это нормально. Но хорошо, когда это происходит осмысленно, когда взаимное влияние имеет хотя бы более-менее внятное объяснение. А не когда что-то внедряется искусственно и даже грубо лишь потому, что где-то принято именно так. Насаждать подобным образом кальки с

иных культур — верный способ разрушить культуру собственную. Не обогатить, не оплодотворить новыми смыслами, увиденными с нового угла зрения, а именно разрушить. Грустно, когда такое происходит.

А ещё грустно, что в этом столкновении мнений о самой-то собаке речь, по большому счёту, не идёт. Она тут стала своего рода заложницей соперничества культур. И как бы ни решилась её судьба, это всё равно будет не ради неё, — что бы там ни говорили. Это будет самоутверждением людей за её счёт. Она — лишь повод. И она в любом случае окажется в проигрыше, будучи либо супом, либо живой игрушкой.

Так что в действительности это совсем другая проблема.

© Атархат, 2021

РУБРИКА: **АКТУАЛЬНЫЙ КОММЕНТАРИЙ**

Крёстный отец как вымирающий вид

В городе Катания (о. Сицилия) введён запрет, длительностью в три года, на назначение крёстных родителей при крещении. То есть обряд крещения будет, а их не будет. Не совсем понятно, как такое возможно, ведь крещение — одно из важнейших католических таинств, и крёстные родители играют в нём существенную роль. Что же вынудило церковные власти пойти на столь необычный — мягко говоря! — шаг? Причина в том, что роль крёстного отца оказалась профанированной до крайней степени и перестала быть тем, чем она должна быть. Она превратилась либо в чистую формальность, либо в средство укрепления семейных связей. Мало того: словосочетание «крёстный отец» с некоторых пор устойчиво ассоциируется с мафией. И это не только воздействие кино и детективной литературы. Мафия в самом деле использует обряд крещения для расширения своего влияния. Всё это, говоря прямо, допекло церковников, и было решено пойти на такой вот эксперимент, пока в масштабе одной епархии. Что получится в итоге, не совсем понятно. Во-первых, при желании можно крестить ребёнка и за пределами епархии. Во-вторых, это удар по устоям католической

Церкви. Ведь если можно отменить нечто столь важное, если, как оказалось, без этого можно обойтись сегодня, то, значит, оно и не было необходимым, и без него можно было обойтись и раньше. Это задним числом обесценивает целый пласт католической культуры.

Хотя на самом деле данное событие актуально не только для католицизма, и не только как прецедент. Прежде всего оно актуально как показатель упадка религии. А актуальным этот показатель является как для католицизма, так и для православия. Хотя в последнем таких мер пока не применяют, в нём институт крёстных также потерял своё значение, оказавшись профанированным и выхолощенным.

Чтобы понять, что происходит, нужно вспомнить, что собой представляют крёстные родители по церковным канонам в православии. Крёстный отец — важнейшая фигура для ребёнка. Это духовный пример и наставник. Он обязан — да, именно обязан — разбираться в вопросах веры. Если у ребёнка возник такой вопрос или потребовались разъяснения, он должен идти с этим не к родному отцу, а к крёстному. Потому что крёстный — это духовный отец, ответственный за духовную жизнь крестника. Только если он не может помочь, тогда обращаются к приходскому священнику. Поэтому изначально крёстного выбирали очень тщательно. Им мог быть только подкованный в религии и благочестивый, живущий по её принципам и славный этим человек. Просьба стать крёстным означала признание его духовного уровня и выражение глубокого уважения. Был и другой важнейший момент. Если ребёнок оставался сиротой, крёстный отец был обязан принять его в свою семью и воспитывать как своего. То есть наличие крёстного было необходимо и для духовного развития ребёнка, и просто для его выживания. Сказать, что это важно, значит не сказать ничего.

За те уже почти три десятилетия, пока я изучаю религии, я спрашивал у многих, считающих себя православными, крестивших своих детей или ставших чьими-то крёстными, известно ли им всё это. Из них не знал никто. Одни удивлялись, другие даже не верили. Ясно, что это нельзя назвать репрезентативной выборкой. Но если посмотреть на то, что теперь связано с крещением в обществе, также считающем себя православным, такой результат опроса абсолютно не удивит. Ведь всё налицо.

Сегодня институт крёстных превратился в балаган. Отношения между кумовьями окончательно перешли в область анекдота. Кум выпивает с кумом и спит с кумой, — стандартная ситуация, многократно отражённая в фольклоре. В кумовья приглашают кого угодно, — родственников, знакомых, каких-нибудь известных личностей (особая удача, если получилось). Об их благочестии и

познаниях в религии речь не идёт (думаю, исключения есть, но они единичны). Тем паче, речь не идёт о возможном принятии лишившегося родителей ребёнка в семью; никто даже не в курсе, что это должно подразумеваться, да и кому это нужно? Бывает, в крёстные приглашают даже неверующих, по принципу «Ну это же просто обычай. Тебе что, жалко, что ли?». Словом, важный элемент религии, долженствующий играть большую роль в духовной практике, просто растоптан и осмеян.

Я неверующий, но даже мне это неприятно. Больно видеть, как святыни, пусть и чужие, оказываются в груде мусора.

Событие, послужившее темой для этой заметки, показывает, что в католическом мире дело с крёстными обстоит немногим лучше. И это только один из показателей, — о многочисленных скандалах и прочем я уж молчу. Показателей чего? Общего упадка религии. Не только католицизма и православия, и не только христианства, но и религии вообще.

Таких симптомов и показателей много, очень много. Ничего удивительного. Было бы удивительно, если бы в начале XXI века было иначе. Нравится ли это кому-то или нет, такова реальность. Однако и до финала ещё далеко. Пусть религия то и дело получает нокаутирующие удары от науки, пусть она всё активнее расшатывает себя сама, тем не менее, она пока держится. На то есть весомые причины.

© Атархат, 2021

РУБРИКА: **АКТУАЛЬНЫЙ КОММЕНТАРИЙ**

Мечтаю ошибиться

В Глазго проходит международная конференция по климату. Очень, очень представительная. Более сотни только глав государств и правительств; а считая с другими участниками — более 30 000 человек (это не опечатка). Обсуждается, как скорее и лучше осуществить то, что записано в Парижской конвенции и в Рамочной конвенции ООН. Речь идёт о предотвращении глобального потепления. Суть в том, что разработана большая и трудная программа совместных действий в этом направлении, и теперь нужно договориться о том, как её осуществлять.

Но вот тут-то и обнаруживается обескураживающий момент: программа эта настолько глобальна и настолько непроста, что шансы на её успешное выполнение весьма невелики. Даже только что начавшейся конференции предрекают провал.

Содержание программы пересказывать не буду, ибо это слишком долго. Интересующихся отсылаю к соответствующим документам или их изложениям. Проблема в том, что весь грандиозный замысел со всеми его плюсами может быть перечёркнут одним-единственным минусом: сложностью воплощения в жизнь.

И финансирование тут не самая большая проблема. Всё это будет стоить от ста миллиардов долларов в год на несколько ближайших десятилетий. Много, — но собрать можно, если захотеть. Гораздо хуже то, что многим корпорациям и

олигархам придётся согласиться на крупные многолетние убытки. Ведь дело пойдёт об изменении всей энергетики в планетарном масштабе. Придётся сокращать то, что давно налажено, и подналечь на производство чего-то другого. Кроме того, придётся разработать целую индустрию по очищению окружающей среды. Много чего придётся прекращать, переделывать, разрабатывать и внедрять, — а это астрономические финансовые потери. С другой стороны, простым людям, то есть основной массе населения планеты, тоже придётся пойти на жертвы, — скорректировать свои потребительские привычки, отказаться от большей части авиационных перелётов, ограничить пользование автомобилями, а затем постепенно перейти на электромобили, согласиться на более слабый обогрев жилищ зимой и более слабое кондиционирование летом, и так далее. Неприятных пунктов много. И осуществлять их нужно всем вместе. Что-то с трудом верится, что человечество окажется столь сознательным. Бывает, жильцы одного подъезда по очевидным вещам договориться не могут, а тут — всемирный масштаб...

Печальный парадокс: надвигающуюся глобальную катастрофу можно предотвратить, приняв к этому глобальные же меры, — но меры эти настолько глобальны и требуют таких целенаправленных и скоординированных совместных усилий, что их навряд ли удастся осуществить. Даже если удастся договориться на уровне правительств. Потому что денежные мешки блюдут свои интересы, и трудно ожидать, что они пойдут на крупные убытки. Тем более, что им тоже придётся договариваться. Потому что кто-то согласится финансово пострадать, а кто-то нет, и будет продолжать наживаться, — и вторые в итоге могут сожрать первых. Это же борьба за выживание в бизнесе. Тем более, что эти товарищи уверены: за свои деньги они обеспечат себе и своим близким комфортную жизнь даже в терпящем катастрофу мире. Ну а всё остальное несущественно. Опять же, с другой стороны, простые люди не склонны жертвовать тем комфортом и теми возможностями, и без того не слишком богатыми, которые у них есть. Чтобы они зашевелились и пошли на это, они должны сильно испугаться. А для этого они должны быть более понимающими и дальновидными. Климат меняется, и это заметно. Но он меняется слишком медленно для того, чтобы вызвать всемирный испуг. У людей на сегодняшний день слишком много гораздо более актуальных проблем, — как они думают. Ну а когда они испугаются, вероятно, будет уже слишком поздно. И что они сделают тогда? Правильно: будут спрашивать, почему никто ничего не предпринимал, и искать, кого бы назначить виноватыми. И ведь найдут... Только не у себя дома.

Это пессимистический взгляд, и я мечтаю ошибиться. Однако тот факт, что не

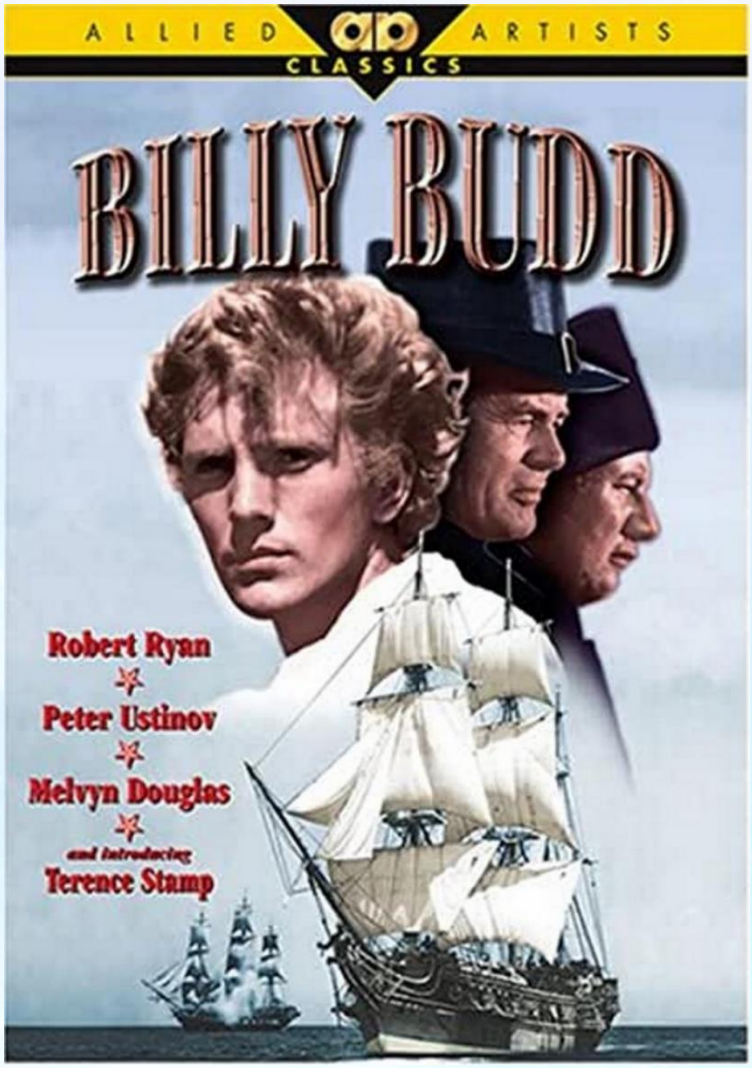
один я так думаю и что даже мощнейшую конференцию уже заранее хоронят, только укрепляет в таком видении ситуации.

Вот когда миру может не хватить единства, о котором все так много говорят. Средство предотвратить беду есть, — по крайней мере, представляется, что это так, — а вот возможности в дефиците. Человечество опаздывает к собственному спасению.

Много что хочется добавить по этому поводу, — но, пожалуй, не буду. А буду я мечтать ошибиться.

© Атархат, 2021

Билли Бадд

— Я такой, какой есть, сэр. И каким меня сделал мир.
— Мир? Мир требует, чтобы позади каждого миротворца было ружьё, виселица, тюрьма. По-вашему, так будет всегда?
— Не вижу причин, чтобы этого не было.
— Вы живёте без надежды?
— Живу.

Из диалога капитана
Вира и Клэгерта

«Билли Бадд» — британский художественный фильм 1962 года по одноимённой повести Германа Мелвилла.

Когда заходит речь о произведениях Мелвилла и их экранизациях, то в первую очередь всем вспоминается, конечно, «Моби Дик». Классика жанра, этакая литературная и кинематографическая глыба, кладезь глубоких смыслов и т.д. Вещь, которая на слуху. Даже те, кто не читал и не смотрел, знают и уважают. «Билли Бадд» гораздо менее известен. Небольшая повесть, да ещё и незаконченная. Правда, в англоязычной среде она известна в виде оперы (что о многом говорит, ибо негодные произведения обычно не берутся за основу для опер, ставящихся в Ковент-Гардене). В русскоязычной же среде лично я не встречал, как кажется, никого, кто знал бы эту повесть, оперу или фильм.

Надеюсь, впрочем, что ошибаюсь. Потому что при всей колоссальности и монументальности «Моби Дика» теряющаяся на его фоне повесть оказывается

вовсе не безделкой. Хоть она не была закончена и, вроде бы, даже окончательный авторский замысел остался не вполне ясным, экранизация, о которой здесь идёт речь, является вполне целостным и очень сильным произведением. Это впечатляющая человеческая трагедия. Те, кто доработал сюжет для оперы и кинокартины, не ударили в грязь лицом. Понятное дело, что разных людей занимает разная проблематика. Я

отношусь к тем, кто острее ощущает драму капитана Вира, нежели драму капитана Ахава.

Действие фильма происходит в 1797 году. Британский военный корабль «Эвенджер» крейсирует в поиске врага — кораблей революционной Франции. Ему встречается британский же торговый корабль. По закону военного времени капитан военного судна королевского флота имеет право пополнить свою команду за счёт команды любого встретившегося ему

отечественного гражданского судна. Поэтому с торговца забирают молодого фор-марсового матроса по имени Билли Бадд. Это добрый, работящий парень, настолько простой и открытый, что ему удаётся ладить со всеми вокруг, — даже с теми, кто пытается прогнуть его в первый же день. А вообще первое, свидетелем чего становится Билли по прибытии на борт, это наказание одного из матросов, жестокая порка. Оказывается, что подобное происходит ежедневно; матросов наказывают по малейшему поводу, а иногда и без. За этим стоит корабельный старшина (каптенармус) Клэгерт, надзирающий за порядком.

Клэгерт — придирчивый и мстительный изверг, наводящий ужас на команду. Матросы его ненавидят, а офицеры презирают. Он бывший преступник; однако никто, включая капитана, не знает, что именно он сделал. Теперь он искупает вину службой на боевом корабле. Он знает об окружающей его ненависти, бравирует этим и специально усугубляет ситуацию излишней жестокостью. Так, он заставляет больного матроса работать на высоких реях; тот срывается и гибнет. Для выкрикнувшего ему за это проклятье другого матроса он требует наказания в сто плетей (фактически, смертный приговор), — но капитан утверждает лишь десять,

чем приводит Клэгерта в глубокое разочарование. Капитан Вир (отличная роль Питера Устинова) всё про него понимает, и рад бы от него избавиться, но... Во-первых, каптенармус действительно эффективно поддерживает порядок на корабле и повиновение экипажа, то есть является ценным кадром, а во-вторых, сам он открыто не нарушает устав, и матросы боятся свидетельствовать против него. Поэтому капитан ждёт случая, когда Клэгерт проколется, чтобы иметь возможность повесить его на законных основаниях.

Только новичок Бадд, несмотря на предостережения товарищей, позволяет себе оспаривать слова Клэгерта, что по первости как будто сходит ему с рук. После случая с погибшим матросом он пытается найти общий язык с каптенармусом, просит у того разрешения иногда беседовать с ним, поскольку чувствует его внутреннее одиночество и надеется как-то облегчить гнетущую его тяжесть. В душе Клэгерта что-то откликается, и он уже готов сделать шаг навстречу, — но затем одёргивает себя за то, что чуть не дал слабину. Он отправляется к капитану и заявляет, что слышал, как Бадд подбивал команду на мятеж. Капитан вызывает того для очной ставки с каптенармусом. Он прекрасно понимает, что это ложь, и ожидает, что матрос опровергнет её и докажет свою невиновность. Тем самым Клэгерт будет уличён в клевете, и от него можно будет избавиться, ко всеобщему удовлетворению. Но у Билли есть одна особенность: когда он волнуется, он заикается и не может говорить. На это и рассчитывает Клэгерт. Он повторяет обвинения в лицо Бадду и, ухмыляясь, смотрит, как тот мучается, не будучи в состоянии ответить. Внезапно матрос теряет самообладание, набрасывается на каптенармуса и наносит ему удар по голове, который оказывается смертоносным.

Капитан принимает решение пока что скрыть произошедшее от команды. Тем временем он приглашает в свою каюту троих офицеров и организует трибунал, на котором выступает в качестве свидетеля. Члены трибунала единогласно выносят Бадду оправдательный приговор, и уже готовы зафиксировать свой вердикт. Но капитан, теперь уже не как свидетель, а как командир корабля, останавливает их и напоминает, что по уставу за убийство вышестоящего офицера, да ещё и в военное время, полагается только один приговор: петля. Они возмущаются и спорят, называя это не приговором, а подлым убийством невиновного человека. Капитан согласен с ними, но настаивает на том, что устав, долг и дисциплина требуют обвинительного приговора. Следует спор, являющийся, на мой взгляд, самой тяжёлой сценой фильма. Все понимают, что смертный приговор Бадду останется несмываемым пятном на их совести. И когда самый молодой член трибунала отказывается участвовать в этом, капитан говорит ему: «Уайетт, разве вы не понимаете, что вы должны сначала снять свой мундир, а потом и свою шкуру,

чтобы не принимать решения по этому делу? Вы должны принять решение... или подумать вместе с нами, как спасти мальчика, не отказываясь от выполнения наших функций. Вы думаете, что Симмор, Рэтклиф и я не спасли бы мальчика, если бы нашли способ, согласующийся с нашим долгом? Возможно, вы можете это сделать? Вы можете это сделать? Говорите. Говорите! Назовите нам способ. Спасите его, Уайетт, — и вы спасёте всех нас». Но тому нечего ответить. В итоге смертный приговор всё же выносится. Капитан говорит с Баддом начистоту и просит его: «Будь человеком, Билли, дай выход гневу. Возненавидь меня за то, что я сделал». Но тот отвечает: «Я исполнял свой долг, вы исполняете свой».

Наутро приговор приводится в исполнение. С петлёй на шее Билли произносит: «Да благословит Бог капитана Вира!». Капитан потрясён, измучен и опустошён.

Возмущённая команда готова взбунтоваться. Офицеры уже обнажили сабли, а морской пехоте отдан приказ стрелять по матросам. Но тут из-за скалы появляется французский корабль и открывает огонь. Это предотвращает бунт, и команда бросается к пушкам со словами «Накажем французов за то, что пришли поздно!».

В фильме показана трагедия трёх человек. Естественно, Билли Бадд, симпатией к которому успевают проникнуться не

только товарищи по команде, но и зритель, вызывает сочувствие. Как сказал персонаж совсем другого произведения, «Нешто такие человеки помирают?». Помирают. Как сказал уже капитан Вир, Клэгерт убил его в тот момент, когда он убил Клэгерта. Сам каптенармус тоже несёт в себе какую-то глубокую травму, некий трагический надлом. Он знает, что матросы мечтают его убить, и провоцирует их на это, демонстративно поворачиваясь к ним спиной и предлагая ударить ножом. Он — одинокий и жестокий циник, живущий без надежды. То, что скрывается в его прошлом, сожгло его, оставив чёрные угли. Он говорит, что таким его сделал мир. И тут уже возникает вопрос к миру, — то есть к людям. Что вы делаете с собой и другими, что в результате появляются такие вот Клэгерты?

Но главный трагический герой фильма, на мой взгляд, капитан Вир. Это хороший, честный человек, брошенный в безжалостные жернова войны и обременённый огромной ответственностью. Он вынужден забирать людей с других кораблей, вынужден ради дисциплины дозволять жестокости Клэгерта и терпеть его самого, а в итоге вынужден, фактически, сам стать убийцей и сделать таковыми же своих офицеров, вынеся несправедливый, но требуемый уставом приговор. И ему предстоит с этим жить. Надо видеть, что происходит с ним в последние минуты фильма. Легко предположить, что он завидует судьбе только что казнённого Бадда.

По мне, так это история не столько о добром и несправедливо повешенном пареньке, и не столько об искалеченном жизнью несчастном психопате, сколько о

человеке, которого присяга и долг заставляют поступать против совести. О человеке, для которого долг превыше всего. Но устав, к сожалению, писал не он. Устав, который не позволяет наказать негодяя и не предусматривает смягчающих обстоятельств для человека, не заслуживающего смерти. Кто его писал? Да вот тот же мир, те же люди, которые сожгли Клэгерта изнутри. Они, по сути, внутренне изувечили и капитана Вира. Действие фильма разворачивается на одном небольшом корабле, — но оно позволяет увидеть кое-что и за его пределами. Кое-что очень неприглядное.

Возможно, кого-то удивит, что я переношу акценты с заглавного персонажа на капитана, который на некоторых может произвести отрицательное впечатление. Кто-то скажет: «Да что за глупые страдания? Наплевал бы он на эту паршивую присягу, да и всё. И хорошего человека спас бы, и сам бы не мучился». Ну да, ну да. Вот только нельзя наплевать на присягу и на долг. Кто этого не понимает, не чувствует, тому не объяснишь. И пытаться не буду.

Фильм «Билли Бадд» относится к тем произведениям искусства, которые способны в камерных условиях, на пространстве в несколько квадратных метров, обозначить проблемы целого мира и населяющих его людей. Такие фильмы нужно смотреть и пересматривать. Они как увеличительное стекло, через которое можно увидеть то, чего раньше как-то не замечал.

© Атархат, 2021

Искры вселенского разума

Мы, осознающие, и мы, люди, — плоть от плоти нашей Вселенной. Она живая, материя — это её тело, её плоть, часть которой стала нашей плотью. То же самое и с душой. Дух — это душа Вселенной, и каждому из нас досталось по его частице. Но я недаром начал со слов «Мы, осознающие...». Потому что плоть и душа есть у всего, — у камня, у травинки, у животного, у планеты, у галактики. А у осознающих есть кое-что ещё, чего не имеет всё перечисленное. То, что и делает их осознающими, принципиально отличая от всего остального. Проявление активного разума.

Как и плоть (не материальная, так энергетическая), как и Дух, разум также есть у всего. Но во Вселенной он в основном существует в виде пассивного разума, — т.е. как потенциал, как то, что может заработать, но пока ещё не заработало. В активное состояние он переходит тогда, когда возникают жизненные формы, в которых он может проявиться. Можно сказать, что вся эволюция направлена на появление таких форм жизни. Они бывают весьма разнообразны (Вселенная велика), и человек — лишь одна из них. Но речь сейчас не об этом, а о том, что в осознающих в активной своей ипостаси проявлен разум Вселенной.

Если, имея в виду качественный аспект, обозначить пассивный разум как отсутствие света, а активный как его присутствие, то Вселенная предстанет в виде

обширного тёмного пространства, в котором то там, то сям горят скопления ярких огоньков. И это не звёзды, а разбросанные по Вселенной разумные расы. Каждый огонёк — существо, отдельный осознающий. Как будто мы смотрим на полог из плотной чёрной ткани (на полог из материи, сразу в двух смыслах этого слова), за которым пылает невидимый глазу огонь. И вот в пологе начинают появляться отверстия, через которые во вне проникают лучики света. Отверстия очень малы, но и огонь очень силён, — поэтому они светятся ярко, и каждый освещает участок тёмного пространства по эту сторону полога. Освещённые участки невелики, — но отверстий становится всё больше, и темнота постепенно отступает.

На самом деле, всё примерно так и выглядит. Когда-то в непредставимых глубинах космоса появились первые разумные виды, первые осознающие. Их было мало, но со временем их становилось больше и больше. Сейчас их очень много. А со временем вся материя и энергия Вселенной пройдут через стадию активной разумности. То есть тёмного полога не останется. Он истончится и исчезнет, и всё окажется залито светом. Не останется уголков пространства, которых нельзя было бы увидеть и исследовать.

Мы, осознающие, познаём мир и себя. Но в действительности это Вселенная познаёт себя через нас. Познаёт себя как целое, как слитную совокупность частиц, как систему, и в то же время познаёт как каждую частицу в отдельности. Вселенная — это Творец; а он сейчас находится в состоянии, не позволяющем осознавать себя напрямую. Следующая аналогия не совсем прямая, — но примерно так ощущает себя спящий человек. Он разумное существо, но именно в этот момент, именно в таком состоянии он не может осознанно воспринимать самого себя. При этом его организм действует как система, в которой все процессы идут своим чередом.

То, что мы называем Вселенной, это организм «спящего» Творца. А разум каждого осознающего есть ни что иное, как активизировавшаяся частица его разума. Вселенная рассматривает себя нашими глазами. Это для неё лучики света освещают тёмное пространство. Что же за пространство они освещают? Это пространство — она сама. Вселенная ощущает себя, но в целом не осознаёт. Осознать же нужно, просто необходимо. Осознание есть путь к дальнейшему развитию. Поэтому мы познаём и осознаём Вселенную для неё.

Мы, осознающие, и мы, люди, делаем важнейшее дело. Без этого Вселенная не сможет развиваться, не сможет продолжать своё существование. Каждый из нас в космических масштабах очень мал. Всего лишь тоненький лучик света. Но есть область пространства, которую только он и может осветить. Именно этот конкретный лучик, а не какой-нибудь другой. И если бы он вдруг да этого не сделал,

в то время как остальные сделали, торжество света не было бы полным, и познание Вселенной себя не могло бы завершиться. Новая фаза её развития не наступила бы. А это означало бы её гибель, — ибо её жизнь возможна только при условии движения вперёд, совершенствования. Поэтому среди маленьких лучиков нет ни одного незначительного. Каждый жизненно необходим Вселенной, — и без него, как говорится, дела не будет.

Она доверила нам быть проводниками её разума. Проводники эти совершенствуются и сами, а это не происходит в одночасье, — так что когда они работают неидеально, удивляться нечему. Вселенная учится новому способу воспринимать себя, — воспринимать фрагментированно. Не цельной картиной, а отдельными её участками. Лучики высвечивают кусочки реальности, и эти кусочки ещё предстоит сложить в картину. Как же это возможно? Ведь все они действуют по отдельности. Да нет, не совсем так. Они пересекаются, светят друг на друга. Но главное — у них один источник, тот самый огонь. То, что осветит лучик, увидит огонь. Имеется обратная связь в том смысле, что информация об освещённом участке реальности поднимается по лучику вверх, к источнику. И всё полученное там аккумулируется. Именно там и вырисовывается целостная картина. Говоря более привычными нам словами, каждый осознающий однажды вернётся в мир Духа как его частица, и принесёт туда все свои знания и весь свой опыт, накопленный за многие жизни. Он принесёт туда уникальную информацию, которую не смог бы добыть никто кроме него, и присовокупит её к общей «базе данных». Разумы, возвратившиеся в мир Духа, объединяются, сливаясь в один разум, который знает всё, что знают они, и способен это осмыслить.

Так изменяется разум Вселенной. Огонь, о котором шла речь, становится сильнее. Он даёт свет, освещающий реальность и обогащающий свой источник. Свет усиливается, — потому что искры, однажды вылетевшие из огня, в своём полёте разгораются ярче, а затем возвращаются в огонь, помогая разгореться ярче и ему. И испускаемый им свет усиливается, и вылетающие из него новые искры, теперь ещё более яркие, сильнее освещают реальность.

Это осознающие, и в их числе люди, познают мир. Это Вселенная осознаёт себя.

Мы все — не просто маленькие люди, живущие в своём маленьком мире и занимающиеся своими маленькими делами. Мы несём в себе искры вселенского разума. Мы — её глаза, которыми она с интересом и удивлением взирает на себя. Нужно понимать это. И нужно стараться жить так, чтобы не уродовать самих себя и свой мир. Пусть удивление Вселенной будет радостным, а не горестным.

© Атархат, 2021

Благородная наука

В замечательной митэвме «Отцы», о которой мы уже говорили и о которой ещё не раз будем говорить, есть следующий эпизод. Когда пленённого Учителя Илана приводят к Властителю Семи Земель и тот расспрашивает — или допрашивает — его, то в числе прочих звучит и такой вопрос:

«Потом он спросил Илана: «Чему же ты учишь?». Тот ответил: «Истине». Властитель спросил: «Что же она такое?». Илан ответил: «День и ночь сменяют друг друга: это — Истина; идёт дождь: это — Истина; из семени граната вырастает гранатовое дерево: это — Истина». Властитель сказал, усмехнувшись: «Неблагородна же твоя наука». Илан ответил: «Благороднее её нет. Повели после дня быть снова дню, а не ночи; повели дождю идти или не идти; повели из гранатового зерна вырасти не гранату, а кипарису. Я учу о том, что сильнее власти всех властителей всех земель, вместе взятых; если знать это, то и сам станешь столь же сильным. Как же ты говоришь, что моя наука неблагородна?» (Отцы II, 27-35).

Когда читаешь их разговор, замечаешь, что Властитель задаёт простые вопросы, на которые невозможно дать простые ответы. Его визави и не пытается

это сделать. На вопрос о том, кто он, Илан отвечает в том смысле, что он Учитель своих учеников. На вопрос, мудрец ли он, он отвечает в том смысле, что трудно судить о ком-то, мудрец тот или нет. Его ответы звучат уклончиво. Хотя если подумать, то как будто и нет. Ведь дело его жизни в том и заключается, чтобы учить людей. Вне этой функции ему о себе сказать, по большому счёту, нечего. Он и перед Властителем-то оказался именно потому, что был руководителем общины своих учеников. Именно этим он и интересен. Ну а что касается мудрости, то тут и впрямь всё относительно. Для своих учеников он мудрец, для самого себя — вряд ли, а для людей других взглядов, может быть, вообще глупец. Да и зачем Властитель спрашивает его об этом? Неужели если Илан назовёт себя мудрецом, Властитель станет к нему прислушиваться? Нет. Там с самого начала совершенно другая установка. Да и чтобы стало понятно, в чём заключается его мудрость, придётся излагать целое учение, — а его поставили перед Властителем очевидно не для этого. Так что вопросы последнего несут в себе явный подвох. Они не подразумевают возможности информативных ответов. Властитель просто развлекается, и тон его ощутимо ироничен.

Таков же и вопрос из процитированного отрывка. Ну какого ответа тут можно ожидать? Ведь понятно, что изложить всё своё учение в двух словах Илан не сможет. А попытка выделить какие-то моменты, вырвав их из контекста и тем самым сделав непонятными, будет выглядеть, мягко говоря, неубедительно, и заведомо создаст негативное впечатление. Особенно если учесть, что присутствующие — Властитель и его придворные — уже и без того настроены недоброжелательно. Так что вопрос вроде и простой, но провокационный. На самом деле ответ Властителю не нужен. Точнее говоря, нужен не для того, чтобы выслушать и вынести суждение. Оно уже вынесено, и вынесено не в пользу Илана, — странного чужака из завоёванной страны, который виноват уже тем, что имеет какие-то другие взгляды. В общем, «Всё, что вы скажете, может быть использовано и будет использовано против вас».

Тем не менее, Илан отвечает. Отвечает и максимально предметно (он учит Истине, и ничему другому), и в то же время максимально неконкретно (мало ли что он считает Истиной). Властителя такой ответ не устраивает, и далее происходит приведённый диалог. По его итогам Властитель оказывается в морально проигрышном положении, — поскольку опровергнуть самоочевидные вещи, о которых говорит Илан, невозможно, а сама форма, в которой это было высказано, выглядит как дерзость. Илан и не пытается как-то сгладить углы, поскольку понимает, что ничего хорошего его не ждёт в любом случае. В этом он не ошибся: разговор для него закончился пытками.

Речь, однако, не о силе его духа или свирепости Властителя. Речь о том, почему те простые вещи, которые он привёл в пример, это наука, благородней которой нет.

Если постараться как-то определить предмет его науки, то можно сказать, что предмет этот — сама реальность. Ведь реальность и Истина — одно и то же. Это то, что существует и происходит на самом деле, вкупе с констатацией этого. Как сказал Илан, то, что идёт дождь, является Истиной. Дождь действительно идёт, и об этом можно рассказать. Всё очень просто.

Но ведь по сути какую науку ни возьми, — в том числе, науку или науки в нынешнем специальном понимании этого слова, — всё это будет о реальности. Любые знания подразумеваются как знания о том, что реально существует и происходит. Какие-нибудь зубодробительные дисциплины вроде высшей математика или ядерной физики — это, по сути своей, области изучения таких же фактов реальности, как и тот факт, что идёт дождь. Только изучение их несколько сложнее, вот и всё.

На протяжении всей истории человечества люди старались познать мир. Это же залог жизни. Чем больше ты знаешь и чем больше ты умеешь благодаря своим знаниям, тем больше проблем ты сможешь решить и тем выше твои шансы на выживание. То есть знания о реальности и её понимание — это то, что человеку нужнее всего; то, без чего он, в прямом смысле слова, не может жить. И потому любой факт бесценен. Это частица картины мира, в котором мы существуем. Чтобы создать что-то новое, нужно обладать строительным материалом, из которого его можно создать, — а строительный материал есть ни что иное, как те же познанные факты реальности. И выживание, и совершенствование имеющегося, и создание нового, — всё опирается на знания о реальности, всё питается ими.

Поэтому в самом деле нет науки благородней, чем наука о том, что существует на самом деле. Один факт того, что из семени граната вырастает гранатовое дерево, ценнее сотни мифов, сказок и вымышленных историй. И никакой властитель, даже если бы он властвовал не над семью землями, а надо всем миром, не сможет приказать гранатовому семени, чтобы из него вырос кипарис. Вернее, приказать-то сможет, — но будет посрамлён. Потому что кипарис не вырастет. Наука Илана — это наука о том, что ценнее всего на свете и сильнее всего на свете.

И Властитель это понял. Хоть он и приказал пытать своего пленника, в дальнейшем он сам стал его учеником. А расставаясь передал ему на воспитание своего младшего сына. Потому что осознал одну очень важную вещь. Он осознал,

что Истина не только дороже власти любого деспота, но и сильнее её. Он не смог одолеть Илана ни пытками, ни угрозами смерти, ни посулами жизни. И в итоге доверил сына тому, кто сможет дать ему нечто более ценное, чем мог бы дать он сам, и сможет вырастить его более сильным, чем мог бы вырастить он сам. Вполне понятное решение заботливого отца.

© Атархат, 2021

РУБРИКА: **ЦИТАТЫ И ВЫСКАЗЫВАНИЯ**

Не стремись к излишнему, — ибо среди излишнего трудно отыскать необходимое. (Эвбулей, 26)

В последнее время задаю себе несколько вопросов. Первый звучит так: что мне нужно иметь, чтобы считать свою жизнь благополучной и успешной? Пожалуй, этот вопрос возникает не только у меня, но и у каждого человека. Возможно, в каком-то ином ключе, или формулировки иные, но смысл остаётся один и тот же: что нужно иметь, чтобы констатировать успешную жизнь? Как правило, это касается каких-то материальных благ. Наличия или отсутствия их. Упирается это в личные амбиции каждого. Кому-то для удовлетворённости необходим красивый дорогой дом, машина, путешествия, работа, а кому-то не хватает и яхты, ибо чем больше всего, тем лучше. Так что же нужно каждому на самом деле? Ответ

очевиден: счастье. Каждый ищет счастья. Некоторые думают, что обретя нечто материальное станут по-настоящему счастливыми. Говорят себе: вот куплю ещё одну машину, тогда-то я точно буду счастлив. На практике же выходит так: в гараже новая машина, пара дней ликования, а потом — в новые поиски. Потому что в итоге получается, что дело это временное. Чувство новизны проходит, и счастье вместе с ним. О чем это может говорить? А о том, что иметь разные вещи, конечно, приятно, — но они ещё не всё. Есть что-то больше этого. И это нечто, не измеряющееся в эквиваленте материальных ценностей. Я здесь не говорю, что материальное — это плохо, и не призываю от чего-то отказываться. Всего лишь напоминаю, себе в том числе, о том, что гонясь за земными благами, нужно отдавать себе отчёт, для чего они нужны. Понимать, что заботиться необходимо не только о кошельке, но и о себе как о человеке (душе).

Второй вопрос — о том, действительно ли то, что мне нужно, является тем, что нужно именно мне? Объясню: не окажется ли в итоге, что то, что называется успешной жизнью, навязано обществом и маркетингом потребления? Например, куда ни глянь, везде увидишь образы успешности. Идёшь по городу, на глаза попадаются плакаты и билборды с домами, машинами, элементами красоты, роскоши и т.д. Зайдёшь в Интернет — там тоже кругом перечисленное. Куда бы ни пошёл, куда бы ни посмотрел, оно повсюду. И часто встречаются слоганы типа «Ты этого достойна» и т.п. Будто со мной сейчас что-то не так. Внушается чувство некоторой неполноценности в данный момент. Так вот: если в этой гонке участвовать, то не догнать никогда. Мода, вкусы будут меняться и, главное, это никогда не закончится, — ведь всегда выйдет что-то новое, что нужно скорее купить. Какой тогда выход? Единственный выход — честно с собой поговорить, признаться себе в том, чем это все является, и принять решение для себя лично. Среди навязанного отыскать свое.

99% на то, что если каждый послушает себя, то поймёт, что большинство его амбициозных целей ему не принадлежит. Ну не надо на самом деле человеку 5 (утрирую) машин в гараже, не нужны ему и несколько яхт. Это всё, что создаёт его образ перед кем-то; а если нет надобности перед кем-то выглядеть определенным образом, то и смысл излишеств сразу отпадает. В противном случае можно прожить всю жизнь, и так себя настоящего и не услышать, — а значит, не обрести настоящего счастья. Ведь только найдя свое, можно стать счастливым на вневременной основе. То есть не на пару дней, а считай что навсегда. При том, что для этого совсем не обязательно нужна будет куча вещей. Быть может, чтобы быть счастливым, достаточно иметь крышу над головой, любимое дело, дорогих сердцу людей рядом и знание, что для мира ты несёшь благо?

РУБРИКА: **ЦИТАТЫ И ВЫСКАЗЫВАНИЯ**

Главная причина несчастья людей — это как раз таки то, что мы окружаем себя таким количеством излишних вещей, что потом сами не знаем, куда от них деться. Хотим избавиться от них, чтобы увидеть себя. Поэтому не нужно стремиться к излишнему, — ибо набрав себе столько хлама, не сможешь потом найти необходимое. Вспомним известный всем пример с дамской сумочкой. Она может вмещать в себя 100 вещей на все случаи жизни, — только вот когда нужно достать ключи от дома или телефон, они в ней теряются. Так же и с необходимыми для жизни вещами.

© Ташфара, 2021

Кто идёт верным путём, тот обретает помощь, не прося о ней. (Эосфор VII, 24)

По прочтении данного логиона возникает как минимум три вопроса. Первый: какой путь подразумевается под «верным путём»? Второй: от кого будет получена помощь? Третий: в чём эта помощь будет заключаться?

Может быть, есть некая высшая сила, наметившая некий путь и, так сказать, утвердившая его, и она же оказывает идущему помощь, например, в виде избавления его от проблем? Если так, то всё это очень напоминает религиозную картину мира. Вот только в ней о помощи обычно просят, — причём чем настойчивее и униженнее просьба, тем больше шансов получить помощь. То есть тут что-то не сходится.

Если посмотреть под другим углом, с точки зрения Учения, картина окажется совсем другой. И ответы на возникшие вопросы будут иными.

Что такое «верный путь»? Это сама реальность. Вселенная устроена так, как она устроена, и не иначе. Мы живём в такой реальности, мы её часть. Так же, как деталь является частью механизма, а клетка — частью организма. Что будет, если деталь или клетка начнёт работать не в соответствии с системой, частью которой является? Она столкнётся с противодействием системы, и ей будет тяжело,

больно, плохо. А если ей при этом ещё удастся создать проблемы для системы, это будет иметь последствия, которые ударят по ней же, и ей будет ещё хуже. Знать, какова реальность, значит иметь возможность научиться жить в соответствии с ней и тем самым избежать кучи проблем. Люди всегда стремились познать реальность, — сиречь отыскать верный путь. На самом деле, другого-то и нет. Неверные пути — это иллюзии. Не самостоятельные пути, а ошибочные представления о пути единственно существующем. Жизнь в иллюзии не назовёшь завидной участью. Поэтому вся история человечества — это история мучительных, но упорных попыток вырваться из иллюзии, найти верный путь.

От кого будет получена помощь? От Природы. Она и есть та живая система, частицами которой мы являемся. И она как система стремится быть в порядке, работать отлаженно и эффективно. От этого зависит её существование. Когда несознательные частицы начинают работать в разладе с ней, она страдает. Природа (то есть, по сути, Вселенная) — система весьма сложная, способная к саморазвитию и саморегуляции. Стремясь наладить себя, она принимает меры, подталкивает нерадивые частицы в сторону верного пути. Это нужно им, и это нужно ей. А когда они начинают идти по верному пути, она помогает им. Им не приходится просить её о милости. Ведь она по-настоящему заботится о них и желает им добра. И ей самой это тоже идёт на благо, — поскольку у неё и у них одно, общее, неразделимое благо, и одно общее будущее. Действуя на пользу ей, они действуют на пользу себе; она же действует на пользу себе, когда действует на пользу им. Это — единство, и тут не требуется никого униженно умолять о помощи. Природа всегда готова помочь, — только бы частицы могли принять её помощь. А такую возможность им даёт верный путь, идя по которому они перестают отгораживаться от Природы — прежде всего, внутренне — и объединяют свои стремления с её стремлениями.

В чём заключается помощь? Когда частица осознаёт своё единство с целым и начинает действовать с ним в одном направлении, тогда сила целого становится её силой. До того частица противопоставляла свою силу силе целого, — но что она могла? Разве что причинить вред и боль самой себе и себе подобным. Когда же сила частицы и целого складывается, целое становится немного сильнее, а частица становится намного сильнее. Человек, видящий верный путь и идущий по нему, получает от Природы то, чего она не могла дать ему раньше. Она не решает проблемы за него, а вливает в него силу, помогающую не только выстоять, но и победить, преодолеть всё. В то же время, знания помогают ему находить правильные способы преодоления трудностей. Его перестаёт терзать страх, угнетающий психику, гасящий рассудок и приводящий к бедам. Человек

становится более понимающим, более спокойным и уравновешенным, более сильным, более целеустремлённым и упорным. И при всех жизненных трудностях, сколь бы тяжелы о опасны они ни были, он становится гораздо более счастливым. Мало того: он оказывается способным помочь другим стать более сильными и счастливыми.

Всё это подобно тому, как некто, сидя в лодке, гребёт против течения. Река всё время сносит его назад; и если он ценой огромных усилий всё же продвинется, то лишь чуть. Тем временем он изломает себе руки вёслами и выбьется из сил. Если же он понимает, что путь его лежит туда, куда течёт река, тогда он поворачивает лодку, и вода начинает нести его. Он прибавляет к этому свои усилия, работая вёслами, — и движется ещё быстрее. Усилия же эти теперь не изнуряют его, а делают руки более могучими. Так он быстрее и вернее достигнет пункта назначения, и по пути сможет насладиться красотой мира, на которую раньше не имел ни сил, ни времени взглянуть.

Когда ты движешься в одном потоке с Природой, она несёт тебя. Ты становишься ею, и её дары становятся твоим богатством.

© Атархат, 2021

Учись любить несовершенное, потому что совершенного не бывает.

(Высказывания)

За что люди любят друг друга? За самое разное. Всего и не перечислишь. А за что люди не любят друг друга? Да тоже за самое разное, понятное дело. Но в данном случае это разное можно подвести под некий общий знаменатель. Люди не любят других людей за то, что им в них не нравится. То есть за то, что те не такие, какими могли бы и должны были бы быть. Иначе говоря, за несовершенство.

Вывод этот довольно прост, но не так уж очевиден. Хотя если подумать, то всё сводится к этому. У каждого есть своё мнение насчёт того, каким должен быть человек. Это представления о неком идеале, в котором нет изъянов, на который было бы приятно смотреть и с которым было бы исключительно удобно иметь дело. И ни одного такого не найти. Во всех что-то не так. Все недостаточно хороши. Поэтому они не нравятся, за это их не любят, а то и ненавидят. Если же говорить не о субъективной оценке, а об объективной, безотносительно к тому, доступна

она людям или нет, то мы увидим ровно ту же ситуацию: идеальных людей нет. Все развиваются, — потому что есть куда. В мире вообще всё находится в развитии. Нет ничего совершенного, — ни субъективно, ни объективно.

Тебе не нравится вон тот человек, потому что у него имеются пороки и дурные привычки, да и внешне он не соответствует твоим представлениям о красоте. Не нравится вот эта картина, потому что она не того стиля, не того жанра, да и нарисована так себе. Не нравится эта книга, потому что она плохо написана, да и не о том. Не нравится яблоко, потому что оно не того сорта, да и незрелое. Не нравится тигр, потому что он опасен, да и вообще ты не любишь кошек. Не нравится вот эта вода, потому что она холодная. И так далее, без конца. Но даже если всё нравится, те или иные изъяны всё равно найдутся, и это будет раздражать или вообще бесить.

Ничего идеального нет. Бывает нечто вроде бы близкое к совершенству, но всё же несовершенное. Это означает, что несовершенство — не повод для плохого отношения. Более того: оно не повод для нелюбви. Если любить только то, что хорошо во всех отношениях, то любить не придётся вообще. Если хочешь любить, то учись любить несовершенное. Причём любить не за изъяны, а вопреки им. Некоторые умеют это. Тем же, кто не умеет, приходится туго. Потому что отказывая в любви кому-то или чему-то, он отказывает в любви себе. Любить не менее приятно, чем быть любимым. Когда тебя любят, на тебя изливают потоки любви; когда любишь ты, тогда ты сам — океан любви, способный излить её потоки на весь мир. Плохо ли быть океаном любви?

Нет смысла ждать, когда появится кто-или что-то совершенное, или искать его, чтобы полюбить. Не появится, и не найдёшь; только зря потеряешь время своей жизни. Вокруг тебя всё предназначено для любви. Оно уже заслуживает её, каково бы оно ни было. А в любви и совершенствование идёт лучше. Ненависть искривляет дорогу ненавидящего и делает ухабистой дорогу ненавидимого. Любовь же подобна попутному ветру, подхватывающему любящего и любимого и несущему их над землёй. Кому и когда удавалось сделать совершеннее то, что он ненавидит? Никому и никогда. Это могут только любящие. Поэтому учись любить несовершенное, чтобы мир стал лучше.

© Атархат, 2021

О доброжелательности и любви

Вопрос: Если некто доброжелателен ко всем живым существам, означает ли это, что он любит их?

Ответ: На самом деле, не обязательно. Потому что доброжелательность может идти не столько от сердца, сколько от ума. Иначе говоря, из расчёта. Самый простой и, наверное, в то же время самый известный пример такого подхода, — принцип «Поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы они поступали с тобой». А ты, понятное дело, хотел бы, чтобы тебя не обижали, чтобы тебе помогали и т.д. То есть чтобы тебе желали добра. Значит, надо желать добра другим. Тебя может совсем не волновать их благо в принципе; ты просто знаешь, что если отнесёшься к ним хорошо, то и они отнесутся к тебе хорошо.

Другой пример, — близкий, но более широкий. Если ты будешь стараться желать добра всему живому и будешь всем и всему помогать, ты получишь награду от Природы (скажем, в виде здоровья или удачи), либо получишь более

благоприятное перерождение, либо попадёшь в рай, либо ещё что-то. Конечно, тут может ставиться требование и насчёт любви ко всему, — но это уже сложнее, потому что любовь не появляется как по команде, так и по соображениям выгоды. Доброжелательность же — вполне, ибо она может идти от ума. Конечно, такая доброжелательность — не совсем то, или совсем не то, что хотелось бы понимать под этим словом в контексте духовности. Она полезна для окружающих, но в корне своём эгоистична.

Доброжелательность может быть даже ещё более эгоистична. Например, кто-то заботится о лошади, — кормит её, поит, лечит, всячески ухаживает, хочет, чтобы она была в порядке, чтобы ей было хорошо. Причём совершенно искренне и старательно. Доброжелательность налицо. Любит? Не факт. Просто готовит к эксплуатации. Завтра он поедет на ней верхом или запряжёт её в тяжёлую телегу. Другой откармливает свиней. Тут уже прямо по Дмитрию Гайдуку: «Без врагов свинья жила, да и ту съели. <...> Кормили-кормили ту свинью, она думала: друзья, а они вдруг взяли и съели. Для того, видать, и кормили». А доброжелательность и забота тоже были несомненны. Более того: они воплощались на практике, в реальных поступках. Тут может обмануться не только свинья, но и человек.

Доброжелательность может быть даже традиционной. Она может прививаться через воспитание, через создание привычки относиться к кому-то уважительно. Или просто проявлять нечто подобное, чисто внешне. Вот уже совсем простой пример из нашего с вами быта: все мы постоянно говорим окружающим «здравствуйте», «благодарю», «всего хорошего» и т.п. А многие ли на самом деле желают этого тем, к кому обращают свои слова? Подавляющее большинство об этом даже не задумывается. Им всё равно. Нет, плохого они тоже не желают, и вполне не против, чтобы для кого-то их пожелания сбылись. Почему нет? Пусть этим людям будет хорошо. Хотя, положа руку на сердце, кого это интересует?..

И особо отметим такой нюанс: если ты желаешь кому-то добра, то это ещё не означает, что ты делаешь ему добро. Не следует путать одно и другое. Ещё никто не стал сытым от того, что ему желают не голодать.

Доброжелательность — хоть к отдельному человеку, хоть ко всему сущему — не подразумевает любви, так сказать, автоматически, и не может служить её маркером. Можно даже сказать так: чтобы быть доброжелательным, по большому счёту, достаточно не желать зла и относиться ко всем по принципу «Да пусть у них всё будет хорошо, я не возражаю». Дешёвая доброжелательность, идущая бок о бок с равнодушием, — но всё же... Альтернатива здесь — враждебность. Вот и получается, что доброжелательность многолика, и что на самом деле сама по себе

она не говорит не только о любви, но и о доброте.

А вот если есть любовь, то доброжелательность будет обязательно. Потому что можно ли не желать добра тому, кого любишь? И такая доброжелательность переходит в действие.

Словом, воспитывать в себе доброжелательность — хорошо, но лучше учиться любить. То есть заходить нужно с другой стороны, — это я о формулировке вопроса. Именно любовь должна быть в этом точкой отсчёта. Доброжелательность приложится.

© Атархат, 2021

О Творце и твари

Вопрос: В начале текста «Тэмелий» говорится: «Было время, когда не было Мироздания; тогда была великая живая тварь, которую надлежит именовать Творцом». Почему этот термин применяется к Творцу, который по определению нетварен? Так нельзя говорить.

Ответ: В отношении природы и качеств Творца существуют стереотипы, выросшие на почве монотеистических религий. Это в них Творец нетварен, ибо предвечен и совершенен. Когда речь заходит о Творце, то создаётся впечатление, что «по умолчанию» подразумевается именно такой Творец, т.е. абсолютный Бог, со всеми его атрибутами. По отношению к нему слово «тварь» действительно не может употребляться, — ведь его никто не сотворил.

В «Тэмелии» же идёт речь о Творце, каким его видит Учение. Оно не является религией, и с его точки зрения Творец — не сверхъестественная, совершенная и предвечная сущность, а реальное живое существо (хотя и масштаба Вселенной), которое когда-то появилось, и теперь развивается, с течением времени становясь совершеннее. Как появился Творец? В результате эволюции, идущей в его мире. Он её продукт. То есть её тварь.

Слово «тварь» в восприятии многих имеет негативный окрас, — то есть это некое мерзкое и вредное существо. На самом деле, нет. Тварь — это всего лишь то, что появилось не само по себе, а было кем-то сотворено. То же самое

обозначается словом «творение», но звучит это уже более мягко. Есть и тот нюанс, что тварью обычно называют живое существо, а творением, в принципе, можно назвать что угодно, — живое существо, предмет, идею, результат какого-то действия и т.д. То, что было сотворено кем-то или чем-то. Так, с точки зрения тех же монотеистических религий весь наш мир является тварным, то есть представляет собой творение Бога; и всё, что есть в мире, это творения и твари. По Учению же всё существующее возникло в результате эволюции, и является её творениями и тварями. Но сама эволюция была запущена Творцом, и идёт она в самом Творце, который и есть Вселенная. Поэтому мы и называем его Творцом, — ведь именно он и творит всё посредством эволюции. Это естественный акт творения, а не сверхъестественный. Эволюция, идущая в мире Творца и сотворившая самого Творца, продолжается в Творце как новый этап, запущенный им самим, — и появляются новые творения и твари.

Если сказать «Творец создал наш мир и нас», это прозвучит так, что сразу и не поймёшь, относится оно к Учению или к какой-нибудь религии. Действительно, подходит и сюда, и туда. Но речь при этом идёт об абсолютно разных вещах: здесь — эволюция несовершенного Творца, там — чудо совершенного Творца. На данном примере мы видим, что простой констатации факта недостаточно для понимания происходящего. Очевидность может обмануть. Что-то может совпадать внешне, и тем самым подталкивать к ложным выводам о глубинном сходстве. Ибо то, как нечто произошло, может полностью перевернуть представление о том, чем это нечто является.

Поэтому не следует судить поспешно, интерпретируя элементы и термины иного мировоззрения с позиции своего мировоззрения. Термины могут быть похожи, но смысл их может быть другим. Нужно понять, что они означают, и разобраться в контексте, который тоже может быть совсем не похож на привычный. Только при таком подходе можно рассчитывать что-то уразуметь в чужом учении.

© Атархат, 2021

РУБРИКА: **ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ**

О знаках принадлежности к Учению

Вопрос: Какие знаки принадлежности к Учению носят его последователи?

Ответ: Прежде всего отмечу, что ношение какой-либо символики или ещё чего-то, обозначающего принадлежность к Учению, необязательно. Это можно делать по желанию.

На сегодняшний день никто из нас не носит ничего такого. Это связано, прежде всего, с тем, что пока нет возможности изготавливать керамические браслеты, которые должны обозначать принадлежность к Учению. Нужна технология, средства и т.д., — то есть сложностей хватает. Да и последователей пока мало для этого. Только когда их станет достаточно много, можно будет думать о производстве браслетов.

Можно носить что-то другое. Но Учение ещё молодо, и у нас пока не сложились соответствующие традиции, — как ношения символики, так и её

изготовления. Это станет частью культуры Учения, которая сейчас находится в самом начале своего становления. Всё возникнет со временем. Многие важные элементы культуры Учения — та же символика, традиции, связанные с праздниками, литература и т.д. — формируются прямо сейчас, рождаясь буквально у нас на глазах.

Отличительных знаков мы пока не используем, своих взглядов никому не навязываем, не стремимся обязательно ввернуть в любой разговор что-нибудь про Учение, — и потому принадлежность к нему далеко не всегда очевидна. Например, можно по-приятельски общаться с его последователем или годами работать рядом с ним, но не быть в курсе, что он имеет отношение к Учению.

Ненавязчивое поведение — один из наших принципов, и мы будем придерживаться его в дальнейшем. Что же до внешних признаков принадлежности, то тут ситуация будет постепенно меняться. Появятся специальные атрибуты, удостоверяющие её (так же, как нательные крестики христиан или «пять К» сикхов). Войдут в обиход украшения и аксессуары с символикой Учения, узоры и орнаменты, созданные на её основе (один из таких орнаментов, например, был использован в оформлении обложки первой изданной книги). Может иметь место характерный стиль в одежде, причёсках и так далее. То есть со временем люди из Учения станут заметными. Но это — дело будущего. Пока же идёт работа над тем, что возможно на сегодняшний день.

© Атархат, 2021

УЧЕНИЕ ЕДИНОГО ХРАМА
ИНФОРМАЦИОННЫЕ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

Сайт Учения. Здесь представлены книги, написанные основателем Учения и входящие в пандэкт «Эрма» (собрание основополагающих текстов Учения, часть из которых представлена в аудиоварианте), а также статьи, ознакомительная информация об Учении, творчество и другие материалы.
http://eosfor.com

Канал Учения на YouTube. Здесь опубликованы различные видеоматериалы, посвящённые Учению: лекции и разъяснения по различным его аспектам, ответы на вопросы, наставления и другие материалы.
https://www.youtube.com/channel/UCMkcEFDFxsQBKx66RRKZIAg/videos

Читайте в следующем номере:

«Порядок: бытийный аспект» — Все знают, что порядок — это хорошо, а беспорядок — плохо. Тут, кажется, и обсуждать нечего. Всё и так понятно. Но понятно ли? Ведь с одной стороны, это не просто очевидная истина, а некий мировой закон, причём один из основополагающих. Закон, который нужно представлять себе более ясно и понимать более глубоко. С другой стороны, про важность порядка всё понятно, а самого порядка в мире и в жизни людей явно не хватает. Значит, всё не так уж очевидно...

«Предел возможного» — Что является для тебя невозможным? То, чего ты не можешь сделать. Ты не можешь летать, маша руками. Не можешь поднять штангу весом в тонну. Не можешь за один день научиться играть на фортепиано. И вообще не сможешь научиться, если не имеешь музыкального слуха. Твои способности и физические возможности имеют пределы. А вот украсть ты можешь. Или не можешь? Если не можешь, то почему? Ведь руки у тебя есть, и ситуация может подвернуться. Есть какой-то другой предел? Какой же? Как он возник? Насколько он непреодолим? И вообще, может ли такой предел быть непреодолимым, — так, чтобы ты мог сказать «Это невозможно»?

«Намерение как действие» — От намерения до действия может быть один шаг или один миг, — но в то же время между ними пролегает огромная дистанция. Ведь недостаточно намереваться совершить что-то. Нужно понимание, желание, решимость, воля, силы, возможности... В конце концов, может просто отпасть необходимость. Чем же является нереализованное намерение? Может быть, такой вопрос звучит странно. Но в нём есть смысл.

«Так что же с естественным отбором?» — С развитием медицины всё острее встаёт вопрос о вмешательстве человека в эволюцию. В собственную эволюцию. Потому что чем дальше, тем более серьёзным становится вторжение в естественный отбор. А ведь на нём, согласно теории, и держится сам процесс эволюции живых организмов. Поэтому многие выражают обеспокоенность будущим человечества. По их мнению, повышающиеся шансы на выживание отдельных индивидуумов понижают шансы на выживание вида в целом. Можно согласиться с тем, что вмешательство в естественный отбор имеет место. Остаётся разобраться, допустимо оно или нет.

«Всё для человека, или Подменённый гуманизм» — Забота о человеке может иметь разные формы и проявления. В том числе такие, в которых она начинает противоречить самой своей сути. Каждый из нас может вспомнить пару-тройку реальных случаев, когда родители чрезмерной заботой о ребёнке создали ему проблемы на всю дальнейшую жизнь. В наше время лозунг «Всё для человека» стал одним из краеугольных камней устройства просвещённого общества. Однако является ли этот принцип тем, чем кажется? Что значит «всё»? Всё хорошее и нужное, — надо так понимать? Но что для человека на самом деле хорошо и что ему на самом деле нужно?